

Ежеквартальный
научный журнал
Издаётся с 2018 г.

Ex jure

ISSN: 2619-0648

2023. №3

Учредитель и издатель:

Пермский
государственный
национальный
исследовательский
университет

Адрес учредителя,
издателя и редакции:

614990, Россия,
г. Пермь, ул. Букирева, 15
Тел. (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
Http://ex-jure.psu.ru

Журнал зарегистрирован
в Федеральной службе
по надзору в сфере связи,
информационных технологий
и массовых коммуникаций
(Роскомнадзор).

Регистрационный номер
ПИ № ФС 77-73154
от 22 июня 2018 г.

Подписка на журнал
осуществляется онлайн
на сайте «Пресса России».
Объединенный каталог»
[https://www.pressa-rf.ru/
cat/1/editition/e83987/](https://www.pressa-rf.ru/cat/1/editition/e83987/)
Подписной индекс 83987

РЕДАКЦИОННЫЙ СОВЕТ

Голубцов Валерий Геннадьевич (председатель) – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Габов Андрей Владимирович – д. ю. н., член-корреспондент Российской академии наук, Заслуженный юрист РФ, главный научный сотрудник сектора предпринимательского и корпоративного права Института государства и права РАН, г. Москва;

Головина Светлана Юрьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Гонгало Бронислав Мечиславович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой гражданского права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Вавилин Евгений Валерьевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой семейного и жилищного права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Ершова Инна Владимировна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой предпринимательского права Московской государственной юридической академии им. О. Е. Кутафина, г. Москва;

Зайцев Владимир Васильевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры правового обеспечения рыночной экономики Российской академии народного хозяйства и государственной службы при Президенте РФ, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Запольский Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, главный научный сотрудник сектора административного права и административного процесса Института государства и права РАН, Заслуженный юрист РФ, г. Москва;

Зуев Сергей Васильевич – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой правоохранительной деятельности и национальной безопасности Южно-Уральского государственного университета, г. Челябинск;

Кочев Владимир Александрович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры административного и конституционного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, зам. декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Тарханов Ильдар Абдулхакович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права, научный руководитель юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Толстик Владимир Алексеевич – д. ю. н., профессор, начальник кафедры теории и истории государства и права Нижегородской академии МВД РФ, г. Нижний Новгород.

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ

Кузнецова Ольга Анатольевна (главный редактор) – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права, заместитель декана по науке юридического факультета Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Аристов Евгений Вячеславович – д. ю. н., доцент, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь

Безруков Сергей Сергеевич – д. ю. н., доцент, начальник отдела Научно-исследовательского центра по исследованию проблем расследования преступлений Всероссийского научно-исследовательского института МВД РФ, г. Москва;

Валеев Дамир Хамитович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь; заместитель декана юридического факультета Казанского (Приволжского) федерального университета, г. Казань;

Васильева Юлия Валерьевна – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой трудового и международного права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Капунов Андрей Иванович – д. ю. н., профессор, руководитель научной школы «Административная и административно-процессуальная деятельность МВД России» Санкт-Петербургского университета МВД России, г. Санкт-Петербург;

Комиссарова Елена Генриховна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Липинский Дмитрий Анатольевич – д. ю. н., профессор, профессор кафедры «Конституционное и административное право» Тольяттинского государственного университета, г. Тольятти;

Лопашенко Наталья Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного и уголовно-исполнительного права Саратовской государственной юридической академии, г. Саратов;

Матвеев Антон Геннадьевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Незнамова Зинаида Александровна – д. ю. н., профессор, профессор кафедры уголовного права Уральского государственного юридического университета, г. Екатеринбург;

Пастухов Павел Сысоевич – д. ю. н., доцент, профессор кафедры уголовного процесса и криминастики Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Поляков Сергей Борисович – д. ю. н., профессор, профессор кафедры теории и истории государства и права Пермского государственного национального исследовательского университета, г. Пермь;

Романовский Георгий Борисович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой уголовного права Пензенского государственного университета, г. Пенза;

Стахов Александр Иванович – д. ю. н., профессор, зав. кафедрой административного права и процесса Российской государственной университета правосудия, г. Москва.

Федорова Марина Юрьевна – д. ю. н., профессор, Советник Конституционного суда Российской Федерации, г. Санкт-Петербург

Founder and publisher:
Perm State University

Address of the Founder,
Editorial Board, Editorial
Staff and Editorial Office:

15, Bukireva st., Perm,
Russia, 614990
Phon.+7 (342) 239-62-75
E-mail: ex-jure@mail.ru
[Http://ex-jure.psu.ru](http://ex-jure.psu.ru)

EDITORIAL BOARD

Golubtsov Valeriy Gennadyevich (Head of the Editorial Board) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm;

Gabov Andrey Vladimirovich – Doctor of Juridical Sciences, Corresponding Member of the Academy of Sciences of Russia, Honored Lawyer of the Russian Federation, Chief Researcher of the Business and Corporate Law Sector of the Institute of State and Law of the Russian Academy of Sciences Moscow;

Golovina Svetlana Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Gongalo Bronislav Mechislavovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Civil Law, The Ural State Law University, Ekaterinburg;

Vavilin Yevgeniy Valeryevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice-Rector of Scientific Affairs, Head of the Department of Family and Housing Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Yershova Inna Valentinovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Entrepreneurial Law, The Kutafin Moscow State Law University (MSAL), Moscow;

Zaitsev Vladimir Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Legal Support of Market Economy, The Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zapolskyi Sergey Vasilievich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Chief Researcher of the Branch of Administrative Law and Administrative Procedure of the Institute of State and Law, the Russian Academy of Sciences, Honored Lawyer of the Russian Federation, Moscow;

Zuev Sergei Vasilevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Law Enforcement and National Security, The South Ural State University, Chelyabinsk;

Kochev Vladimir Aleksandrovich – Professor, Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative and Constitutional Law, Perm State University, Perm;

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Tarkhanov Ildar Abdulhakovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Criminal Law, Research Supervisor of the Law Faculty, Kazan (Volga region) Federal University, Kazan;

Tolstik Vladimir Alekseevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Theory and History of State and Law, Nizhny Novgorod Academy of the Interior Ministry of the Russian Federation, Nizhny Novgorod

EDITORIAL STAFF

Kuznetsova Olga Anatolyevna (Editor in Chief) – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Vice Dean for Scientific Affairs of the Law Faculty, Perm State University, Perm;

Aristov Evgeny Vyacheslavovich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Process, Perm State University, Perm;

Bezrukov Sergey Sergeevich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Head of Division Research Center for the Study of Investigation of Crimes Issues Federal Public Establishment, National Research Institute of the Ministry of Interior of the Russian Federation, Moscow;

Valeev Damir Khamitovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Business Law, Civil and Arbitration Procedure, Perm State University, Perm; Vice Dean of the Law Faculty, Kazan (Volga Region) Federal University, Kazan;

Vasileva Yuliya Valerevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Labor and International Law, Perm State University, Perm;

Kaplinov Andrei Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Scientific School «Administrative and Administrative-Procedural Activity of the Ministry of Internal Affairs of Russia», Saint-Petersburg University of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Saint-Petersburg;

Komissarova Elena Genrikhovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Lipinsky Dmitriy Anatolyevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor in the Department of Constitutional and Administrative Law, Togliatti State University, Togliatti;

Lopashenko Natalya Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal and Criminal Executive law, Saratov State Law Academy, Saratov;

Matveev Anton Gennadievich – Doctor of Juridical Sciences, Associate Professor, Professor in the Department of Civil Law, Perm State University, Perm;

Neznamova Zinaida Aleksandrovna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Criminal Law, Ural State Law University, Ekaterinburg;

Pastukhov Pavel Sysoevich – Doctor of Juridical Sciences, Professor in the Department of Criminal Procedure and Criminology, Perm State University, Perm;

Polyakov Sergei Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Professor of the Department of Theory and History of State and Law, Perm State University, Perm;

Romanovskiy Georgiy Borisovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Criminal Law, Penza State University, Penza;

Stahov Aleksandr Ivanovich – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Head of the Department of Administrative Law and Procedure, Russian State University of Justice, Moscow;

Fedorova Marina Yurevna – Doctor of Juridical Sciences, Professor, Adviser of the Constitutional Court of the Russian Federation, Saint-Petersburg

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Михайлов С. Г., Шершень Т. В.</i> ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ. К 75-ЛЕТИЮ КАФЕДРЫ ГРАЖДАНСКОГО ПРАВА ПЕРМСКОГО ГОСУДАРСТВЕННОГО НАЦИОНАЛЬНОГО ИССЛЕДОВАТЕЛЬСКОГО УНИВЕРСИТЕТА	7
ЧАСТНОПРАВОВЫЕ (ЦИВИЛИСТИЧЕСКИЕ) НАУКИ	
<i>Бормотов А. В., Носов Д. В.</i> К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА ПО ДОЛГАМ ИСКЛЮЧЕННОГО ИЗ ЕГРЮЛ ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ	19
<i>Голубцов В. Г., Формакидов Д. А.</i> «ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ» ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ	35
<i>Ермакова А. В., Коротков Д. Б.</i> ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРЕКРАЩЕНИЯ АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОСТИ	50
<i>Захаркина А.В. Ладыгина В.П.</i> ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА	67
<i>Комиссарова Е. Г. Кузнецова О. А.</i> ТРЕБОВАНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АКСИОМЫ	84
<i>Куркова Н.А., Строгонова Т.П.</i> ПРИЗНАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУПРУГОВ ОБЩИМИ В БАНКРОТСТВЕ	99
<i>Любимова Е. В.</i> МЕХАНИЗМ ВСТУПЛЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ И УТРАТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ	108
<i>Матвеев А. Г., Мартынова Е. Ю.</i> ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГОЛОСА ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЕГО СИНТЕЗЕ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ	118
<i>Михайлов С.Г., Михайлова Н.С.</i> ПАТЕНТЫ НА ЗЕЛЕНЫЕ ТЕХНОЛОГИИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА	132
<i>Пьянкова А. Ф., Шершень Т. В.</i> РАЗДЕЛ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ: СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ, ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ	145
ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE	168

CONTENTS

<i>Mikhailov S. G., Shershen T. V.</i>	
FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT DAY:	
ON THE OCCASION OF THE 75TH ANNIVERSARY OF THE ESTABLISHMENT	
OF THE CIVIL LAW DEPARTMENT AT PERM STATE UNIVERSITY	7
PRIVATE LAW (CIVIL) SCIENCES	
<i>Bormotov A. V., Nosov D. V.</i>	
ON THE ISSUE OF SUBSIDIARY LIABILITY OF THE CONTROLLING DEBTOR OF A PERSON	
FOR DEBTS EXCLUDED FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LIMITED LIABILITY	
COMPANIES	19
<i>Golubtsov V. G., Formakidov D. A.</i>	
“PREFERENTIAL LEGAL RELATIONS” UNDER RUSSIAN CIVIL LAW	35
<i>Ermakova A. V., Korotkov D. B.</i>	
CERTAIN ISSUES OF THE STATE REGISTRATION OF A TERMINATION OF RENTAL	
PROPERTIES	50
<i>Zakharkina A. V., Ladygina V. P.</i>	
DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS A NEW PROVISION OF THE MARRIAGE CONTRACT	67
<i>Komissarova E. G. Kuznetsova O. A.</i>	
THE REQUIREMENTS OF GOOD FAITH, REASONABLENESS AND FAIRNESS	
AS CIVIL LAW AXIOMS	84
<i>Kurkova N. A., Stroganova T. P.</i>	
RECOGNITION OF OBLIGATIONS OF SPOUSES AS COMMON IN BANKRUPTCY	99
<i>Liubimova E. V.</i>	
MECHANISM OF ENTRY INTO AND LOSS OF EFFECT OF PROCEDURAL	
LEGAL PROVISIONS	108
<i>Martyanova E. Y., Matveev A. G.</i>	
CIVIL PROTECTION OF THE HUMAN VOICE DURING ITS SYNTHESIS AND	
SUBSEQUENT USE	118
<i>Mikhailov S. G., Mikhailova N. S.</i>	
PATENTS FOR “GREEN” TECHNOLOGIES: WAYS TO IMPROVE LEGISLATION	132
<i>Pyankova A. F., Shershen T. V.</i>	
MARITAL PROPERTY’ DIVISION:	
ISSUES OF THEORY, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT	145
RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN	
EX JURE	169

Уважаемые коллеги!
Вашему вниманию представлен уникальный номер журнала
***Ex jure*, посвященный 75-летнему юбилею кафедры гражданского**
права, одной из старейших на юридическом факультете
Пермского классического университета

УДК 378.4(470.53).096:347
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-7-18

ОТ ИСТОКОВ ДО СОВРЕМЕННОСТИ

К 75-летию кафедры гражданского права
Пермского государственного
национального исследовательского университета

С. Г. Михайлов

Кандидат юридических наук, доцент,
заслуженный профессор Пермского университета,
заслуженный юрист Российской Федерации

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Т. В. Шершень

Кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой гражданского права,
профессор кафедры гражданского права

614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Аннотация: статья посвящена 75-летию кафедры гражданского права ПГНИУ. В ней рассказывается об этапах становления коллектива, научных достижениях, вкладе сотрудников кафедры в развитие юридического факультета и Пермского государственного университета.

Ключевые слова: кафедра гражданского права ПГНИУ; кафедра советского гражданского права и процесса ПГУ; кафедра гражданского и уголовного права ПГУ; кафедра гражданского права и процесса ПГУ

© Михайлов С. Г., Шершень Т. В., 2023

FROM THE ORIGINS TO THE PRESENT DAY

On the Occasion of the 75th Anniversary of the Establishment
of the Civil Law Department at Perm State University

S. G. Mikhailov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: dekanur@psu.ru

T. V. Shershen

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: tamaraur@yandex.ru

Abstract: *the article is devoted to the 75th anniversary of the foundation of the Department of Civil Law at Perm State University. It tells about the stages of the formation of the team, scientific achievements, the contribution of the staff to the development of the Faculty of Law and Perm State University.*

Keywords: *Department of Civil Law at PSU; Department of Soviet Civil Law and Process at PSU; Department of Civil and Criminal Law at PSU; Department of Civil Law and Process at PSU*

Юбилей – хороший повод обратиться к истокам и истории становления и развития кафедры¹, поблагодарить альма-матер, наставников, коллег, выпускников, ведь, как известно, имя учителю делают его ученики. Несомненно, что с момента основания кафедра гражданского права неоднократно переименовывалась: возникнув как кафедра советского гражданского права и процесса, в середине пятидесятых годов прошлого века она была переименована в кафедру гражданского и уголовного права, а в начале шестидесятых – в кафедру гражданского права и процесса ПГУ.

---

¹ Об истории факультета и кафедры см.: Живописцев В. П. День открытых дверей. Пермскому государственному университету 70 лет. 1916–1986. Пермь: Пермское кн. изд-во, 1986; Михайлов С. Г. Большая история, достойные современники // Клуб юристов. 2002. № 9. С. 1; Щенникова Л. В. О кафедре гражданского права и процесса с любовью // Клуб юристов. 2002. № 9. С. 3.

В разные периоды кафедру гражданского права и процесса возглавляли известные ученые, яркие харизматичные личности: кандидат юридических наук, доцент Евгений Иванович Коваленко² (1953–1963); кандидат юридических наук, доцент Евгения Александровна Голованова (1964–1977); кандидат юридических наук, профессор, заслуженный юрист Российской Федерации, заслуженный профессор Пермского университета Сергей Георгиевич Михайлов (1977–1997; 2004–2010); доктор юридических наук, профессор Лариса Владимировна Щенникова (1998–2003). С 2010 года по настоящее время кафедрой гражданского права ПГНИУ руководит кандидат юридических наук, профессор Тамара Васильевна Шершень. В разные годы на кафедре работали такие серьезные ученые и признанные учителя, как Игорь Валентинович Алексеев, Александр Владимирович Антонов, Алексей Борисович Афанасьев, Леонид Юрьевич Бугров, Михаил Гиллерович Гуревич, Евгения Александровна Голованова, Валерий Геннадьевич Голубцов, Нинель Владимировна Грошева, Александр Георгиевич Двиняников, Кира Германовна Замятина, Николай Васильевич Зернин, Евгений Иванович Коваленко, Ольга Анатольевна Кузнецова, Серафима Николаевна Левенсон, Галина Алексеевна Микрюкова, Сергей Георгиевич Михайлов, Алексей Матвеевич Немков, Ольга Константиновна Пестова, Станислав Иванович Реутов, Ольга Александровна Серова, Альберт Леонидович Стеблов, Эвелина Михайловна Фролович, Михаил Юрьевич Челышев, Владимир Пантелеимонович Шахматов, Лариса Владимировна Щенникова, Нелли Александровна Якина.

С приходом на юридический факультет Пермского государственного университета доктора юридических наук, профессора Л. В. Щенниковой на кафедре гражданского права и процесса в 1996 году была открыта аспирантура по специальности 12.00.03 «Гражданское право; предпринимательское право; семейное право; международное частное право». И вскоре на юридическом факультете ПГУ был открыт диссертационный совет К 063.59.12. Председателем диссертационного совета стал профессор Л. Ю. Бугров, заместителем председателя профессор С. Г. Михайлов, ученым секретарем до-

---

² Евгений Иванович Коваленко – участник Великой Отечественной войны, руководил кафедрой с 1953 по 1963 год, декан юридического факультета ПГУ с 1963 по 1970 год, автор трудов, заложивших научную основу теории колхозного и земельного права в советский период. Подробнее см.: Кузнецова О. А., Попова Т. А. Вклад Е. И. Коваленко в развитие колхозного и земельного права // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. Вып. 2. С. 62–70; Стеблов А. Л. Слово об учителе (Е. И. Коваленко) // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2009. Вып. 2. С. 59–61.

цент Ю. В. Васильева. В диссертационном совете с 1998 по 2005 год успешно защитили кандидатские диссертации В. Г. Голубцов, Ю. О. Кремер, И. Ю. Мирских, Н. С. Михайлова³, М. В. Петров, И. А. Решетник. Под научным руководством доктора юридических наук, профессора Л. В. Щенниковой на кафедре защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук по специальности 12.00.03 Ю. В. Багно⁴, И. Н. Галушина⁵, В. Г. Голубцов⁶, М. В. Петров⁷, И. А. Решетник⁸, Т. М. Суслова⁹, Н. А. Чернядьева¹⁰, Т. В. Шершень¹¹; под научным руководством профессора С. Г. Михайлова – Ю. О. Кремер¹², И. Ю. Мирских¹³, В. А. Микрюков¹⁴, Д. А. Формакидов¹⁵; под научным руководством профессора В. Г. Голубцова – Д. В. Богданов¹⁶, О. С. Вагина¹⁷, Д. Н. Латыпов¹⁸, Т. П. Строгонова¹⁹; под науч-

---

³ Михайлова Н. С. Трудовое право и творчество преподавателей вузов: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2002.

⁴ Багно Ю. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, возникающих из игр и пари: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004.

⁵ Галушина И. Н. Посредничество как гражданско-правовая категория: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2006.

⁶ Голубцов В. Г. Публичные и частные начала в гражданско-правовом регулировании отношений государственной собственности: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 1999.

⁷ Петров М. В. Обеспечение интересов работников акционерных обществ и акционеров средствами трудового и гражданского права: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2002.

⁸ Решетник И. А. Гражданско-правовое регулирование лизинга в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 1998.

⁹ Суслова Т. М. Несостоятельность (банкротство) граждан, не являющихся индивидуальными предпринимателями: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2001.

¹⁰ Чернядьева Н. А. Гражданско-правовое регулирование деятельности музеев в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005.

¹¹ Шершень Т. В. Частный и публичный интерес в договорном регулировании семейных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2002.

¹² Кремер Ю. О. Гражданско-правовое регулирование вексельной ответственности: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 1998.

¹³ Мирских И. Ю. Коммерческая тайна как вид конфиденциальной информации: трудоправовой и цивилистический аспекты: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005.

¹⁴ Микрюков В. А. Ограничения и обременения права собственности и других гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2004.

¹⁵ Формакидов Д. А. Вещное право проживания: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2005.

¹⁶ Богданов Д. В. Освобождение от ответственности и ее исключение в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

¹⁷ Вагина О. С. Частноправовые и публично-правовые элементы в гражданско-правовом регулировании отношений долевого строительства: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

¹⁸ Латыпов Д. Н. Признание права как способ защиты гражданских прав: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2010.

¹⁹ Строгонова Т. П. Правовой статус членов и бывших членов семьи собственника жилого помещения: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2021.

ным руководством профессора О. А. Кузнецовой – Т. В. Андропова²⁰, А. В. Богданов²¹, М. Г. Буничева²², Н. М. Головин²³, Д. В. Головкина²⁴, А. С. Зарубин²⁵, А. В. Захаркина²⁶, С. В. Ибрагимова²⁷, Е. В. Карманова²⁸, Е. И. Трубинова²⁹; под научным руководством профессора Т. В. Шершень – А. В. Ермакова³⁰, Д. Б. Коротков³¹, Н. М. Мальцев³², А. Ф. Пьянкова³³; под научным руководством профессора А. Г. Матвеева защитила диссертацию Е. Ю. Мартынова³⁴.

На кафедре сформирован высокопрофессиональный коллектив талантливых, перспективных ученых и единомышленников, успешно совмещающих научную, учебно-методическую, воспитательную и общественную деятельность. Среди них доктора юридических наук, профессора Елена Генриховна Комиссарова – заслуженный работник высшей школы Российской Федерации, Антон Геннадьевич Матвеев, Дмитрий Анатольевич Формакидов; кандидаты юридических наук, доценты Александр Виллиевич Бормотов, Анна

²⁰ Андропова Т. В. Нетипичные формы завещания: сравнительно-правовое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2019.

²¹ Богданов А. В. Гражданско-правовой статус управляющей организации как единоличного исполнительного органа акционерного общества: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

²² Буничева М. Г. Правопреемство при реорганизации юридических лиц в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

²³ Головин Н. М. Феномен непреодолимой силы: цивилистическое исследование: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2013.

²⁴ Головкина Д. В. Гражданско-правовое регулирование договора снабжения тепловой энергией в Российской Федерации: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

²⁵ Зарубин А. С. Основания возникновения и защита прав участников размещения заказов на поставки товаров, выполнение работ, оказание услуг для государственных и муниципальных нужд: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

²⁶ Захаркина А. В. Факультативные обязательства по российскому гражданскому праву: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2016.

²⁷ Ибрагимова С. В. Возмещение вреда, причиненного жизни или здоровью граждан, при ликвидации юридических лиц, ответственных за вред, в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2010.

²⁸ Карманова Е. В. Обязательства вследствие причинения вреда правомерными действиями в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

²⁹ Трубинова Е. И. Акты недобросовестной конкуренции в сфере прав на средства индивидуализации в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2014.

³⁰ Ермакова А. В. Категория достоверности реестра прав на недвижимость в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2021.

³¹ Коротков Д. Б. Представительство как гражданское правоотношение: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2012.

³² Мальцев Н. М. Права авторов произведений науки, литературы и искусства на вознаграждение: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2017.

³³ Пьянкова А. Ф. Баланс интересов в гражданском праве России и его обеспечение в договорных отношениях: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2013.

³⁴ Мартынова Е. Ю. Гражданско-правовой режим исключительного авторского права, принадлежащего нескольким лицам: дис. ... канд. юрид. наук. Пермь, 2020.

Владимировна Ермакова, Анна Владимировна Захаркина, Дмитрий Борисович Коротков, Александра Владимировна Карзенкова, Наталия Анатольевна Куркова, Виталина Павловна Ладыгина, Елизавета Юрьевна Мартынова, Ирина Юрьевна Мирских, Наталья Сергеевна Михайлова (в настоящее время – заместитель декана юридического факультета по организации приемной кампании), Дмитрий Владимирович Носов, Анастасия Федоровна Пьянкова, Татьяна Петровна Строгонова, Гульнур Nikolaevna Эйриян, старший преподаватель Марьям Владимировна Юрченко.

В основные задачи кафедры входит учебно-методическая работа: чтение базовых курсов, а также наиболее актуальных курсов по гражданско-правовой тематике; научное исследование актуальных проблем гражданского, жилищного, семейного, земельного и экологического права и практики их применения. Студентам в рамках программ бакалавриата и специалитета читаются курсы «Гражданское право» (части первая, вторая и третья), «Жилищное право», «Семейное право», «Земельное право», «Экологическое право», «Нотариат», «Методика составления правовых документов», «Защита прав потребителей», «Недвижимость (правовые основы регистрации прав на недвижимость)» и др. Кафедра ведет подготовку магистров по направлению «Гражданское право», обеспечивая курсы «Принципы права и правоприменения», «Актуальные проблемы обязательственного права», «Вещное право», «Интеллектуальные права», «Современные проблемы семейного права».

При непосредственном участии кафедры гражданского права на юридическом факультете создана и успешно ведет работу учебно-научная лаборатория «Юридическая клиника», вдохновителем и бессменным руководителем которой является доцент кафедры Татьяна Петровна Строгонова. Справедливости ради надо сказать, что идея создания Юридической клиники на факультете принадлежит доктору юридических наук, профессору Ларисе Владимировне Щенниковой. Именно в период ее руководства кафедрой гражданского права и процесса на факультете появилась «Юридическая клиника», которая функционировала на общественных началах и структурно не была включена в архитектуру подразделений Пермского университета, однако дала бесценный опыт «живого права» для студентов и преподавателей кафедры и факультета.

Кафедра гражданского права и процесса послужила основой для создания двух кафедр: кафедры трудового права и права социального обеспечения (в настоящее время – трудового и международного права) и кафедры предпринимательского права. Кафедра трудового права и права социального

обеспечения была выделена на общественных началах в 1977 году, ее первым заведующим стала яркая, искрометная Евгения Александровна Голованова, о которой на факультете ходили легенды, а позднее – ее выдающийся ученик профессор Леонид Юрьевич Бугров. Сегодня кафедру трудового и международного права возглавляет профессор Юлия Валерьевна Васильева. Кафедрой предпринимательского права (ныне – предпринимательского права, гражданского и арбитражного процесса) с момента создания и по настоящее время руководит доктор юридических наук, профессор Валерий Геннадьевич Голубцов. Выделение кафедры предпринимательского права произошло в апреле 2012 года; именно тогда, передав цивилистический процесс на дружественную кафедру, кафедра гражданского права и процесса была переименована в кафедру гражданского права. До преобразования в 2012-м это была одна из самых больших кафедр на факультете: ее состав насчитывал сорок сотрудников.

Коллектив кафедры работает в рамках общей научной темы «Публично-правовые и частноправовые начала в регулировании имущественных и личных неимущественных отношений». По итогам научной работы издаются монографии, публикуются научные статьи в рецензируемых научных журналах; результаты научных исследований отражаются в учебных и учебно-методических изданиях кафедры. Кафедра гражданского права как структурное подразделение юридического факультета ПГНИУ принимает непосредственное участие в организации и проведении Межрегионального российского форума классической юридической университетской науки «Пермский конгресс ученых юристов» и его сателлитного проекта – Пермских чтений по методологическим проблемам цивилистических исследований памяти профессора М. Ю. Чельшева.

Научная школа, сформированная на кафедре, позволяет готовить квалифицированные кадры: по кафедре успешно защитили диссертации на соискание ученой степени кандидата юридических наук и доктора юридических наук³⁵ в диссертационных советах Москвы, Екатеринбурга, Волгограда, Саратова, в объединенном диссертационном совете, созданном на базе ФГБОУ ВО «Пермский государственный национальный исследовательский университет» и ФГБОУ ВО «Ульяновский государственный университет».

---

³⁵ Кузнецова О. А. Специализированные нормы российского гражданского права: теоретические проблемы: дис. ... д-ра юрид. наук. Екатеринбург, 2007; Голубцов В. Г. Участие Российской Федерации в имущественных отношениях, регулируемых гражданским законодательством: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2008; Матвеев А. Г. Система авторских прав в России: нормативные и теоретические модели: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2016; Формакидов Д. А. Договорное регулирование жилищных отношений в Российской Федерации: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 2022.

С гордостью и радостью за талантливых, целеустремленных коллег, которые формируют научное портфолио кафедры гражданского права, хочется отметить научные достижения профессора А. Г. Матвеева, победителя конкурса на соискание Премии Пермского края в области науки I степени за 2017 год, и его ученицы – доцента Е. Ю. Мартыновой, в 2022 году удостоенной единственной национальной премии на территории России для женщин-ученых и специалистов – премии «Колба».

Профессор А. Г. Матвеев, доценты А. В. Захаркина и Е. Ю. Мартынова являются лидерами кафедры по исследованиям в рамках грантов различных фондов:

Грант Российского гуманитарного научного фонда (РГНФ) № 07-03-00119а «Регламентация и защита личных неимущественных прав автора в международном и российском праве» (2007–2009);

Грант РГНФ № 10-03-00159а «Обоснование и перспективы авторского права в условиях информационного общества» (2010–2011);

Грант РГНФ № 13-03-00191 «Структура, содержание, осуществление и защита исключительного авторского права» (2013–2014);

Грант РГНФ № 15-03-00456 «Национальные системы авторских прав: нормативные и теоретические модели» (2015–2017);

Грант Российского фонда фундаментальных исследований (РФФИ) № 18-011-00628 «Природа и система смежных прав» (2018–2020);

Грант РФФИ № 19-311-90012 «Гражданско-правовой режим исключительного авторского права, принадлежащего нескольким лицам» (2019–2020);

Грант РФФИ № 20-111-50171 «Патентоспособность алгоритмов компьютерных программ в государствах Большой двадцатки (G20)»;

Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук (конкурс МК-2022) «Статуирование цифровых финансовых активов как нового инструмента цифрового гражданского оборота: анализ современного состояния российского законодательства и прогнозирование в условиях посткоронокризиса» (2022–2023);

Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук (конкурс МК-2020) «Позитивизация смарт-контракта как нового института обязательственного права Российской Федерации, стимулирующего контрагентов к безопасному экономическому сотрудничеству, в условиях формирования нормативной платформы экосистемы цифровой экономики» (2020–2021);

Грант РФФИ и Пермского края проектов 2019 года 19-411-590001 р_а «Цифровизация региональной нормативной платформы инструментов развития субъектов малого и среднего предпринимательства в Пермском крае с целью завоевания им статуса инвестиционно привлекательного региона» (2019–2020);

Грант РФФИ проектов 2018 года «Надлежащее исполнение факультативных и альтернативных обязательств как условие повышения эффективности гражданского оборота, а также инвестиционной привлекательности российской правовой и экономической системы в свете реформирования обязательственного права Российской Федерации» (2018–2019);

Грант Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых ученых – кандидатов наук (конкурс МК-2018) «Надлежащее исполнение сложных обязательств как необходимое условие повышения инвестиционной привлекательности российской правовой системы в свете широкомасштабной реформы обязательственного права Российской Федерации» (2018–2019).

Кафедра имеет давние и многосторонние связи с практическими органами и организациями города Перми, Пермского края и Российской Федерации: Управлением Федеральной службы государственной регистрации, кадастра и картографии по Пермскому краю, Семнадцатым апелляционным арбитражным судом, Арбитражным судом Пермского края, Пермским краевым судом, районными судами г. Перми, Нотариальной палатой Пермского края, Комитетом записи актов гражданского состояния Пермского края и многими другими. Сотрудники организаций в качестве совместителей обеспечивают проведение занятий по курсам «Нотариат» (помощник нотариуса В. П. Ладыгина), «Правовые основы регистрации недвижимости» (начальник отдела анализа и обобщения судебной практики Арбитражного суда Пермского края А. В. Ермакова), «Методика составления правовых документов» (судья Арбитражного суда Пермского края Д. Б. Коротков). Суды общей юрисдикции и арбитражные суды выступают в качестве баз производственной практики, предоставляя студентам третьего и четвертого курсов гражданско-правовой профориентации возможность закрепления полученных теоретических знаний в сфере материального и процессуального права.

Ведущие сотрудники кафедры входят в составы профессиональных экспертных объединений: Федерального учебно-методического объединения в системе высшего образования по укрупненной группе специальностей

и направлений подготовки 40.00.00 «Юриспруденция»; ученого совета университета (зав. кафедрой Т. В. Шершень); ученого совета юридического факультета ПГНИУ (доцент Н. А. Куркова, зав. кафедрой Т. В. Шершень); научно-консультативного совета при Пермском краевом суде (зав. кафедрой Т. В. Шершень); общественного совета при Комитете ЗАГС Пермского края (доцент А. Ф. Пьянкова, зав. кафедрой Т. В. Шершень); квалификационной комиссии по приему квалификационного экзамена у лиц, прошедших стажировку и желающих заниматься нотариальной деятельностью, и экзаменационной комиссии Пермского края по приему экзамена на должность судьи (зав. кафедрой Т. В. Шершень); экспернского совета при Уполномоченном по правам человека в Пермском крае (зав. кафедрой Т. В. Шершень). В составы редакционных коллегий научных журналов входят авторитетные ученые – профессора Е. Г. Комиссарова, А. Г. Матвеев, Т. В. Шершень, доцент А. Ф. Пьянкова. Общественным помощником Уполномоченного по правам человека в Пермском крае является доцент кафедры, успешно практикующий юрист Т. П. Строгонова.

Многие члены кафедры, активно и плодотворно совмещающие преподавательскую, учебно-методическую, научную и практическую юридическую деятельность, получили признание профессионального юридического сообщества Пермского края – Клуба Юристов. Премии Клуба юристов в разные годы были удостоены: в номинации «Юрист года» – профессор С. Г. Михайлов (2003), доцент Н. А. Куркова (2013); в номинации «Корпоративный юрист» – доцент Н. В. Зернин (2005); в номинации «Право и образование» – доцент Т. В. Шершень (2005), профессор О. А. Кузнецова (2010), доцент Н. С. Михайлова (2012), профессор Д. А. Формакидов (2022); в номинации «Правосудие» – доцент кафедры, начальник отдела анализа и обобщения судебной практики Арбитражного суда Пермского края А. В. Ермакова; в номинации «Нотариат» – нотариус, старший преподаватель Е. А. Тарасова (2006); в номинации «Дебют» – доцент Д. А. Формакидов (2005), доцент А. Ф. Пьянкова (2009), аспиранты кафедры А. И. Литвина (2010), Е. И. Трубинова (2012), А. В. Захаркина (2014), Н. М. Мальцев (2017), Е. Ю. Мартынова (2019). Лауреатом премии Пермской области II степени имени Л. Е. Кертмана в 2004 году была признана О. А. Кузнецова за монографии «Презумпции в гражданском праве» и «Фиктивные явления в праве» и серию статей по проблемам презумпций и фикций в праве.

В конкурсе профессионального мастерства «Лучший юрист Прикамья» лучшими признавались Е. Ю. Мартынова (2015), Д. В. Носов (2022).

Призером Всероссийского конкурса «Лучшие медиапрактики в образовательном процессе» 2022 года стала талантливый молодой ученый Е. Ю. Мартынова, доцент кафедры гражданского права.

Лауреатами конкурса на лучшую научно-исследовательскую работу среди ученых ПГНИУ становились А. Г. Матвеев (2016), Д. А. Формакидов (2018); среди молодых ученых ПГНИУ (ПГУ) – Т. В. Шершень (2002), Д. А. Формакидов (2005), Д. Б. Коротков (2012), А. Ф. Пьянкова (2013), А. В. Захаркина (2014), Е. Ю. Мартынова (2020).

Гражданское право является одной из самых сложных правовых дисциплин, изучаемых на юридическом факультете, и вместе с тем интерес студентов к углубленному изучению предметов цивилистического цикла не иссякает. Яркое подтверждение тому – число студентов, выбирающих профиль «Гражданское право», увлеченность студентов наукой и их интерес к научным мероприятиям факультета, таким как Пермский конгресс ученых юристов, Пермские чтения по методологическим проблемам цивилистических исследований памяти профессора М. Ю. Челышева, олимпиадные недели, студенческие конференции, круглые столы, телемосты, научные кружки. В апреле 2023 года по традиции состоялась 25-я научная конференция молодых ученых «Норма. Закон. Законодательство. Право». С легкой руки декана С. Г. Михайлова на юридическом факультете в конце 1990-х годов было возрождено студенческое научное общество (СНО), у истоков которого стояла, будучи молодым ассистентом кафедры гражданского права и процесса, Т. В. Шершень, а само название конференции, ставшее визитной карточкой студенческой науки юридического факультета ПГУ, в 2005 году предложил тогда еще студент, активный член СНО Д. В. Носов. Председателем СНО в студенческие годы была А. Ф. Пьянкова. После успешной защиты кандидатской диссертации она руководит студенческим научным кружком «Клуб любителей цивилистики», который стал востребованной площадкой для обсуждения актуальных частноправовых проблем, законодательных новелл в сфере гражданского, семейного, жилищного, земельного права, правоприменительной практики. Заседания клуба проходят с участием приглашенных экспертов – успешных выпускников юридического факультета: нотариусов И. С. Закалиной, М. Н. Борониной, Е. А. Тарасовой, председателя президиума Пермской объединенной краевой коллегии адвокатов С. И. Рыжова, практикующих юристов Н. В. Зернина, М. Н. Попова, О. А. Серебровой.

Кафедра гражданского права поддерживает тесные научные связи с российскими вузами, родственными кафедрами ведущих юридических вузов и юридических факультетов Москвы, Санкт-Петербурга, Екатеринбурга, Казани, Краснодара, Курска, Омска, Саратова, Самары, Твери, Иркутска, Ульяновска, Ярославля и других городов России и ближнего зарубежья.

Сильному научному коллективу родной кафедры хочется пожелать процветания и развития, сохранения академических свобод, добрых традиций, научных связей, зарождения и приумножения новых, финансового благополучия, достижения поставленных амбициозных целей и мотивированных талантливых студентов!

Информация для цитирования

Михайлов С. Г., Шершень Т. В. От истоков до современности. К 75-летию кафедры гражданского права Пермского государственного национального исследовательского университета // Ex jure. 2023. № 3. С. 7–18.
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-7-18.

Mikhailov S. G., Shershén T. V. From the Origins to the Present Day: on the Occasion of the 75th Anniversary of the Establishment of the Civil Law Department at Perm State University Ex jure. 2023. № 3. Pp. 7–18.
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-7-18.

УДК 343.535

DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-19-34

К ВОПРОСУ О СУБСИДИАРНОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТИ
КОНТРОЛИРУЮЩЕГО ДОЛЖНИКА ЛИЦА
ПО ДОЛГАМ ИСКЛЮЧЕННОГО ИЗ ЕГРЮЛ
ОБЩЕСТВА С ОГРАНИЧЕННОЙ ОТВЕТСТВЕННОСТЬЮ

А. В. Бормотов

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: bav171@yandex.ru

Д. В. Носов

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Московский государственный
юридический университет им. О. Е. Кутафина
125993, Россия, г. Москва, ул. Садовая-Кудринская, 9

Доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: nosovdv@yandex.ru

© Бормотов А. В., Носов Д. В., 2023

Аннотация: рассматривается институт привлечения к субсидиарной ответственности контролирующих должника лиц в случае исключения общества с ограниченной ответственностью из единого государственного реестра юридических лиц в порядке, предусмотренном для недействующих юридических лиц. На основе анализа действующего законодательства и практики его применения различными судебными инстанциями определяется состав гражданского правонарушения, за которое к субсидиарной ответственности привлекается контролирующее должника лицо в случае исключения ООО из ЕГРЮЛ в административном порядке. В статье также изучаются вопросы сроков исковой давности и действия нормы пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» во времени.

Ключевые слова: субсидиарная ответственность, ликвидация юридических лиц, исключение недействующего общества с ограниченной ответственностью из ЕГРЮЛ, контролирующее должника лицо

ON THE ISSUE OF SUBSIDIARY LIABILITY OF THE CONTROLLING DEBTOR OF A PERSON FOR DEBTS EXCLUDED FROM THE UNIFIED STATE REGISTER OF LIMITED LIABILITY COMPANIES

A. V. Bormotov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: bav171@yandex.ru

D. V. Nosov

Kutafin Moscow State Law University
9, Sadovaya-Kudrinskaya st., Moscow, 125993, Russia

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: nosovdv@yandex.ru

Abstract: the article considers the institution of bringing to subsidiary liability of persons controlling the debtor in case of exclusion of a limited liability company from the Unified State Register of Legal Entities in the manner prescribed for inactive legal entities. Based on the analysis of the current legislation and the practice of its application by various judicial instances,

the composition of a civil offense is studied, for which the controlling debtor is brought to subsidiary responsibility in case of exclusion of a limited liability company from the Unified State Register of Legal Entities in the administrative order. The article also discusses the issues of limitation periods and the validity of the norm of clause 3.1 of Article 3 of the Federal Law "On Limited Liability Companies" in time.

Keywords: subsidiary liability, liquidation of legal entities, exclusion of an inactive limited liability company from the Unified State Register of Legal Entities, the person controlling the debtor

Пункт 3.1 статьи 3 Федерального закона от 8 февраля 1998 г. № 14-ФЗ «Об обществах с ограниченной ответственностью» (далее – Закон об ООО) устанавливает возможность возложения на лиц, указанных в пунктах 1–3 статьи 53.1 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ), субсидиарной ответственности по обязательствам общества с ограниченной ответственностью, исключенного из единого государственного реестра юридических лиц (далее – ЕГРЮЛ) в порядке для недействующих лиц. Субъектами такой ответственности выступают: 1) лицо, которое в силу закона, иного правового акта или учредительного документа уполномочено выступать от имени общества (им может быть единоличный исполнительный орган, управляющий); 2) члены коллегиальных органов общества, голосовавшие за решение, повлекшее невозможность исполнения обязательств, либо недобросовестно уклонившиеся от участия в голосовании по такому вопросу; 3) лицо, имеющее фактическую возможность определять действия общества, в том числе давать указания лицам, отмеченным выше.

Лицо, определяющее действия общества, относится, по существу, к категории контролирующего должника лица в деле о банкротстве (ст. 61.10 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»; п. 3 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). Думается, указанный субъект, привлекаемый к ответственности, может также называться «субсидиарный должник», «контролирующее должника лицо».

Долг, возникший из субсидиарной ответственности, подчиняется тому же правовому режиму, что и иные долги, связанные с возмещением вреда

---

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 14.04.2023).

имуществу участников оборота (ст. 1064 ГК РФ²; п. 22 Обзора судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2020)³).

Состав гражданского правонарушения при привлечении контролирующего должника лица к субсидиарной ответственности по пункту 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»

Субсидиарная ответственность является частным видом гражданско-правовой ответственности, поэтому для привлечения к ней необходимо наличие всех элементов состава гражданского правонарушения: противоправного действия, вреда, причинной связи между ними, вины правонарушителя (то есть когда невозможность погашения долга возникла в результате неразумного, недобросовестного поведения контролирующих лиц и по их вине). При этом возложение обязанности нести субсидиарную ответственность осуществляется по правилам статьи 15 ГК РФ.

Противоправность действия субсидиарного должника заключается в его недобросовестном и неразумном поведении, повлекшем неисполнение обязательств общества.

Пунктом 3 статьи 10 ГК РФ установлена презумпция добросовестности участников гражданских правоотношений. Данное правило распространяется и на руководителей хозяйственных обществ, членов их органов управления. Таким образом, предполагается, что указанные лица при принятии деловых решений, в том числе рискованных, действуют в интересах общества, а также иных групп лиц, включенных в правоотношения с участием общества (кредиторы).

В соответствии с пунктом 1 постановления Пленума Высшего Арбитражного Суда РФ от 30 июля 2013 г. № 62 «О некоторых вопросах возмещения убытков лицами, входящими в состав органов юридического лица» и в силу пункта 5 статьи 10 ГК РФ истец должен доказать наличие обстоятельств, свидетельствующих о недобросовестности и (или) неразумности действий (бездействия) директора, повлекших неблагоприятные последствия для юридического лица. Само по себе исключение юридического лица из ЕГРЮЛ в результате

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 26 янв. 1996 г. № 14-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 1995 г. (ред. от 01.07.2021, с изм. 08.07. 2021).

³ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020): утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации 10 июня 2020 г. URL: <https://www.vsrif.ru/documents/practice/28993/?ysclid=lhpzb5cc8p451013526>.

действий (бездействия), которые привели к такому исключению (отсутствие отчетности, расчетов в течение долгого времени), не является достаточным основанием для привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с положениями, закрепленными в пункте 3.1 статьи 3 Закона об ООО.

В предмет доказывания в части выявления противоправности поведения должно входить установление порядка ведения хозяйственной деятельности: совершились ли ответчиком действия (сделки, решения) либо было допущено бездействие, результатом которых стала неплатежеспособность и (или) недостаточность имущества общества. Полагаем, что примером такого поведения является намеренное прекращение деятельности должника (в том числе с возобновлением этой деятельности другим лицом), выгодоприобретателем которого является субсидиарный должник. Неправомерным судебная практика по данной категории дел признает также расходование денежных средств не на нужды общества при наличии долга. Однако если списание средств было произведено в порядке статьи 855 ГК РФ, то следует признать, что такое распоряжение само по себе не является нарушением прав кредитора, на удовлетворение требований которого средств оказалось недостаточно.

Следовательно, поведение субсидиарного должника, выходящее за пределы обычного делового риска и направленное на причинение вреда кредиторам, признается неразумным и недобросовестным и повлекшим невозможность исполнение обязательств общества.

Вред как элемент генерального деликта выражается в претерпевании кредитором состояния неисполнения основным должником обязательства, в том числе вследствие причинения вреда ему. Это дает основание утверждать, что к субсидиарной ответственности лицо может быть привлечено за причинение как имущественного, так и морального вреда.

В судебной практике возникает вопрос о необходимости подтверждения вреда судебным актом (точнее, о том, осуществил ли кредитор принудительную защиту своего обязательственного права в отношении основного должника и, более того, окончено ли исполнительное производство)⁴.

Из буквального толкования пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО следует, что предварительное обращение в суд к основному должнику не требуется. Кредитор вправе доказывать нарушенное обязательственное право с помо-

---

⁴ Постановление Девятого арбитражного апелляционного суда от 27 апр. 2022 г. № 09АП-18983/2022 по делу № А40-79519/2021.

щью всего гражданско-правового инструментария, что, в свою очередь и в силу статьи 1 ГК РФ, позволяет и субсидиарному должнику возражать аналогичным образом. Кроме того, исключение общества из ЕГРЮЛ в порядке ликвидации недействующих юридических лиц влечет последствия для отказа основного должника от исполнения обязательства, то есть применяется статья 399 ГК РФ, в соответствии с которой достаточным условием привлечения лица к субсидиарной ответственности выступает отказ основного должника от удовлетворения требования кредитора или неполучение последним в разумный срок ответа на это требование. Однако в постановлении от 21 мая 2021 г. № 20-П⁵ Конституционный Суд Российской Федерации (далее также – Суд), признавая пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО соответствующим Конституции Российской Федерации, вывод о законности привлечения лиц к субсидиарной ответственности по долгам общества исходя из предположения о том, что именно бездействие этих лиц привело к невозможности исполнения обязательств перед кредитором, пока на основе фактических обстоятельств дела не доказано иное, обусловил удовлетворением судом исковых требований кредитора. Эту же позицию Суд занял и в постановлении от 7 февраля 2023 г. № 6-П, где пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО во взаимосвязи с подпунктом 1 пункта 12 статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» вновь признан не противоречащим Конституции РФ в условиях удовлетворенных судом исковых требований кредитора к основному должнику на момент исключения последнего из ЕГРЮЛ.

Обязанность по компенсации морального вреда возникает с момента его причинения, однако размер морального вреда определяется судом.

В соответствии со статьей 419 ГК РФ обязательство прекращается ликвидацией юридического лица (должника), кроме случаев, когда законом или иными правовыми актами исполнение обязательства ликвидированного юридического лица возлагается на другое лицо (по требованиям о возмещении вреда, причиненного жизни или здоровью, и др.). Разъяснения приведенной нормы в пункте 41 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 11 июня 2020 г. № 6 «О некоторых вопросах применения положений Гражданского кодекса Российской Федерации о прекращении обязательств» указывают, что «в случае исключения юридического лица из единого государст-

---

⁵ По делу о проверке конституционности пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданки Г. В. Карпук: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 21 мая 2021 г. № 20-П.

венного реестра юридических лиц как недействующего (статья 64.2 ГК РФ) к обязательственным отношениям, в которых оно участвовало, подлежит применению статья 419 ГК РФ, если специальные последствия не установлены законом».

Полагаем, в целях защиты прав кредитора пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО нужно признать специальной нормой, позволяющей сохранить обязательство, если будут доказаны условия привлечения субсидиарного должника к ответственности. При этом в данном самостоятельном споре о привлечении лица к субсидиарной ответственности кредитор вправе доказывать размер морального вреда.

Конституционный Суд РФ в постановлении от 21 мая 2021 г. № 20-П, рассмотрев жалобу в связи с привлечением к субсидиарной ответственности по пункту 3.1 статьи 3 Закона об ООО, в том числе из обязательства по компенсации морального вреда, не высказался против возложения компенсации на субсидиарного должника (однако и соответствующий вопрос перед Судом поставлен не был).

Таким образом, установленное Конституционным Судом РФ истолкование пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО требует принятия кредитором мер судебной защиты своего права в отношении основного должника. Непринятие таких мер не позволит привлечь субсидиарного должника к ответственности, что спорно.

Причинно-следственная связь как неотъемлемый элемент состава правонарушения должна быть прямой: неисполнение обязательства обусловлено поведением контролирующего лица. Думается, в рассматриваемой ситуации следует руководствоваться подходом, изложенным в пункте 16 постановления Пленума Верховного Суда РФ от 21 декабря 2017 г. № 53 «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»: суд оценивает существенность влияния действий (бездействия) контролирующего лица на положение должника, проверяя наличие причинно-следственной связи между действиями (бездействием) контролирующего лица и фактически наступившим объективным банкротством (неудовлетворением требований кредитора). Это предполагает активный процесс доказывания стороной спора и оценку доказательств по правилам процессуального законодательства судом.

Исследуемые отношения, усматриваем, обладают своей спецификой применительно к установлению причинной связи. Неисполнение обяза-

тельств может быть обусловлено рисковым характером предпринимательской деятельности (ст. 2 ГК РФ), а также принципом беспрепятственного и по своему усмотрению осуществления принадлежащих лицам гражданских прав (ст. 1, 9 ГК РФ), а не только невозможностью получения долга с ликвидированного в административном порядке юридического лица.

На практике⁶ суды исходят из того, что причинно-следственная связь доказана, если кредитор принял меры по недопущению ликвидации недействующего общества в административном порядке, направив в регистрирующий орган заявление в порядке, установленном Федеральным законом от 8 августа 2001 года № 129-ФЗ «О государственной регистрации юридических лиц и индивидуальных предпринимателей» (п. 4 ст. 21.1), в том числе по обжалованию действий регистрирующего органа по ликвидации лица.

Как известно, *вина* в гражданском праве презюмируется (ст. 401, 1064 ГК РФ). Следует согласиться с О. В. Гутниковым в том, что «фактически для привлечения контролирующих лиц к субсидиарной ответственности перед кредиторами недействующего юридического лица необходимо устанавливать вину (недобросовестность и неразумность) контролирующих лиц в невозможности удовлетворения требований кредиторов исходя из правил о распределении бремени доказывания, применяемых для статьи 53.1 ГК РФ»⁷.

Так, в практике судов⁸ однозначно отстаивается подход, согласно которому контролирующее лицо не может быть привлечено к субсидиарной ответственности, если докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась по обычным условиям делового оборота и с учетом сопутствующих деятельности общества предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед своими кредиторами.

⁶ Постановление Десятого арбитражного апелляционного суда от 9 дек. 2021 г. № 10АП-23057/2021 по делу № А41-42466/2021.

⁷ Гутников О. В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 61.

⁸ См., напр.: Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы общества с ограниченной ответственностью «Урал-Щебень» на нарушение его конституционных прав пунктом 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» во взаимосвязи с пунктом 1 статьи 200 Гражданского кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда Рос. Федерации от 11 нояб. 2021 г. № 2358-О.

Конституционный Суд РФ ориентирует⁹ правоприменителей на восприятие в анализируемой категории дел подхода банкротного регулирования (ст. 61.10, 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)»), по сути аналогичного классическому цивилистическому подходу (ст. 401, 1064 ГК РФ) в части презумпции вины и возложения ответственности при установлении прочих оснований¹⁰, но со своей спецификой.

А. В. Габов утверждает, что «такая прямая отсылка к законодательству о несостоятельности (банкротству) и практике его применения в части субсидиарной ответственности в делах, связанных с привлечением к субсидиарной ответственности... представляется излишней. В комментируемом пункте (п. 3.1 ст. 3 Закона об ООО. – А.Б., Д.Н.) ни о каком фактическом банкротстве речь не идет, а для уяснения оснований для привлечения к ответственности указанных в нем лиц вполне достаточно разъяснений, касающихся вопросов ответственности членов органов управления организаций»¹¹. Между тем использование в этой ситуации ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», думается, будет более предпочтительно. Особенность презумпции вины кроется в презумпциях пунктов 2 и 12 статьи 61.11 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (причинение существенного вреда кредиторам сделками должника, в целом искажение бухгалтерской отчетности и пр.). Данные презумпции позволяют считать доказанными противоправное поведение, вред и связи между ними, то есть кредитор, находящийся вне сферы предпринимательской деятельности должника, освобождается от доказывания названных условий.

Таким образом, встает вопрос о перераспределении бремени доказывания, когда лицо, привлекаемое к ответственности, обязано доказывать отсутствие всех четырех условий привлечения к субсидиарной ответственности.

Основываясь на правовых позициях Конституционного Суда РФ, изложенных в постановлении от 7 февраля 2023 г. № 6-П, можно заключить, что

---

⁹ По делу о проверке конституционности подпункта 1 пункта 12 статьи 61.11 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)» и пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью» в связи с жалобой гражданина И. И. Покуля: постановление Конституционного Суда Рос. Федерации от 7 февр. 2023 г. № 6-П.

¹⁰ Истец обязан доказать сам факт причинения ему убытков и наличие причинной связи между действиями причинителя вреда и наступившими последствиями (ст. 65 АПК РФ, постановление Президиума ВАС РФ от 12 апр. 2011 г. № 15201/10 по делу № А76-41499/2009-15-756/129).

¹¹ Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / под ред. И. С. Шиткиной; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. М.: Статут, 2021. Т. 1. С. 78.

на текущий момент ключевое значение приобретает правильное распределение бремени доказывания в споре о привлечении субсидиарного должника к ответственности по долгам ликвидированного в административном порядке общества с ограниченной ответственностью.

В приведенном постановлении заложено два условия перекладывания бремени доказывания невозможности погашения долга вследствие виновных действий ответчика по настоящей категории дел:

1) недобросовестность контролирующего лица;

2) исполнение кредитором обязанности представления косвенных доказательств, которые убедительно обосновывают невозможность исполнения обязательства вследствие действий субсидиарного должника.

Недобросовестность такого должника проявляется в отказе от дачи пояснений, воспрепятствовании осуществлению прав кредитора на судебную защиту. В отсутствие у кредитора, действующего добросовестно, доступа к сведениям и документации о хозяйственной деятельности должника и при отказе или уклонении контролирующего лица от дачи пояснений о своих действиях (бездействии) при управлении должником, о причинах неисполнения обязательств перед кредитором и прекращения обществом хозяйственной деятельности или при явной неполноте пояснений, при непредставлении доказательств правомерности своего поведения (то есть при установлении судом недобросовестности поведения контролирующего должника лица в процессе) обязанность доказать отсутствие оснований для привлечения к субсидиарной ответственности возлагается судом на лицо, привлекаемое к субсидиарной ответственности.

При ответе на вопрос, представил ли кредитор убедительные косвенные доказательства невозможности исполнения обязательств вследствие действий лица, следует руководствоваться банкротным подходом: если арбитражный управляющий или кредиторы с помощью косвенных доказательств убедительно обосновали утверждения о наличии у привлекаемого к ответственности лица статуса контролирующего и невозможности погашения требований кредиторов вследствие действий (бездействия) последнего, бремя опровержения этих утверждений переходит на привлекаемое лицо, которое должно доказать, почему письменные документы и иные доказательства арбитражного управляющего, кредиторов не могут быть приняты в подтверждение их доводов, раскрыв свои документы и представив объяснения относительно того, как на самом деле осуществлялась хозяйственная

деятельность (п. 56 постановления «О некоторых вопросах, связанных с привлечением контролирующих должника лиц к ответственности при банкротстве»). Следовательно, пока кредитором не будет доказано отсутствие у него возможности получения доступа к сведениям и документам о хозяйственной деятельности должника и не будут представлены убедительные косвенные доказательства виновных действий ответчика, вызвавших непогашение долга, а также его недобросовестности, возлагать на субсидиарного должника бремя доказывания отсутствия оснований для привлечения к субсидиарной ответственности нельзя.

При этом Конституционный Суд РФ учитывает объективную невозможность (по общему правилу) кредитора получить информацию о деятельности основного должника. Но теперь Суд перестал требовать от кредитора-предпринимателя таких действий, на возможность совершения им которых указывал в постановлении от 21 мая 2021 г. № 20-П и в определении от 11 ноября 2021 г. № 2358-О и несовершение которых в приведенной практике расценивалось в качестве недоказанности причинно-следственной связи. Среди этих действий подача кредитором заявления в регистрирующий орган для недопущения административной ликвидации, а также подача кредитором, как следствие, заявления о банкротстве основного должника в целях сохранения информации о его хозяйственной деятельности.

На сегодняшний день инициирование банкротства признается мерой, долгой и затратной для кредитора; процедура сбора информации через адвокатский запрос, судебное истребование доказательств, содействие судебного пристава-исполнителя в потенциале расцениваются как неэффективные.

В то же время действие принципа равенства участников отношений (ст. 1 ГК РФ) не отменяется. Полагаем, поэтому Суд вводит через призму добросовестности стандарт поведения для кредитора. Излагая рассуждения емо, можно выделить следующие критерии ожидаемого в обороте поведения кредитора:

Во-первых, неспособствование увеличению своего вреда (ст. 404 ГК РФ). Но здесь, считаем, обоснованно оценить поведение кредитора на предмет осмотрительности, в том числе своевременного использования им механизмов досудебной и судебной защиты прав и принудительного исполнения решения.

Во-вторых, отсутствие полного доступа к сведениям о хозяйственной деятельности общества. Статус заинтересованного, в том числе аффилированного лица (ст. 19 ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц¹²), может свидетельствовать о наличии такого полного доступа.

В-третьих, отсутствие возможности влиять на деятельность должника посредством его санации, навязывания условий договора (договор присоединения, кабальный договор).

С учетом устоявшегося понимания статуса кредитора как активной стороны, действующей именно для защиты своих прав, полагаем, что у субсидиарного должника есть основания ставить вопрос об оценке поведения кредитора, не осуществлявшего свои права в исполнительном производстве, не обращавшегося с заявлением о банкротстве основного должника, не препятствовавшего ликвидации общества, не принимавшего мер по возмездному отчуждению своего права правопреемнику (например, фактору) в пределах разумных сроков предъявления исполнительного листа к взысканию либо не совершившему иные подобные действия. Если кредитор не предпринимал ни одного разумного действия, направленного на получение долга (и возбуждения исполнительного производства недостаточно), то предъявление требований к контролирующему лицу на исходе срока исковой давности необходимо квалифицировать в качестве неразумного (недобросовестного) поведения.

Перечень показателей добросовестности является открытым.

Распределение бремени доказывания трех, кроме вины, условий субсидиарной ответственности нестатично. В ходе рассмотрения дела суд, предварительно возложив на субсидиарного должника бремя доказывания в связи с установлением его недобросовестности, вправе перенести это бремя на кредитора, если будет выявлено нарушение им стандарта поведения кредитора.

---

¹² Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с установлением в процедурах банкротства требований контролирующих должника и аффилированных с ним лиц; утв. Президиумом Верхов. Суда Рос. Федерации от 29 янв. 2020 г. URL: <https://www.vscr.ru/documents/all/28682/?ysclid=lhq8z5ilct766012244>.

Срок исковой давности при привлечении контролирующего
должника лица к субсидиарной ответственности
по пункту 3.1 статьи 3 Федерального закона
«Об обществах с ограниченной ответственностью»

Специальный срок исковой давности привлечения к субсидиарной ответственности в соответствии с пунктом 3.1 статьи 3 Закона об ООО не установлен, в связи с этим учету подлежат общие сроки исковой давности (ст. 196, 200 ГК РФ).

В соответствии с пунктами 1, 2 статьи 196 ГК РФ общий срок исковой давности составляет три года со дня, определяемого в соответствии со статьей 200 ГК РФ. Если законом не установлено иное, течение срока исковой давности начинается со дня, когда лицо узнало или должно было узнать о нарушении своего права и о том, кто является надлежащим ответчиком по иску о защите этого права (п. 1 ст. 200 ГК РФ).

В судебной практике сформирован подход к исчислению срока исковой давности. Срок начинает течь с момента окончания исполнительного производства, и, действуя с должной степенью осмотрительности и разумности, кредитор должен узнать о нарушении его прав не позднее окончания исполнительного производства¹³.

Думается, нельзя согласиться с таким подходом. В соответствии с пунктом 3.1 статьи 3 Закона об ООО исключение общества из ЕГРЮЛ является отказом основного должника от исполнения обязательства и моментом возникновения права кредитора требовать привлечения субсидиарного должника к ответственности. Ведь именно исключение общества из ЕГРЮЛ выступает итоговой причиной невозможности получения задолженности от основного должника. Следовательно, ранее внесения записи о государственной регистрации ликвидации общества по решению регистрирующего органа кредитор не вправе предъявлять требования к контролирующему лицу. Иное толкование нормы приводит к ситуации (имеющейся на практике), когда общество ликвидировано, а исполнительное производство де-юре не окончено (в материалах исполнительного производства отсутствует соответствующее постановление). Это озна-

---

¹³ Определение Верховного Суда Российской Федерации от 30 июня 2020 г. № 309-ЭС20-8900, оставившее без изменения постановление Арбитражного суда Уральского округа от 24 марта 2020 г. по делу № А60-14110/2019; постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 16 сент. 2019 г. по тому же делу.

чает отсутствие нарушения права кредитора со стороны субсидиарного должника и, следовательно, отсутствие оснований для привлечения последнего к ответственности.

**Действие пункта 3.1 статьи 3 Федерального закона
«Об обществах с ограниченной ответственностью»
во времени**

Немаловажное значение приобретает действие пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО во времени. Рассматриваемая норма введена Федеральным законом от 28 декабря 2016 г. № 488-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации» (далее – Федеральный закон № 488-ФЗ). Согласно пункту 1 статьи 4 данного закона изменения вступают в силу по истечении 180 дней после дня его официального опубликования, за исключением положений, для которых названной статьей установлен иной срок вступления их в силу. Федеральный закон № 488-ФЗ официально опубликован на интернет-портале правовой информации 29 декабря 2016 г., в «Собрании законодательства Российской Федерации» – 2 января 2017 г., в «Российской газете» – 9 января 2017 г. Следовательно, пункт 3.1 статьи 3 Закона об ООО действует с 28 июня 2017 г.

В соответствии с пунктом 1 статьи 4 ГК РФ акты гражданского законодательства не имеют обратной силы и применяются к отношениям, возникшим после введения их в действие. Действие закона распространяется на отношения, возникшие до введения его в действие, только в случаях, когда это прямо предусмотрено законом.

Между тем в Федеральном законе № 488-ФЗ отсутствует прямое указание на то, что изменения, вносимые в Закон об ООО, распространяются на отношения, возникшие до введения его в действие. Таким образом, если правоотношения, на которых кредитор основывает свои требования, имели место до вступления в силу положений пункта 3.1 статьи 3 Закона об ООО (то есть на момент возникновения обязанности основного должника субсидиарная ответственность лиц, указанных в пунктах 1–3 статьи 53.1 ГК РФ, за отказ основного должника от исполнения обязательства при условии недобросовестного или неразумного поведения отсутствовала), то субсидиарный должник не подлежит привлечению к субсидиарной ответственности. Указанный вывод подтверждается определением Верховного Суда РФ от 5 октября 2022 г. № 305-ЭС22-19185, оставившим без изменения постановление Арбит-

ражного суда Московского округа от 29 июля 2022 г. по делу № А40-79519/2021.

Такой подход, думается, противоречит логике избранного Верховным Судом РФ правила применения срока исковой давности. Признание началом течения срока исковой давности момента окончания исполнительного производства требует распространения действия режима субсидиарной ответственности на период до ликвидации общества.

Фундаментальная цивилистика так определяет субсидиарную ответственность: «...при субсидиарной ответственности он (кредитор. – А.Б., Д.Н.) обязан вначале предъявить требование к одному (основному) правонарушителю для того, чтобы иметь возможность получить удовлетворение от остальных (дополнительных)»¹⁴.

При установлении субсидиарной ответственности на основании договора дополнительный должник отвечает при отказе основного должника от исполнения обязательства. В случае возложения данной ответственности законом условия ее реализации определяются тоже законом.

Начало осуществления субсидиарной ответственности связано с исключением общества из ЕГРЮЛ. Таким образом, до этого момента субсидиарная ответственность лиц, указанных в пунктах 1–3 статьи 53.1 ГК РФ, предусмотренная пунктом 3.1 статьи 3 Закона об ООО, не может быть на них возложена. Это также обосновывает неверность отсчета срока исковой давности с момента окончания исполнительного производства.

Однако рассматриваемая субсидиарная ответственность возлагается за неисполнение обязательств обществом из-за недобросовестных или неразумных действий ответственных лиц. Оценивается поведение субсидиарного должника. Его действия (бездействие) могли иметь место в разное время (как до, так и после установления ответственности по пункту 3.1 статьи 3 Закона об ООО), притом что основное обязательство могло возникнуть до 28 июня 2017 г.

Напрашивается вывод о том, что, несмотря на связь субсидиарной ответственности с основным обязательством, на предмет противоправности оцениваются действия лица по невозможности погасить долг, а потому если недобросовестные или неразумные действия были совершены контролирующим лицом после 28 июня 2017 года, то оно должно подлежать привлечению к рассматриваемой субсидиарной ответственности.

---

¹⁴ Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2023. Т. 1. С. 586.

Выводы

Проведенное исследование позволяет утверждать, что лицо, определившее ход хозяйственной деятельности общества с ограниченной ответственностью (контролирующее должника лица), подлежит привлечению к субсидиарной ответственности в течение трех лет с момента исключения общества из ЕГРЮЛ как недействующего лица в следующих случаях:

- 1) если привлекаемое лицо не докажет, что при той степени заботливости и осмотрительности, какая от него требовалась в обычных условиях делового оборота и с учетом сопутствующих предпринимательских рисков, оно действовало добросовестно и приняло все меры для исполнения обществом обязательств перед кредиторами (отсутствие вины);
- 2) если кредитор при установленной судом его недобросовестности не обоснует наличие иных трех условий ответственности;
- 3) если недобросовестные или неразумные действия привлекаемого лица были совершены до 28 июня 2017 г.

Библиографический список

Гражданское право: учебник: в 4 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. 3-е изд., перераб. и доп. Т. 1. Общая часть. М.: Статут, 2023.

Гутников О. В. Развитие корпоративной ответственности в судебной практике // Журнал российского права. 2021. Т. 25, № 6. С. 48–65.

Научно-практический комментарий к Федеральному закону «Об обществах с ограниченной ответственностью»: в 2 т. / под ред. И. С. Шиткиной; Московский гос. ун-т им. М. В. Ломоносова, Юридический факультет. М.: Статут, 2021. Т. 1.

Информация для цитирования

Бормотов А. В., Носов Д. В. К вопросу о субсидиарной ответственности контролирующего должника лица по долгам исключенного из ЕГРЮЛ общества с ограниченной ответственностью // Ex jure. 2023. № 3. С. 19–34 DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-19-34.

Bormotov A. V., Nosov D. V. On the Issue of Subsidiary Liability of the Controlling Debtor of a Person for Debts Excluded From the Unified State Register of Limited Liability Companies. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 19–34. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-19-34.

УДК 347.174
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-35-49

«ПРЕИМУЩЕСТВЕННЫЕ ПРАВООТНОШЕНИЯ»
ПО РОССИЙСКОМУ ГРАЖДАНСКОМУ ПРАВУ

В. Г. Голубцов

Заместитель председателя

Семнадцатый арбитражный апелляционный суд
614068, Россия, г. Пермь, ул. Пушкина, 112

Доктор юридических наук, профессор

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: vg2009@yandex.ru

Д. А. Формакидов

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: formakidov@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена исследованию гражданских правоотношений, включающих в свое содержание различные преимущественные

© Голубцов В. Г., Формакидов Д. А., 2023

права. Критически оценены попытки в рамках существующего в нашей стране правового регулирования выделить и обосновать «преимущественные правоотношения». Проанализированы возможности отнесения преимущественных прав к вещным или обязательственным субъективным гражданским правам. Предложены новые подходы к классификации преимущественных прав в гражданском праве. Сделан вывод об отсутствии в настоящее время предпосылок для выделения категории «преимущественные правоотношения» в качестве самостоятельной, а также выделения правоотношений, включающих в свое содержание преимущественные права, в отдельный вид гражданских правоотношений.

Ключевые слова: преимущества, привилегии, преимущественные права, гражданские правоотношения

“PREFERENTIAL LEGAL RELATIONS”

UNDER RUSSIAN CIVIL LAW

V. G. Golubtsov

Seventeenth Arbitration Court of Appeal
112, Pushkina st., Perm, 614068, Russia

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: vg2009@yandex.ru

D. A. Formakidov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: formakidov@yandex.ru

Abstract: the article is devoted to the study of civil legal relations, which include various preferential rights in their content. Attempts to single out and isolate “preferential legal relations” within the framework of the legal regulation existing in our country are critically evaluated. The possibilities of attributing preferential rights to the group of real or obligatory subjective civil rights are analyzed. New approaches to the classification of preferential rights in civil law are proposed. It is concluded that there are currently no prerequisites for the allocation of “preferential legal relations”, as well as the allocation of legal relations that include preferential rights in their content into a separate type of civil legal relations.

Keywords: advantages, privileges, preferential rights, civil legal relations

Общественные отношения представляют собой крайне неоднородную категорию, включающую в себя немыслимое количество социальных связей, возникающих между различными субъектами. По мере развития общества: общественного сознания, технических средств, экономических связей и т.д. – развиваются, разветвляются и усложняются общественные отношения. Как известно, одним из наиболее эффективных регуляторов последних выступает право, а урегулированные им отношения именуются правоотношениями.

В свою очередь, имущественные и личные неимущественные общественные отношения, основанные на равенстве, имущественной и организационной обособленности их участников, являющиеся предметом регулирования гражданско-правовых норм, представляют собой огромный правовой пласт. Большое разнообразие гражданских правоотношений, их количественные и качественные характеристики требуют систематизации и классификации с целью надлежащей регламентации, учитывающей принципы частного права, а также общие конституционные начала российского права и приемы законодательной экономии.

Традиционно в научной и учебной литературе по гражданскому праву выделяют три основные классификации гражданских правоотношений. Они подразделяются на имущественные и неимущественные по объекту; на абсолютные и относительные по характеру взаимосвязи управомоченного и обязанного субъектов; а также на вещные, обязательственные, корпоративные, интеллектуальные и наследственные по способу удовлетворения интересов управомоченного субъекта.

Последняя из приведенных классификаций не является общепринятой. Так, В. В. Долинская в зависимости от способа удовлетворения интересов управомоченного лица различает лишь вещные и обязательственные правоотношения¹. Е. А. Суханов в учебнике по гражданскому праву наряду с вещными, обязательственными и корпоративными правоотношениями выделил «правоотношения, включающие в свое содержание преимущественные права»², пояснив, что, будучи устанавливаемыми законом или договором, преимущественные права предоставляют правообладателям юридическое пре-

---

¹ Долинская В. В. Гражданское право: правоотношение: учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. В. Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017. С. 22–24; Щенникова Л. В. Гражданское право в основных категориях науки и законодательства. Пермь, 2003. С. 52.

² Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2016. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права. С. 126.

восходство и имеют особый, исключительный характер, так как выходят за рамки принципа равенства участников гражданских правоотношений.

С легкой руки профессора Суханова информация о правоотношениях, включающих в свое содержание преимущественные права, стала кочевать из одного учебного пособия в другое. Например, А. П. Сергеев замечает: «Известный смысл имеется в выделении правоотношений, в рамках которых реализуются имущественные права... Преимущественные права и возникающие в связи с их реализацией правоотношения не вполне вписываются в общую картину гражданских прав... Представляется, что нет принципиальных препятствий для установления преимущественных прав соглашением сторон без прямого указания на такую возможность. Однако в этом случае такие права не имеют внешнего эффекта, то есть не действуют по отношению к третьим лицам, а связывают только участников соглашения об их установлении»³. Б. М. Гонгало, помимо прочих, выделяет правоотношения, включающие в свое содержание преимущественные права⁴.

К сожалению, зачастую отсутствие классификационных, видовых, родовых признаков и логически верно произведенных классификаций позволяет интерпретировать одну и ту же информацию неоднозначно. Упоминание в большом количестве популярных учебных изданий о существовании преимущественных прав, а также правоотношений, включающих в свой состав преимущественные права, с неизбежностью породило в научной литературе попытки выделения так называемых преимущественных правоотношений. В связи с этим возникает острая необходимость в научном анализе преимущественных прав и правоотношений, содержащих преимущественные права, с целью решения вопроса о возможности или невозможности выделения в гражданском праве России категории «преимущественные правоотношения».

Преимущественные права за последние годы порядка пятнадцати раз становились предметом диссертационных исследований. Некоторые авторы ставили перед собой фундаментальные задачи и предпринимали попытки изучить преимущественные права в целом⁵. Другие обозначали более реали-

³ Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2008. Т. 1. С. 133–134.

⁴ Гражданское право: учеб.: в 2 т. / под ред. Б. М. Гонгало. М.: Статут, 2018. Т. 1. С. 85.

⁵ См., например: Волкова Е. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением преимущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010; Глушкова Е. А. Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016; Кубарь И. И. Категория преимущественных прав в гражданском праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008; Леонова Л. Ю. Преимущественные права в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005; Пивовар Р. Е. Понятие, виды, осуществление и защита преимущественных прав в гражданском

стичные цели и исследовали отдельные разновидности преимущественных прав⁶. Анализируя указанные работы, а также материалы периодической печати, можно предположить, что под преимущественными правами следует понимать субъективные гражданские права, которыми наделяются участники гражданских правоотношений в строго определенных законом случаях и которые заключаются в предоставлении их обладателям преимуществ (привилегий, приоритета) перед иными субъектами гражданского права по приобретению определенных имущественных выгод.

В настоящей статье не анализируется история становления и развития преимущественных прав, а также не поддерживается дискуссия об их необходимости. Таких исследований вполне хватает⁷. Цель данного исследования – выявление сущности преимущественных прав и возможности признания категории «преимущественные правоотношения».

Действующее российское гражданское, жилищное, земельное законодательство предусматривает следующие виды преимущественных прав:

- преимущественное право покупки доли в праве общей собственности, предоставляемое всем собственникам;
- преимущественное право покупки комнаты в коммунальной квартире, предоставляемое собственникам иных комнат этой квартиры;
- преимущественное право покупки доли или части доли в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью, принадлежащее его участникам или самому обществу;
- преимущественное право покупки доли в складочном капитале товарищества на вере;
- преимущественное право покупки пая в производственном кооперативе;
- преимущественное право приобретения акций или ценных бумаг, конвертируемых в акции;

праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007; Субботин М. В. Преимущественные права в российском гражданском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

⁶ См., например: Гребенкина И. А. Институт преимущественной покупки чужой недвижимости в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013; Никольский С. Е. Преимущественные права в наследственном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006; Санкина С. С. Преимущественные права и особенности их осуществления в процессе формирования договорных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Чупрунов И. С. Преимущественное право покупки доли (акций): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

⁷ См., например: Шайдуров И. В. Преимущественные права в российском гражданском праве // Политехнический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 9. С. 845–856.

- преимущественное право вступления в члены жилищного кооператива в случае наследования пая;
- преимущественное право покупки или аренды земельного участка, предоставляемое собственнику недвижимости, находящейся на таком участке;
- преимущественное право арендатора на заключение договора аренды на новый срок;
- преимущественное право нанимателя жилого помещения на заключение договора коммерческого найма на новый срок;
- преимущественное право пользователя на заключение договора коммерческой концессии на новый срок;
- преимущественное право организатора публичного конкурса на заключение с автором произведения договора об использовании произведения;
- преимущественное право на получение в счет наследственной доли неделимой вещи;
- преимущественное право на получение в счет наследственной доли предметов обычной домашней обстановки и обихода;
- преимущественное право на получение в счет наследственной доли входящего в состав наследства предприятия;
- преимущественное право приобретения принадлежащего лицензиату права использования произведения, предоставляемое автору такого произведения;
- преимущественные права кредиторов при ликвидации (в том числе банкротстве) юридических лиц, банкротстве физических лиц;
- преимущественные права залогодержателей.

Налицо целый ряд преимущественных субъективных гражданских прав, заключающихся в преимуществе приобретения:

- 1) вещи в собственность или пользование;
- 2) прав на результаты интеллектуальной деятельности;
- 3) корпоративных прав, в том числе удостоверяемых ценными бумагами;
- 4) определенной части имущества (денежных средств, полученных от реализации имущества).

Действительно, такое крупное правовое образование, которое представляют собой в совокупности перечисленные частноправовые нормы, устанавливающие преимущества субъектов ряда гражданских отношений, может привести некоторых исследователей к выводу о необходимости признания факта существования «преимущественных правоотношений». В подобную ловушку

попала, в частности, Л. Р. Хасанли, всерьез рассуждающая о предмете и элементах преимущественных правоотношений. А. П. Сергеев же приходит к заключению, что «преимущественные права и возникающие в связи с их реализацией правоотношения не вполне вписываются в общую картину гражданских прав»⁸.

Заметим, что не все феномены, содержащие термины «преимущество» или «преимущественное право», следует относить к исследуемым в настоящей статье преимущественным правам как гражданско-правовым преимуществам. Например, преимущественное право на вступление в жилищные кооперативы, организованные при содействии органов государственной власти или местного самоуправления, предоставляемое нуждающимся категориям граждан, не относится к преимущественным правам в исследуемом контексте, равно как и преимущественные права ветеранов на приобретение земельных участков или установку телефонов. Здесь речь идет не об установлении преимущества в связи с определенным гражданско-правовым статусом – нахождением в вещном, обязательственном, корпоративном, наследственном или интеллектуальном правоотношении. В указанных случаях предоставляемые преимущества есть меры социальной поддержки отдельных категорий населения, являющиеся частью механизма реализации социальной функции современного российского государства. Аналогичным образом следует относиться и к преимущественным правам, предусмотренным семейным законодательством: праву на прием в определенные образовательные организации или праву на обучение и воспитание детей их родителями.

Рассуждая о возникновении преимущественных прав, некоторые авторы считают, что участники гражданских правоотношений могут включить в договор условие о преимущественном праве только в случае, когда это прямо санкционировано законодателем⁹. Иные ученые, напротив, отмечают, что в связи с существованием принципа свободы договора стороны сделки могут предусмотреть в договоре условие о предоставлении одной из них преимущественного права вне зависимости от воли законодателя¹⁰.

---

⁸ Хасанли Л. Р. Понятие, признаки, классификация и структура гражданских правоотношений, связанных с осуществлением преимущественных прав // Право и управление. 2022. № 10. С. 49–54; Гражданское право: учеб.: в 3 т. / под ред. А. П. Сергеева... С. 133.

⁹ Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. Т. 4. М.: Юрайт, 2020. С. 204; Леонова Л. Ю. Указ. соч. С. 12; Ломакин Д. В. Преимущественные права участников (членов) корпораций по гражданскому законодательству России // Хозяйство и право. 2017. № 2. С. 9; Субботин М. В. Указ. соч. С. 8.

¹⁰ Величко В. Е., Терди Е. С. Договорные преимущественные права и специфика их защиты: опыт Германии и перспективы реформы Гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 164–165; Кубарь И. И. Указ. соч. С. 26–27.

Проанализировав дискуссию о возможности установления преимущественных прав соглашением участников гражданских правоотношений, заметим, что суть преимущественных прав состоит в установлении их только законом, точнее – в случаях, порядке и на условиях, определяемых законом. Действительно, преимущественные права могут возникнуть в результате существования договорной обязательственной взаимосвязи участников оборота (аренда, наем), но правовой эффект от наличия преимущественного права в составе субъективного гражданского права будет заключаться не только в возможности получить что-либо преимущественно перед иными субъектами, но и в возможности защитить свое право путем предъявления соответствующих требований в суд (перевод прав и обязанностей, возмещение убытков и проч.). Предъявление и удовлетворение подобных требований возможно лишь в случаях, указанных в законе.

Установив, что преимущественные права могут возникать лишь в случаях, порядке и на условиях, определяемых законом, необходимо определить природу рассматриваемых прав: представляют ли они собой нечто самостоятельное, действительно составляющее ядро неких «преимущественных правоотношений», либо их характер заключается в чем-то ином.

И. А. Гребенкина¹¹ вслед за И. А. Покровским¹² указывает на абсолютный характер преимущественных прав, ссылаясь на наличие в них элементов абсолютности (так как иск в отношении правообладателя с требованием о переводе прав и обязанностей затрагивает третьих лиц, а кроме того, преимущественные права ограничивают собственника вещи в возможности свободного распоряжения ею). В. И. Синайский, рассуждая о природе преимущественного права покупки, также относил его к числу абсолютных гражданских прав, называя последние правами присвоения и в то же время отрицая их вещный характер¹³.

Другие авторы выделяют лишь обязательственный характер преимущественных прав, поскольку в результате их нарушения возникает обязательственное правоотношение¹⁴. Например, Е. А. Рязанцева считает главной целью наделения участников гражданского оборота преимущественными

¹¹ Гребенкина И. А. Указ. соч. С. 11–12.

¹² Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013. С. 207–208.

¹³ Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002.

¹⁴ Скловский К. И., Смирнова М. Б. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. № 10. С. 95–96.

правами создание стабильных правоотношений между субъектами¹⁵. Прочие авторы, указывая на наличие в правоотношении одновременно обязанностей активного и пассивного типа, также относят преимущественные права к правам обязательственным¹⁶.

С. П. Гришаев, оценивая правовую природу залога и предоставляемых им преимуществ, пишет: «Существует точка зрения, что все неудачи определить юридическую природу залоговых правоотношений происходят оттого, что эта попытка осуществляется в рамках уже существующей классификации имущественных правоотношений. Залог определяется либо как вещное, либо как обязательственное право, либо даже, как в случае с залогом прав, как квазизалог. Залоговое же правоотношение состоит в установлении такого правомочия залогодержателя, которое позволяет говорить об абсолютном приоритете его субъективного права в отношении стоимости предмета залога (запрет любому лицу своими действиями или бездействием уменьшать стоимость заложенного имущества), а не только о первоочередности права на материальное удовлетворение. Следовательно, именно в таком виде – особого преимущественного правоотношения – залог и должен включаться в классификацию имущественных отношений»¹⁷.

В. А. Белов относит преимущественные права к относительным секундарным гражданским правам, предоставляющим их носителю возможность совершать юридические действия в отношении связанного лица преимущественно перед аналогичными возможностями других лиц. Он считает, что преимущественное право – это единственный вид относительных прав, чей исчерпывающий перечень должен быть прямо предусмотрен законом. Также он отмечает срочность и служебный характер преимущественных прав¹⁸.

Позиция В. А. Белова представляется нам, пожалуй, наиболее обоснованной, так как ему удалось дать панорамный взгляд на преимущественные права. Дело в том, что названные выше авторы в своих рассуждениях касались в основном либо преимущественных прав покупки и потому оценивали их как вещные или абсолютные права, либо преимущественных прав на заключение договора и поэтому оценивали их как относительные права.

¹⁵ Рязанцева Е. А. Преимущественное право на заключение договора в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 85–92.

¹⁶ Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. С. П. Гришаева, А. М. Эрделевского. 2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; Ломакин Д. В. Указ. соч. С. 6–7.

¹⁷ Гришаев С. П. Ипотека на современном этапе. Комментарий законодательства. 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Белов В. А. Указ. соч. С. 378–380.

Анализ приведенных позиций, а также признанных в настоящее время российским законом преимущественных прав позволяет сделать вывод о том, что эти права не могут быть отнесены к вещным, поскольку многие из них реализуются в связи с участием лица в корпорации либо в связи с заключением лицом гражданско-правового договора (например, аренды). Не могут быть отнесены преимущественные права и к правам обязательственным. Несмотря на то что большинство из них реализуется путем заключения гражданско-правовых договоров либо переводом прав и обязанностей третьего лица на лицо, чье преимущественное право было нарушено заключением гражданско-правового договора, в системе преимущественных прав есть права наследственные, права залогодержателей и кредиторов, и это не позволяет отнести преимущественные права в целом к правам обязательственным. В указанных обстоятельствах следует признать, что преимущественные права, очевидно, существуют не сами по себе и, соответственно, не составляют содержание особых «преимущественных правоотношений», а являются лишь частью иных субъективных гражданских прав – вещных, обязательственных, корпоративных, наследственных, интеллектуальных.

Подчеркнем, что преимущественное субъективное гражданское право может существовать только в качестве дополнительного правомочия к основному субъективному гражданскому праву, имеющему вещный, обязательственный, наследственный, корпоративный или интеллектуальный характер, в связи с чем выделение такой категории, как «преимущественные правоотношения», представляется ошибочным. Более того, в обосновании правоотношений, включающих в свое содержание преимущественные права, нет никакого научного или практического смысла. Такие правоотношения слишком разнообразны, нарушенные преимущественные права подлежат защите разными способами, и следовательно, научному анализу должны подлежать сами преимущественные права и любые правоотношения, их содержащие.

Среди основных особенностей преимущественных прав необходимо назвать следующие:

- случаи, порядок и условия возникновения преимущественных прав определяются только законом;
- уступка преимущественных прав запрещена (преимущественное право переходит вместе с основным субъективным гражданским правом – арендой, собственностью и т.д.);
- отказ от преимущественных прав возможен лишь в случаях, прямо предусмотренных законом;

– способы защиты нарушенных преимущественных прав определяются непосредственно законом, причем для разных прав (прав в составе разных правоотношений – вещных, обязательственных, корпоративных и т.д.) должны быть разные способы защиты;

– преимущественные права относятся лишь к дополнительным (производным) правам, существующим в рамках основных субъективных гражданских прав;

– преимущественные права существуют в двух фазах: 1) спящей фазе (ожидание) – до момента нарушения права и 2) активной, связанной с реализацией преимущественного права либо его защитой¹⁹.

Все преимущественные права в рамках изучения теории правоотношений могут быть классифицированы по нескольким основаниям:

– по характеру правоотношений, в которых они содержатся:

1) преимущественные права в вещных правоотношениях (преимущественное право покупки доли в праве общей собственности; преимущественное право покупки комнаты в коммунальной квартире; преимущественные права покупки или аренды земельного участка, предоставляемые собственнику недвижимости, находящейся на таком участке),

2) преимущественные права в обязательственных правоотношениях (преимущественное право арендатора или нанимателя жилого помещения на заключение договора на новый срок; преимущественные права залогодержателей; преимущественные права кредиторов, в том числе в процедурах банкротства),

3) преимущественные права в корпоративных правоотношениях (преимущественное право покупки доли (части доли) в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью; преимущественное право покупки доли в складочном капитале товарищества на vere; преимущественное право покупки пая в производственном кооперативе; преимущественное право приобретения акций или ценных бумаг, конвертируемых в акции),

4) преимущественные права в наследственных правоотношениях (преимущественное право на получение в счет наследственной доли неделимой вещи; преимущественное право на получение в счет своей наследственной доли предметов обычной домашней обстановки и обихода; преимущественное право на получение в счет наследственной доли входящего в состав на-

---

¹⁹ См., например: Чупрунов И. С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 94–219.

следства предприятия; преимущественное право вступления в члены жилищного кооператива в случае наследования пая),

5) преимущественные права в интеллектуальных правоотношениях (преимущественное право пользователя на заключение договора коммерческой концессии на новый срок; преимущественное право устроителя публичного конкурса на заключение с автором произведения договора об использовании произведения; преимущественное право приобретения принадлежащего лицензиату права использования произведения, предоставляемое автору такого произведения);

– по объекту правоотношений, в которых они содержатся:

с учетом неоднозначности категории «жилищные правоотношения» следует заключить, что преимущественные права могут содержаться в жилищных обязательственных правоотношениях (права нанимателя), в жилищных вещных правоотношениях (права собственника коммунальной квартиры и права собственника жилого помещения), в жилищных наследственных правоотношениях (права наследника на получение жилья в счет наследственной массы, преимущественное право на вступление в кооператив при наследовании пая). Аналогичным образом решается вопрос и с земельными вещными, земельными обязательственными и земельными наследственными правоотношениями;

– по способу осуществления:

1) преимущественное право приобретения имущества в порядке наследования,

2) преимущественное право приобретения имущества (имущественного права) по договору,

3) преимущественное право заключения договора на пользование вещью или охраняемым результатом интеллектуальной деятельности;

– по способу реализации:

1) преимущественные права, реализуемые путем уведомления другого участника вещного, обязательственного, интеллектуального или корпоративного правоотношения,

2) преимущественные права, реализуемые путем подачи соответствующего заявления нотариусу;

– по способу защиты:

1) преимущественные права, защищаемые посредством предъявления требования о переводе прав и обязанностей покупателя, арендатора, пользователя и (или возмещения убытков),

2) преимущественные права, защищаемые посредством признания права;

3) преимущественные права, защищаемые посредством признания договора найма недействительным и (или) возмещения убытков.

Следует отметить разнообразие подходов к вопросам защиты преимущественных прав. Например, в литературе отмечалось: «Под адекватным (соответствующим) способом защиты преимущественного права следует понимать такой способ защиты, который, с учетом специфики преимущественного защищаемого права и характера нарушения преимущественного права, позволяет создать реальную возможность для его осуществления носителем такого права. То есть, по сути, речь идет о восстановлении положения, которое существовало до нарушения преимущественного права»²⁰. В действительности же, соглашаясь с необходимостью установления адекватных способов защиты нарушенных преимущественных прав, отметим, что речь должна идти не о восстановлении положения, существовавшего до нарушения права. Законодатель неслучайно предусмотрел в случае нарушения преимущественных прав не признание сделок недействительными, а, как правило, возможность взыскания убытков и перевода прав и обязанностей покупателя (арендатора) по совершенной сделке на лицо, чье преимущественное право было нарушено, что представляется совершенно оправданным.

Разнообразие способов защиты нарушенных преимущественных прав лишний раз свидетельствует об отсутствии преимущественных правоотношений как таковых. Выбор способа защиты нарушенного преимущественного права будет зависеть в первую очередь от того, в состав какого гражданского правоотношения оно встроено.

Подводя итоги проведенному исследованию, отметим, что в рамках существующего гражданско-правового регулирования в России отсутствуют предпосылки для выделения категории «преимущественные правоотношения» в качестве самостоятельной, а равно и выделение правоотношений, включающих в свое содержание преимущественные права, в отдельный вид гражданских правоотношений. Само по себе обосновление указанных правоотношений не имеет научного или практического смысла. Научному анализу должны подлежать преимущественные права, содержащиеся в составе вещных, обязательственных, корпоративных, наследственных или интеллектуальных правоотношений.

---

²⁰ Аблятирова Н. А., Слюсарчук К. И. Преимущественные права в гражданском праве: понятие, признаки и классификация // Modern Science. 2022. № 2-2. С. 57–62.

Библиографический список

Аблятилова Н. А., Слюсарчук К. И. Преимущественные права в гражданском праве: понятие, признаки и классификация // Modern Science. 2022. № 2-2. С. 57–62.

Белов В. А. Гражданское право: в 4 т. М.: Юрайт, 2020.

Величко В. Е., Терди Е. С. Договорные преимущественные права и специфика их защиты: опыт Германии и перспективы реформы Гражданского кодекса России // Вестник Томского государственного университета. Право. 2018. № 30. С. 157–169.

Волкова Е. В. Гражданско-правовое регулирование отношений, связанных с осуществлением преимущественных прав: дис. ... канд. юрид. наук. Краснодар, 2010.

Глушкова Е. А. Преимущественные права по российскому гражданскому праву: проблемы теории и правоприменительной практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2016.

Гражданское право: учеб.: в 2 т. Т. 1 / под ред. Б. М. Гонгало. 3-е изд., перераб. и доп. М.: Статут, 2016.

Гражданское право: учеб.: в 3 т. Т. 1 / под ред. А. П. Сергеева. М.: Велби, 2008.

Гребенкина И. А. Институт преимущественной покупки чужой недвижимости в российском гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2013.

Гришаев С. П. Ипотека на современном этапе. Комментарий законодательства. 2009. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Долинская В. В. Гражданское право: правоотношение: учеб. пособие для бакалавров / отв. ред. В. Л. Слесарев. М.: Проспект, 2017.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой (постатейный) / под ред. С. П. Гришаева, А. М. Эрделевского. 2006. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Кубарь И. И. Категория преимущественных прав в гражданском праве России: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2008.

Леонова Л. Ю. Преимущественные права в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2005.

Ломакин Д. В. Преимущественные права участников (членов) корпораций по гражданскому законодательству России // Хозяйство и право. 2017. № 2. С. 3–20.

Никольский С. Е. Преимущественные права в наследственном праве России: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2006.

Пивовар Р. Е. Понятие, виды, осуществление и защита преимущественных прав в гражданском праве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2013.

Российское гражданское право: учеб.: в 2 т. / отв. ред. Е. А. Суханов. М.: Статут, 2016. Т. 1: Общая часть. Вещное право. Наследственное право. Интеллектуальные права. Личные неимущественные права.

Рязанцева Е. А. Преимущественное право на заключение договора в гражданском праве // Актуальные проблемы российского права. 2017. № 12. С. 85–92.

Санкина С. С. Преимущественные права и особенности их осуществления в процессе формирования договорных отношений: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.

Синайский В. И. Русское гражданское право. М.: Статут, 2002.

Словеский К. И., Смирнова М. Б. Институт преимущественной покупки в российском и зарубежном праве // Хозяйство и право. 2003. № 10. С. 88–98.

Субботин М. В. Преимущественные права в российском гражданском законодательстве: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2007.

Хасанли Л. Р. Понятие, признаки, классификация и структура гражданских правоотношений, связанных с осуществлением преимущественных прав // Право и управление. 2022. № 10. С. 49–54.

Чупрунов И. С. К вопросу о конструкции преимущественного права покупки доли (акций) // Вестник гражданского права. 2020. Т. 20, № 4. С. 94–219.

Чупрунов И. С. Преимущественное право покупки доли (акций): дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

Шайдуров И. В. Преимущественные права в российском гражданском праве // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 9. С. 845–856.

Щенникова Л. В. Гражданское право в основных категориях науки и законодательства. Пермь, 2003.

Информация для цитирования

Голубцов В. Г., Формакидов Д. А. «Преимущественные правоотношения» по российскому гражданскому праву // Ex jure. 2023. № 3. С. 35–49. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-35-49.

Golubtsov V. G., Formakidov D. A. “Preferential Legal Relations” under Russian Civil Law. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 35–49. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-35-49.

УДК 347.453

DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-50-66

ОТДЕЛЬНЫЕ ВОПРОСЫ ГОСУДАРСТВЕННОЙ РЕГИСТРАЦИИ ПРЕКРАЩЕНИЯ АРЕНДЫ НЕДВИЖИМОСТИ

А. В. Ермакова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: ermakova_anna@rambler.ru

Д. Б. Коротков

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: korotkov-dmitry@mail.ru

Аннотация: одним из условий нормального функционирования регистрационной системы, предполагающего минимальную степень процедурного обременения участников гражданских отношений, является всеобъемлющее и непротиворечивое правовое регулирование в сфере государственной регистрации прав на недвижимое имущество. Статья посвящена проблеме отсутствия надлежащей нормативной регламентации государственной регистрации прекра-

---

© Ермакова А. В., Коротков Д. Б., 2023

щения аренды недвижимого имущества. Рассматривается вопрос о необходимости государственной регистрации соглашения о рассторжении зарегистрированного договора аренды и ее влиянии на определение момента рассторжения договора, а также на размер расходов, связанных с обращением в регистрирующий орган. Поднимается проблема неурегулированности процедуры государственной регистрации прекращения аренды недвижимости; анализируется вопрос о круге лиц, по заявлению которых осуществляется такая государственная регистрация. Обосновывается необходимость устранения выявленных пробелов правового регулирования посредством внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

Ключевые слова: недвижимое имущество; государственная регистрация прав; обременение прав; договор аренды; прекращение аренды; соглашение о рассторжении договора

CERTAIN ISSUES OF THE STATE REGISTRATION OF A TERMINATION OF RENTAL PROPERTIES

A. V. Ermakova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: ermakova_anna@rambler.ru

D. B. Korotkov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: korotkov-dmitry@mail.ru

Abstract: one of the conditions of a proper functioning of a registration system, which involves a minimum procedural burden of members of civil relations, is a comprehensive and consistent legal regulation of the State registration of rights on real estate. The article focuses on the issue of a lack of proper regulations for the State registration of termination of lease. Consideration is given to the necessity of the State registration of termination of registered rental agreement and its influence on determination of the moment of termination and the amount of expenses for appeal to the registering body. The article raises the issue of the unsettled State regis-

tration procedure for termination of lease. The question of the circle of persons, on whose behalf this kind of State registration is carried out, is analyzed. The need to close identified gaps in legal regulation by making relevant amendments in current legislation is explained.

Keywords: real estate; the State registration of rights; encumbrance of rights; rental agreement; termination of lease; agreement of termination of the contract

Как представляется, любое научно-практическое исследование современного российского института государственной регистрации прав на недвижимое имущество (далее также – регистрация прав) предполагает ряд исходных посылок.

Обеспечивая публичность состояния объектов недвижимости, регистрация прав выступает правовым средством предупреждения нарушения прав правообладателей и приобретателей прав на объекты недвижимости, в связи с чем способствует формированию легальных правоотношений. В этом состоит социальная и правовая ценность института государственной регистрации прав на недвижимое имущество как элемента публично-правового регулирования в частном праве, необходимого для эффективного осуществления частноправовых отношений и обеспечения стабильности частного оборота¹. Однако, будучи дополнительным элементом формализации гражданского оборота, регистрация прав существенным образом усложняет динамику правового состояния объекта недвижимости, тем самым стесняя участников гражданских правоотношений в их правах².

Гарантией минимизации обременяющего эффекта государственной регистрации прав на недвижимое имущество, гипотетически способного превратить регистрацию прав в административный барьер для участников гражданских правоотношений, является надлежащая регламентация соответствующих правоотношений, которая предполагает отсутствие в правовом регулировании пробелов и нормативных коллизий, выступающих причиной регистрационных споров.

---

¹ Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской. М.: Статут, 2004. С. 62.

² В контексте соотношения с гражданско-правовым принципом необходимости беспрепятственного осуществления гражданских прав (Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006. С. 177–182) государственную регистрацию прав на недвижимое имущество как законно установленное препятствие в осуществлении гражданских прав следует рассматривать в качестве предела свободы действий субъекта права.

К сожалению, действующее правовое регулирование в сфере регистрации прав нельзя признать лишенным противоречий. Пришедший на смену «первого регистрационного закона»³ Федеральный закон от 13 июля 2015 года № 218-ФЗ «О государственной регистрации недвижимости» (далее – Закон о регистрации), несмотря на официально заявленные цели его принятия (оптимизация учетно-регистрационных процедур в отношении объектов недвижимости, повышение эффективности функционирования государственной регистрационной системы)⁴, задачу по устранению недостатков прежнего правового регулирования решил не полностью. Так, по-прежнему не имеющими должной степени регламентации остаются некоторые вопросы, связанные с государственной регистрацией (далее также – регистрация) прекращения аренды недвижимости.

Следует отметить, что действующий Гражданский кодекс Российской Федерации (далее – ГК РФ) предусматривает в качестве общего правила необходимость государственной регистрации договоров аренды недвижимого имущества (п. 2 ст. 609)⁵. Аренда как *обременение*, возникающее на основании договора аренды недвижимого имущества, самостоятельным объектом регистрации не является⁶. Однако внесение в Единый государственный реестр недвижимости (далее – ЕГРН) записей об аренде объектов недвижимости осуществляется при государственной регистрации соответствующих договоров аренды недвижимого имущества – на основании части 1 статьи 51 Закона о регистрации, пункта 114 Порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, установленного приказом Росреестра от 1 июня 2021 года № П/0241⁷ (далее – Порядок ведения ЕГРН). Записи об аренде объ-

³ О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним: Федер. закон от 21 июля 1997 г. № 122-ФЗ: принят Гос. Думой 17 июня 1997 г.: одобрен Советом Федерации 3 июля 1997 г. (далее – Закон о регистрации 1997 г.).

⁴ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 597863-6 «О государственной регистрации недвижимости». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁵ Нормативные исключения из общего правила, установленного в пункте 2 статьи 609 ГК РФ, предусмотрены в отношении краткосрочных (до года) договоров аренды здания или сооружения, земельного участка (п. 2 ст. 651 ГК РФ, п. 2 ст. 26 ЗК РФ).

⁶ Требуемое по смыслу пункта 1 статьи 8.1, пункта 1 статьи 131 ГК РФ прямое указание закона о необходимости (возможности) государственной регистрации аренды как обременения объекта недвижимости до настоящего времени отсутствует.

⁷ Об установлении порядка ведения Единого государственного реестра недвижимости, формы специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, состава сведений, включаемых в специальную регистрационную надпись на документе, выражающем содержание сделки, и требований к ее заполнению, а также требований к формату специальной регистрационной надписи на документе, выражающем содержание сделки, в

ектов недвижимости вносятся в ЕГРН наряду с записями о государственной регистрации договоров⁸. Другими словами, аренда как порождаемое договором аренды обременение недвижимого имущества фактически становится объектом государственной регистрации при регистрации договоров аренды недвижимости⁹. Соответственно, постановка вопроса о государственной регистрации прекращения аренды недвижимости является уместной.

Одним из вопросов, с которым сталкиваются стороны арендных правоотношений в случае, если основанием прекращения аренды выступает соглашение о расторжении договора аренды, является материально-правовой вопрос о необходимости государственной регистрации соглашения о расторжении договора аренды как сделки.

Прекращение аренды в любом случае предполагает обращение сторон договора в регистрирующий орган для погашения в ЕГРН соответствующих записей о сделке и обременении в целях актуализации реестровых сведений о правовом состоянии объекта недвижимости (в чем прежде всего заинтересован арендодатель). В связи с этим в контексте поставленного вопроса при достижении сторонами договора аренды соглашения о его расторжении потенциально возможны следующие варианты государственной регистрации прекращения аренды: с предварительной регистрацией соглашения о расторжении договора аренды и без таковой (в последнем случае соглашение о расторжении договора аренды не является самостоятельным объектом регистрации, а выступает лишь правовым основанием для регистрации прекращения аренды).

Несмотря на одинаковый результат приведенных регистрационных действий, разница их алгоритмов может иметь принципиальное значение для сторон договора в рамках определенной нормативной ситуации.

электронной форме, порядка изменения в Едином государственном реестре недвижимости сведений о местоположении границ земельного участка при исправлении реестровой ошибки: приказ Росреестра от 1 июня 2021 г. № П/0241 (ред. от 07.11.2022).

⁸ До вступления в силу Закона о регистрации ситуация была аналогичной: в отсутствие нормативного установления необходимости государственной регистрации аренды как обременения недвижимого имущества внесение записей об аренде в Единый государственный реестр прав на недвижимое имущество и сделок с ним осуществлялось при государственной регистрации соответствующих договоров аренды недвижимого имущества на основании пункта 1 статьи 26 Закона о регистрации 1997 г.

⁹ Указанный вывод соотносится с правовой позицией, сформулированной Высшим Арбитражным Судом Российской Федерации (далее – ВАС РФ) еще в период действия Закона о регистрации 1997 г. (п. 6 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», содержащегося в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 16 февр. 2001 г. № 59).

Так, до 2013 года, когда в российском гражданском праве действовал подход, в силу которого момент государственной регистрации договора, подлежащего регистрации, определял момент его заключения, в том числе для сторон договора¹⁰, наличие (отсутствие) требования о регистрации соглашения о расторжении договора непосредственно влияло на определение момента расторжения договора и, соответственно, прекращения обязательств по договору (п. 3 ст. 453 ГК РФ). На фоне общего подхода об отсутствии связи между прекращением аренды и наличием соответствующих записей в реестре¹¹, при установленной необходимости регистрировать соглашение о расторжении договора аренды последний должен был считаться расторгнутым, а обязательства по нему прекращенными только с момента регистрации соглашения (а не с момента заключения соглашения о расторжении договора аренды, определяемого по правилам пунктов 1 и 2 статьи 433 ГК РФ)¹².

В 2013 году роль государственной регистрации договора в процессе его заключения была пересмотрена¹³. Согласно действующему в настоящее время подходу государственная регистрация определяет момент заключения договора только для третьих лиц, которые не знали и не должны были знать о его заключении¹⁴. Таким образом, несоблюдение требования о регистрации соглашения о расторжении договора (при наличии такого требования) не

---

¹⁰ Согласно общему правилу, закрепленному в пункте 3 статьи 433 ГК РФ в редакции, действовавшей до 1 июня 2015 г., договор, подлежащий регистрации, считается заключенным с момента его регистрации.

¹¹ Указанный вывод следует из правовой позиции, отраженной в пункте 6 постановления Пленума ВАС РФ от 17 нояб. 2011 г. № 73 (в ред. от 25.12.2013) «Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды», согласно которому «сохранение в ЕГРП записи о договоре аренды не означает, что договор аренды не прекратился».

¹² В качестве примера разных подходов к разрешению вопроса о необходимости государственной регистрации соглашения о расторжении договора аренды и, как следствие, вопроса о моменте прекращения возникающих из договора обязательств см.: постановления Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 17 нояб. 2010 г. № 15АП-11965/2010 по делу № А53-12691/2010 и Четырнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 дек. 2012 г. по делу № А05-8637/2012.

¹³ Новый подход был сформирован в судебной практике (п. 14 постановления Пленума ВАС РФ от 17 нояб. 2011 г. № 73; п. 3 Обзора судебной практики по спорам, связанным с признанием договоров незаключенными, содержащегося в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 25 февр. 2014 г. № 165), позже получил нормативное закрепление (п. 3 ст. 433 ГК РФ в редакции, действующей после 1 июня 2015 г.).

¹⁴ О некоторых вопросах применения общих положений Гражданского кодекса Российской Федерации о заключении и толковании договора: постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 25 дек. 2018 г. № 49. П. 5.

влияет на взаимоотношения сторон договора: как и в случае отсутствия требования о регистрации соглашения о расторжении договора, договор аренды считается расторгнутым, а обязательства прекращенными с момента заключения соглашения, определяемого по правилам пунктов 1 и 2 статьи 433 ГК РФ (то есть до и безотносительно регистрации соглашения). В связи с этим сейчас *данный аспект* вопроса о регистрации соглашения о расторжении договора аренды может быть актуален для сторон договора только в контексте их взаимоотношений с третьими лицами. Хотя, как представляется, и для третьих лиц определение момента заключения соглашения о расторжении договора аренды непринципиально, ибо вне зависимости от этого на взаимоотношения со сторонами будет влиять иное обстоятельство, а именно наличие в ЕГРН соответствующих записей о сделке и обременении, презумирующих наличие в отношении объекта недвижимости арендных правоотношений¹⁵.

Однако вопрос о необходимости регистрации соглашения о расторжении договора аренды может проявиться в *другом аспекте*. В частности, то, каким образом этот вопрос разрешен, может влиять на размер расходов, связанных с обращением в регистрирующий орган для погашения в ЕГРН соответствующих записей о сделке и обременении. Так, например, начиная с 2020 года при регистрации соглашения о расторжении договора аренды Налоговый кодекс Российской Федерации (далее – НК РФ) обязывал уплатить государственную пошлину в размере, установленном для регистрации сделки с объектом недвижимости (подп. 22 п. 1 ст. 333.33)¹⁶, тогда как за регистрацию прекращения аренды без предварительной регистрации соглашения о расторжении договора государственная пошлина не уплачивалась (подп. 8.2 п. 3 ст. 333.35).

В условиях правовой неопределенности желание сторон договора аренды отстоять, в том числе в судебном порядке, экономически выгодную для себя позицию обусловило продолжение дискуссии по вопросу о необходимости регистрации соглашения о расторжении договора аренды. Однако с 1 января 2023 года экономический мотиватор дискуссии стал не столь силь-

---

¹⁵ О правовых последствиях отсутствия регистрации прекращения действия зарегистрированной сделки для третьих лиц см.: Бевзенко Р. С. Государственная регистрация сделок и последствия ее отсутствия: комментарий к ст. 164 и 165 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 81–82.

¹⁶ Согласно подпункту 22 пункта 1 статьи 333.33 НК РФ, государственная пошлина за государственную регистрацию сделки с объектом недвижимости составляет для физических лиц 2 тыс. руб., для организаций – 22 тыс. руб.

ным: в целях «устранения необоснованных расходов физических и юридических лиц в сфере предпринимательской и иной экономической деятельности»¹⁷ НК РФ был дополнен нормой (подп. 27.2 п. 1 ст. 333.33), установившей специальный размер государственной пошлины за регистрацию соглашения о расторжении договора аренды – значительно ниже размера государственной пошлины за регистрацию сделки с объектом недвижимости¹⁸.

В любом случае вопрос о необходимости регистрации соглашения о расторжении договора аренды имеет место и требует разрешения.

Следует отметить, что в отличие от соглашения об изменении зарегистрированного договора, в отношении которого в настоящее время прямо закреплено правило о необходимости его регистрации (п. 2 ст. 164 ГК РФ), по соглашению о расторжении зарегистрированного договора ГК РФ такого требования не содержит. Применительно к соглашению о расторжении договора аренды о регистрации упоминается лишь в пункте 120 Порядка ведения ЕГРН (указано, что если основанием для расторжения договора аренды является соглашение сторон такого договора, то помимо погашения ранее внесенных записей о сделке и об ограничении (обременении) в реестр прав на недвижимость также вносится запись о сделке – государственной регистрации соглашения). Кроме того, как уже отмечалось, НК РФ предусматривает специальные размеры государственной пошлины за регистрацию соглашения о расторжении договора аренды.

Анализируя свежую судебную практику по делам, связанным с оспариванием решения регистрирующего органа о возвращении без рассмотрения документов, обусловленного отсутствием сведений об уплате заявителем государственной пошлины за осуществление регистрации сделки (п. 3 ст. 25 Закона о регистрации), можно по-прежнему констатировать наличие диаметрально противоположных подходов к разрешению поставленного вопроса. *Первый подход* предусматривает, что соглашение о расторжении договора аренды не подлежит государственной регистрации как сделка в связи с отсутствием в гражданском законодательстве соответствующего указания¹⁹.

¹⁷ Пояснительная записка к проекту Федерального закона № 137906-8 «О внесении изменений в статью 333.33 части второй Налогового кодекса Российской Федерации». Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

¹⁸ Согласно подпункту 27.2 пункта 1 статьи 333.33 НК РФ, государственная пошлина за регистрацию соглашения о расторжении договора аренды, если такой договор зарегистрирован в ЕГРН, составляет для физических лиц 350 руб., для организаций – 1 тыс. руб.

¹⁹ См., например: постановления Десятого арбитражного апелляционного суда от 14 дек. 2022 г. № 10АП-23703/2022 по делу № А41-64005/2022, Девятого арбитражного апелляцион-

Этот подход согласуется с позицией Минфина России, отраженной в письме от 26 февраля 2021 года № 03-05-05-03/13425. В силу *второго подхода* соглашение о расторжении договора аренды выступает самостоятельным объектом государственной регистрации²⁰. Подход обосновывается ссылкой на пункт 1 статьи 452 ГК РФ (о необходимости совершения соглашения о расторжении договора *в той же форме*, что и договор)²¹, пункт 2 статьи 164 ГК РФ (о необходимости регистрации сделки, предусматривающей изменение условий зарегистрированной сделки)²², а также пункт 120 Порядка ведения ЕГРН (о внесении в реестр прав на недвижимость записи о государственной регистрации соглашения). Видится, что демонстрируемая судебной практикой правовая неопределенность в вопросе о необходимости регистрации соглашения о расторжении договора аренды требует устранения на законодательном уровне.

В литературе можно встретить предложения по нормативному закреплению обязательности государственной регистрации соглашений о расторжении зарегистрированных договоров²³. Однако, как представляется, в большей степени отвечающим назначению государственной регистрации прав на недвижимое имущество (опубликование правового результата дей-

---

ного суда от 28 февр. 2023 г. № 09АП-2637/2023 по делу № А40-178236/2022, Арбитражного суда Московского округа от 14 июля 2022 г. № Ф05-11020/2022 по делу № А40-200576/2021.

²⁰ См., например: постановления Арбитражного суда Северо-Кавказского округа от 5 апр. 2022 г. № Ф08-2214/2022 по делу № А53-25219/2021, Арбитражного суда Дальневосточного округа от 1 июля 2022 г. № Ф03-2710/2022 по делу № А24-5307/2021, Восемнадцатого арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2022 г. № 18АП-1116/2022 по делу № А47-11994/2021, Пятнадцатого арбитражного апелляционного суда от 4 марта 2022 г. № 15АП-1415/2022 по делу № А53-30083/2021.

²¹ Следует отметить, что согласно правовой позиции, отраженной в пункте 14 Обзора практики разрешения споров, связанных с применением Федерального закона «О государственной регистрации прав на недвижимое имущество и сделок с ним», содержащегося в Информационном письме Президиума ВАС РФ от 16 февр. 2001 г. № 59, государственная регистрация сделки не является элементом ее формы.

²² По сути, соглашение о расторжении договора как производное от договора соглашение, направленное на прекращение действия договора, рассматривается в качестве сделки, предусматривающей изменение условий зарегистрированной сделки. В связи с этим при обосновании подхода также приводятся ссылки на практику Верховного Суда РФ по вопросу о регистрации соглашений об изменении зарегистрированных договоров (определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 21 окт. 2021 г. по делу № 307-ЭС21-8546, от 1 нояб. 2021 г. № 307-ЭС21-8633; решение Верховного Суда РФ от 15 янв. 2021 г. № АКПИ20-932).

²³ Егорова М. А. Требования к форме и регистрации соглашений об изменении и расторжении договора // Юридический мир. 2011. № 1. С. 21–28; Мограбян А.С. К вопросу о моменте расторжения договора аренды нежилого помещения для предпринимательской деятельности // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 41–46.

ствия соответствующего правооснования в целях информирования третьих лиц о состоявшемся изменении правового состояния объекта недвижимости) является подход, отраженный в одном из проектов постановления Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора»²⁴. В соответствии с ним соглашение о расторжении зарегистрированного договора не подлежит регистрации, считается заключенным с момента достижения сторонами указанного соглашения, при этом расторжение зарегистрированного договора как правовой результат соглашения о расторжении договора для добросовестных третьих лиц определяется моментом регистрации расторжения.

Другим вопросом, с которым сталкиваются стороны арендных правоотношений, является процедурный вопрос *о порядке государственной регистрации прекращения аренды объекта недвижимости*. Закон о регистрации регламентирует порядок государственной регистрации аренды недвижимого имущества. Данному вопросу посвящены отдельные положения статьи 51 Закона о регистрации. Однако указанная регламентация касается исключительно *возникновения* аренды. Порядок регистрации *прекращения* аренды в Законе о регистрации отсутствует²⁵.

Основной вопрос, который возникает в рассматриваемом случае, касается лиц, по заявлению которых осуществляется регистрация прекращения аренды. Определение круга лиц, инициативы которых *достаточно для внесения (погашения)* в ЕГРН записей о правах, ограничениях прав, обременениях прав, сделках, относится к одному из важнейших аспектов регистрационной процедуры.

В силу действующей презумпции достоверности реестра прав на недвижимость (п. 6 ст. 8.1 ГК РФ, ч. 5 ст. 1 Закона о регистрации) содержащиеся в нем сведения имеют силу приоритетного доказательства наличия (отсутствия) элемента правового состояния объекта недвижимости во внесудебных правоотношениях. Пока не доказано иное, правообладатель вправе предпринимать действия в отношении объекта недвижимости в рамках правомочности, подтверждаемой реестром. Кроме того, по общему правилу, регистрация элемента правового состояния определяет момент его *возникновения, изменения или прекращения* (п. 2 ст. 8.1 ГК РФ). В связи с этим безосновательное и (или) несвоевременное внесение либо погашение в ре-

²⁴ Проект Постановления Пленума ВАС РФ «О последствиях расторжения договора» (по состоянию на 28.11.2013). Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁵ Закон о регистрации 1997 г. также не регламентировал порядок государственной регистрации прекращения аренды недвижимого имущества.

стре прав на недвижимость сведений о правовом состоянии объекта недвижимости в равной степени может стать причиной нарушения прав и законных интересов участников правоотношений. Одним из механизмов, призванных обеспечивать обоснованность и своевременность внесения (погашения) в реестре указанных сведений, является оптимальное решение вопроса о заявителях в рамках процедуры регистрации. Если речь идет о правах на недвижимое имущество, основанием возникновения, изменения или прекращения которых является договор, – оптимальное решение вопроса о необходимости подключения каждой из сторон к регистрационной процедуре.

Действующее законодательство в качестве *общего правила* регистрации сделки и права, возникающего на основании сделки (если сделка совершена в простой письменной форме), требует регистрационного участия в форме обращения в регистрирующий орган от всех сторон сделки (п. 3 ст. 8.1 ГК РФ; п. 3, 5 ч. 3 ст. 15 Закона о регистрации). Реализация данного правила предполагает «дружественно-ответственную» коммуникацию сторон договора, в отсутствие которой может возникнуть проблема, связанная с уклонением одной из сторон от регистрации и, как следствие, несвоевременностью внесения в реестр прав на недвижимость соответствующих сведений. Данное обстоятельство дает повод усомниться в правильности законодательного подхода, особенно в случае квалификации заявлений сторон договора исключительно в качестве основания для возбуждения соответствующего административного производства²⁶. Однако, как думается, преследуемая законодателем цель установления требования о представлении сторонами совместного заявления о регистрации прав состоит прежде всего в том, чтобы создать дополнительный способ подтверждения наличия воли стороны договора на соответствующее правоизменение объекта недвижимости, в том числе на прекращение (ограничение) прав (в рамках осуществляющей регистрацию правовой экспертизы представленных на регистрацию прав документов)²⁷. Другими словами, указанное требование направлено на

²⁶ Так, например, М. Б. Жужжалов полагает, что нет причин для того, чтобы не допускать оформление соответствующего правоизменения на основании заявления только одной стороны (Жужжалов М. Б. Требование о государственной регистрации перехода права собственности // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2013. С. 107–108).

²⁷ Так, например, В. А. Алексеев рассматривает принцип частной инициативы в рамках вопроса о правовой экспертизе при регистрации прав на недвижимость (Алексеев В. А. Концепция государственной регистрации прав на недвижимость в Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2011. С. 68–69).

обеспечение обоснованности внесения (погашения) в реестре сведений о правовом состоянии объекта недвижимости.

Порядок государственной регистрации возникновения аренды недвижимого имущества представляет собой исключение из общего правила об участии сторон договора в регистрационной процедуре. Согласно части 1 статьи 51 Закона о регистрации с заявлением о государственной регистрации договора аренды недвижимого имущества может обратиться одна из сторон договора. Данное исключение может быть объяснено необходимостью оптимизации процедуры регистрации договора аренды недвижимости, *требуемой* в связи с экономической спецификой отношений и *допустимой* в связи с меньшими рисками для собственника объекта недвижимости (в отличие от регистрации, например, перехода права собственности). При этом воля стороны договора аренды, не участвующей в регистрационной процедуре, устанавливается регистрирующим органом посредством изучения иных представленных документов (прежде всего договора аренды)²⁸.

Как уже отмечалось, порядок регистрации *прекращения* аренды в Законе о регистрации отсутствует.

В свое время ВАС РФ был сформирован правовой подход, согласно которому с заявлением о регистрации прекращения договора аренды вправе обратиться любая из сторон договора (подход основывался на положениях пункта 1 статьи 26 Закона о регистрации 1997 года, аналогичных по своему содержанию части 1 статьи 51 Закона о регистрации)²⁹. Размещенные на официальном сайте Росреестра разъяснения о порядке регистрации прекращения (расторжения) договора аренды (погашение в ЕГРН записи об аренде) согласуются с данным правовым подходом (обоснование – ссылка на часть 1 статьи 51 Закона о регистрации)³⁰.

Следует отметить, что лицом, в большей степени заинтересованным в регистрации прекращения аренды (при наличии к тому оснований), является

²⁸ Приведенный законодательный подход поддерживается не всеми авторами. В частности, В. А. Алексеев полагает необходимым исключить из законодательства возможность регистрации прав и обременений без волеизъявления на регистрацию второй стороны сделки (Алексеев В. А. Указ. соч. С. 69).

²⁹ Об отдельных вопросах практики применения правил Гражданского кодекса Российской Федерации о договоре аренды: постановление Пленума ВАС РФ от 17 ноября 2011 г. № 73 (ред. от 25.12.2013). П. 6.

³⁰ Государственная регистрация прекращения (расторжения) договора аренды (погашение в ЕГРН записи об аренде) по заявлению одной стороны договора аренды в связи с истечением срока его действия. URL: https://rosreestr.gov.ru/feedback/faq/356530/?phrase_id=2788550.

арендодатель. Безосновательное сохранение в ЕГРН записи об аренде нарушает его права, так как ограничивает возможности распоряжаться объектом недвижимости. С этой стороны сформированный ВАС РФ и реализуемый регистрирующим органом подход, безусловно, отвечает интересам арендодателя, предоставляя возможность без участия арендатора оперативно добиться приведения реестра прав на недвижимость в требуемое состояние. С другой стороны, в определенной ситуации, в том числе при недобросовестном поведении арендодателя, такой подход к регистрации прекращения аренды недвижимости может привести к безосновательному погашению в ЕГРН записей об аренде и нарушению прав арендатора (например, в случае последующего отчуждения объекта недвижимости третьему лицу, не знаявшему и нециальному знать о наличии аренды).

В связи с этим видится, что порядок регистрации прекращения аренды в части требуемых (достаточных) заявителей должен быть дифференцирован в зависимости от оснований прекращения аренды³¹.

Приведенный подход, как представляется, является разумным для случаев прекращения аренды в связи с расторжением договора аренды по соглашению сторон или в судебном порядке. В обоих случаях на регистрацию представляются документы (соглашение о расторжении договора или судебный акт), наличие которых сводит к минимуму осуществление регистрации прекращения аренды недвижимости в отсутствие воли (согласия) арендатора на прекращение аренды.

В случае одностороннего отказа от исполнения договора аренды регистрационная ситуация имеет специфику, обусловленную тем, что в определенной ситуации установить наличие бесспорного основания прекращения договора аренды в отсутствие заявления одной из сторон договора невозможно. Рассматриваемое основание прекращения аренды не формализовано: обязательное составление документа, в котором было бы зафиксировано отношение сторон договора к квалификации арендных правоотношений как прекратившихся, не предусмотрено. В связи с этим представление сторонами договора аренды совместного заявления о регистрации прекращения аренды является единственным способом установления отсутствия возражений сторон договора относительно наличия соответствующего правового основания.

---

³¹ На различия регистрационных ситуаций, обусловленные спецификой оснований прекращения аренды и выражаются в разной степени их спорности, в частности, указывает С. Н. Боткин (Боткин С. Н. Досрочное расторжение договора аренды: сложные случаи, анализ споров в судах // Жилищное право. 2018. № 9. С. 29–44).

Как представляется, именно такая логика была положена в основу правового подхода, сформированного ВАС РФ применительно к одностороннему отказу от исполнения договора, связанного с действиями одной из сторон³²: в регистрирующий орган должны быть представлены заявления обеих сторон договора; в случае отказа другой стороны договора от обращения с указанным заявлением сторона, заявившая об отказе от исполнения договора, вправе обратиться в суд с иском к другой стороне о признании договора прекратившимся; решение суда об удовлетворении указанного иска служит основанием для внесения регистрирующим органом соответствующей записи в реестр³³.

Обращает на себя внимание тот факт, что указанный правовой подход, по сути представляющий собой норму права, восполняющую существенный пробел правового регулирования в сфере регистрации прав на недвижимое имущество, был сформирован ВАС РФ еще до принятия нового регистрационного закона. Однако по неизвестным причинам законодательного восприятия разработанного регистрационного алгоритма применительно к арендным правоотношениям не состоялось. Изучение практики применения судами анализируемого правового подхода показало отсутствие единообразия в его понимании³⁴. В связи с этим по-прежнему актуальны высказываемые в литературе предложения относительно необходимости законодательного закрепления порядка действий сторон договора аренды при одностороннем отказе от исполнения договора³⁵.

При истечении срока договора аренды установлению бесспорного основания прекращения арендных правоотношений препятствует закрепленное в пункте 2 статьи 621 ГК РФ правило о возможном возобновлении дого-

---

³² О последствиях расторжения договора: постановление Пленума Высшего Арбитражного Суда Рос. Федерации от 6 июня 2014 г. № 35. Пункт 11.

³³ Как абсолютно справедливо отмечает В. А. Болдырев, несмотря на законодательный замысел о внесудебном порядке отказа от исполнения договора (что выгодно отличает его от одностороннего расторжения договора), когда дело касается зарегистрированных на основании договоров прав (ограничений прав, обременений имущества), «без отправления правосудия в ряде ситуаций не обойтись», если сторона договора, заявившая о прекращении правоотношений, преследует цель приведения сведений публичного реестра в актуальное состояние (Болдырев В. А. Иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 58–59).

³⁴ См., например: постановления Арбитражного суда Центрального округа от 13 мая 2022 г. № Ф10-1080/2022 по делу № А54-1957/2021, Пятого арбитражного апелляционного суда от 11 окт. 2022 г. № 05АП-5504/2022 по делу № А51-20898/2021.

³⁵ Пискунова Е. А. Особенности правового регулирования государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений // Правовые вопросы недвижимости. 2012. № 2. С. 2–6.

вора на неопределенный срок (если арендатор продолжает пользоваться имуществом после истечения срока договора, а арендодатель не возражает против этого). Данное обстоятельство исключает самостоятельные действия регистрирующего органа по погашению в ЕГРН соответствующих записей.

Согласно размещенным на официальном сайте Росреестра разъяснениям³⁶, при истечении указанного в договоре аренды недвижимости срока регистрационная запись об аренде в ЕГРН может быть погашена на основании заявления *одной из сторон договора аренды*, представленного в регистрирующий орган после истечения указанного в договоре срока. При этом с учетом положений части 4 статьи 18 Закона о регистрации к заявлению также должны быть приложены документы, подтверждающие *фактическое прекращение арендных отношений* (таким документом может, например, являться документ (акт), подтверждающий передачу (возврат) арендованного имущества арендодателю (ст. 622 ГК РФ), либо уведомление о расторжении договора аренды недвижимости, направленное арендатором арендодателю в срок, установленный законом или договором для предупреждения о прекращении договора аренды недвижимости (п. 2 ст. 610 ГК РФ)).

Анализируя приведенные разъяснения, следует отметить, что обозначенная необходимость представления документов, подтверждающих фактическое прекращение арендных отношений, в определенной ситуации может помешать арендодателю зарегистрировать прекращение аренды. Например, когда после истечения срока договора аренды арендатор продолжает пользоваться имуществом, однако арендодатель возражает против этого. Указанная ситуация должна быть квалифицирована как состоявшееся прекращение действия договора аренды, сопряженное с неисполнением со стороны арендатора вытекающей из этого обязанности возвратить имущество. Составление сторонами в данном случае документа, подтверждающего возврат арендованного имущества арендодателю, исключено, в связи с чем исключено и осуществление регистрации прекращения аренды по заявлению арендодателя. Таким образом, несмотря на заявленную возможность погашения в ЕГРН регистрационной записи об аренде на основании заявления одной из сторон договора аренды недвижимости, в приведенной выше ситуации данная возможность фактически блокируется. Между тем требование представления документов, подтверждающих фактическое прекращение арендных

---

³⁶ Государственная регистрация прекращения (расторжения) договора аренды...

отношений, по своей реализации близко к требованию о представлении совместного заявления сторон договора аренды. В связи с этим на фоне действия правового подхода ВАС РФ о праве любой из сторон договора обратиться с заявлением о регистрации прекращения договора аренды анализируемые разъяснения в рассматриваемой части могут быть расценены как спорные. Представляется, что в целях нормативной регламентации порядка регистрации прекращения аренды при истечении срока договора аренды уместен вышеприведенный алгоритм регистрации прекращения аренды в случае одностороннего отказа от исполнения договора аренды.

Подводя итог изложенному, необходимо отметить следующее.

Поднимая проблему отсутствия должной степени регламентации правоотношений в сфере государственной регистрации прекращения аренды недвижимости, нельзя сказать, что соответствующие вопросы не разрешены совсем. Отдельные аспекты регистрации имеют разрешение на уровне высших судебных органов. Однако, как представляется, надлежащей такая регламентация не является. Несмотря на признаваемую в теории права нормотворческую функцию высших судов³⁷, ситуацию, при которой регулирование правоотношений фрагментарно осуществляется актами высших судебных органов без каких-либо перспектив перехода в законодательную плоскость, сложно признать приемлемой.

В настоящее время поиск ответов на *базовые* вопросы регистрации прекращения аренды недвижимости в определенных случаях требует от заинтересованного лица обращения к актам высших судов, ознакомления с официальными разъяснениями регистрирующего органа, анализа судебной практики рассмотрения спорных ситуаций и, в случае несовпадения полученного понимания с фактической позицией регистрирующего органа, обращения в суд. Налицо ситуация, когда прохождение процедуры регистрации объективно превращается в бремя, могущее свести на нет ожидаемый положительный эффект. Это, безусловно, предопределяет необходимость устранения выявленных пробелов правового регулирования правоотношений в сфере регистрации прекращения аренды недвижимости посредством внесения соответствующих изменений в действующее законодательство.

---

³⁷ Гук П. А. Функция нормотворчества высших судов России // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 35–38.

Библиографический список

Алексеев В. А. Концепция государственной регистрации прав на недвижимость в Российской Федерации. М.: Волтерс Клувер, 2011.

Бевзенко Р. С. Государственная регистрация сделок и последствия ее отсутствия: комментарий к ст. 164 и 165 ГК РФ // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2017. № 5. С. 65–87.

Болдырев В. А. Иски о признании регистрируемого договора прекратившимся и обязательственного права отсутствующим // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2021. № 51. С. 57–83.

Боткин С. Н. Досрочное расторжение договора аренды: сложные случаи, анализ споров в судах // Жилищное право. 2018. № 9. С. 29–44.

Гук П. А. Функция нормотворчества высших судов России // Российская юстиция. 2019. № 3. С. 35–38.

Егорова М. А. Требования к форме и регистрации соглашений об изменении и расторжении договора // Юридический мир. 2011. № 1. С. 21–28.

Жужжалов М. Б. Требование о государственной регистрации перехода права собственности // Проблемы регистрации прав, фиксации и удостоверения юридических фактов гражданского права: сб. ст. / отв. ред. М. А. Рожкова. М.: Статут, 2013. С. 61–108.

Кузнецова О. А. Нормы-принципы российского гражданского права. М.: Статут, 2006.

Мограбян А. С. К вопросу о моменте расторжения договора аренды нежилого помещения для предпринимательской деятельности // Вестник арбитражной практики. 2017. № 1. С. 41–46.

Пискунова Е. А. Особенности правового регулирования государственной регистрации договоров аренды нежилых помещений // Правовые вопросы недвижимости. 2012. № 2. С. 2–5.

Концепция развития гражданского законодательства о недвижимом имуществе / под общ. ред. В. В. Витрянского, О. М. Козырь, А. А. Маковской. М.: Статут, 2004.

УДК 347.45/47

DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-67-83

ЦИФРОВЫЕ ФИНАНСОВЫЕ АКТИВЫ КАК НОВОЕ ПОЛОЖЕНИЕ БРАЧНОГО ДОГОВОРА

Исследование выполнено при финансовой поддержке гранта Президента Российской Федерации для государственной поддержки молодых российских ученых – кандидатов наук в рамках научного проекта МК-3863.2022.2 «Статурирование цифровых финансовых активов как нового инструмента цифрового гражданского оборота: анализ современного состояния российского законодательства и прогнозирование в условиях посткоронокризиса»

А. В. Захаркина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: annavladimirovna2009@yandex.ru

В. П. Ладыгина

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Помощник нотариуса

E-mail: vitanot@bk.ru

© Захаркина А. В., Ладыгина В. П., 2023

Аннотация: авторы концентрируют внимание на новом для отечественной цивилистической науки направлении исследований – особенностях включения в брачный договор условия о цифровых финансовых активах. В статье обращено внимание на поступательное формирование отечественной экосистемы цифровых финансовых активов, являющейся фактором роста числа брачных договоров, учитывающих цифровые финансовые активы; уточнена роль брачного договора в структуре инструментов договорного регулирования имущественных отношений в условиях цифровой экономики; сделаны общие замечания по поводу правовой природы цифровых финансовых активов; раскрыты особенности включения условия о цифровых финансовых активах в текст брачного договора. Сделаны выводы о том, что цифровые финансовые активы, будучи имущественными правами, подчиняются законному или договорному режиму имущества супругов; имманентно связаны с конкретной информационной системой, что должно быть учтено в условиях брачного договора; обращаются при помощи пользовательских аккаунтов, доступ в которые предопределен прохождением процедур аутентификации и идентификации пользователя при помощи логинов, паролей, биометрии и т.д. Отмечена ведущая роль нотариуса в корректной формулировке соответствующего положения брачного договора, что необходимо для охраны интересов конкретной стороны брачного договора, превенции юридических конфликтов в будущем, а также обеспечения беспрепятственного осуществления прав третьими лицами, которые связаны с цифровыми финансовыми активами.

Ключевые слова: брачный договор; договорный режим; нотариус; цифровые финансовые активы; цифровые права; имущественные права; цифровая экономика; пользовательский аккаунт

DIGITAL FINANCIAL ASSETS AS A NEW PROVISION OF THE MARRIAGE CONTRACT

The research was carried out with the financial support of a grant from the President of the Russian Federation for state support of young Russian scientists – candidates of sciences within the framework of the scientific project MK-3863.2022.2 "Statuization of digital financial assets as a new tool of digital civil turnover: analysis of the current state of Russian legislation and forecasting in the post-coronocrisis"

A. V. Zakharkina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: annavladimirovna2009@yandex.ru

V. P. Ladygina

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: vitanot@bk.ru

Abstract: the article focuses on a new direction of research for domestic civil science – the specifics of including conditions on digital financial assets in a prenuptial agreement. The article draws attention to the progressive formation of the domestic ecosystem of digital financial assets, which is a factor in the growth of the number of prenuptial agreements that take into account digital financial assets; clarifies the role of the prenuptial agreement in the structure of contractual regulation of property relations in the digital economy; makes general comments on the legal nature of digital financial assets; the features of the inclusion of the condition on digital financial assets in the text of the marriage contract are disclosed. Conclusions are drawn that digital financial assets, being property rights, are subject to the legal or contractual regime of the spouses' property; are immanently linked to a specific information system, which should be taken into account in the terms of the marriage contract; are accessed using user accounts, access to which is predetermined by the passage of authentication procedures and user identification using logins, passwords, biometrics, etc. The leading role of the notary in the correct formulation of the relevant provision of the marriage contract is noted, which is necessary to protect the interests of a particular party to the marriage contract, prevent legal conflicts in the future, as well as ensure the unhindered exercise of rights by third parties who are associated with digital financial assets.

Keywords: prenuptial agreement; contractual regime; notary; digital financial assets; digital rights; property rights; digital economy; user account

Можно с уверенностью констатировать, что брачный договор планомерно входит в структуру отечественной договорной практики, ежегодно демонстрируя темпы роста по количеству заключенных договоров. Так, по официальным данным Федеральной нотариальной палаты, почти пятая часть от общего числа браков, зарегистрированных в Российской Федерации за шесть месяцев 2022 года, оформлена с использованием брачного договора¹. Т. В. Шершень справедливо связывает эту тенденцию с разви-

---

¹ Куликов В. Почти пятая часть от общего числа браков, зарегистрированных в РФ за полгода, оформлена с использованием брачного договора // Рос. газета. 2022. 1 сент.

тием рыночной экономики, в которой договорные регуляторы играют ведущую роль².

Тематика брачного договора с позиции как семейного, так и нотариального законодательства отличается высокой степенью научной разработанности, особенно в аспекте неблагоприятных положений брачного договора³, правозащитной деятельности нотариата⁴, осложнения брачного договора иностранным элементом⁵ и даже мотивов к заключению брачного договора. Однако положение брачного договора о цифровых финансовых активах (далее также – ЦФА) не было самостоятельным предметом научных разработок, что детерминировано новизной института цифровых финансовых активов. Вместе с тем авторы настоящего исследования справедливо ожидают соответствующей нотариальной практики в ближайшем будущем, что предопределяет актуальность настоящего исследования. К слову, авторами статьи был направлен соответствующий запрос в Федеральную нотариальную палату с просьбой предоставить аналитическую информацию о нотариальной практике, складывающейся по поводу заключения брачных договоров, одним из условий которых выступает положение о цифровых финансовых активах. В частности, интерес вызывало следующее: есть ли в нотариальной практике такие брачные договоры и как именно стороны соответствующих договоров формулируют условие о ЦФА? Однако ответ на запрос так и не был получен.

По состоянию на 18 апреля 2023 г. отечественный реестр операторов инвестиционных платформ насчитывает семьдесят шесть корпоративных юридических лиц, получивших соответствующий статус. Это свидетельствует о том, что рынок цифровых финансовых активов находится в стадии формирования, однако с учетом наличия соответствующей информационной экосистемы точно будет набирать обороты. К примеру, АО «Альфа-Банк» запустило

---

² Шершень Т. В. Брачный договор как регулятор семейных отношений в России и Республике Беларусь // Семейное и жилищное право. 2007. № 3. С. 2–7.

³ См., например: Черепанова О. С. Крайне неблагоприятное положение супруга как основание признания брачного договора недействительным // Нотариус. 2022. № 1. С. 24–27; Дякиев А. Неблагоприятные положения брачного договора // ЭЖ-Юрист. 2016. № 42. С. 10.

⁴ См., например: Альбиков И. Р. Роль и значение брачного договора в правозащитной деятельности нотариата // Нотариус. 2017. № 5. С. 43–45; Побережный С. Г. Нотариально удостоверенный брачный договор как вид нотариального акта и доказательственная презумпция при защите прав супружеских пар // Нотариус. 2018. № 5. С. 29–35; Имансу А. С. Брачный договор как способ защиты прав женщин и детей // Нотариус. 2016. № 1. С. 16–18.

⁵ См., например: Шляпникова Д. М. Актуальные вопросы заключения брачного договора, осложненного иностранным элементом // Нотариальный вестник. 2022. № 11. С. 39–47.

рекламу ЦФА, позиционируя последние как активы, позволяющие зарабатывать или привлекать капитал в бизнес с использованием технологий будущего. При этом сообщается, что инвестором может быть любое лицо, которое прошло в установленном порядке регистрацию на платформе А-Токен. Интересно, что среди преимуществ цифровых финансовых активов для инвестора называются следующие: возможность диверсификации инвестиционного портфеля за счет новых ЦФА и получения дохода; разнообразие инвестиционного портфеля за счет привычных и новых видов ЦФА; возможность инвестирования незначительных денежных сумм; надежность платформы, аудит которой осуществляется Центральный банк РФ; перспективы разрастания рынка ЦФА в структуре цифровой экономики Российской Федерации. Описывая процесс функционирования цифровых финансовых активов, АО «Альфа-Банк» разъясняет, что после публикации эмитентом решения о выпуске ЦФА инвесторы подают соответствующие заявки и оплачивают стоимость цифровых финансовых активов с помощью своих личных кабинетов. Далее инвесторам необходимо дождаться даты выпуска оплаченных ЦФА, по наступлении которой последние автоматически поступают на электронный кошелек инвестора. Специально оговаривается способность цифровых финансовых активов свободно участвовать в имущественном обороте: они могут выступать предметом гражданско-правовых сделок, в том числе тех, которые направлены на приобретение или отчуждение имущества.

Роль брачного договора в структуре инструментов договорного регулирования имущественных отношений в условиях цифровой экономики

Справедливо квалифицируя брачный договор в качестве регулятора имущественных отношений супругов в российском обществе, Ш. У. Степанян резонно заявляет, что в регулировании семейных отношений государство выполняет роль «ночного сторожа», что предопределяет регулятивное воздействие только на сферу имущественных интересов супругов⁶. Проникновение публично-правовых начал в семейное законодательство осуществляется исключительно с целью «защиты интересов государства, в концентрирован-

---

⁶ Степанян Ш. У. Брачный договор как регулятор имущественных отношений супругов в российском обществе // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 35–40.

ном виде выражающего интересы общества»⁷. Видимо, именно по этой причине сторонами брачного договора выступают исключительно супруги, брак которых зарегистрирован в установленном законом порядке. То есть законодатель не считает сколько-нибудь возможным распространить правила брачного договора на «фактических супружеских», поскольку семейно-правовая политика Российской Федерации исходит из признания только зарегистрированного в органах ЗАГСа брака.

Семейно-правовая доктрина изобилует научными концептами, объясняющими сущность договорного режима имущества супружеских. Так, А. В. Мыскин под этим режимом предлагает понимать такой правовой режим супружеского имущества, при котором правовой статус супружеских по поводу общего, а также добрачного имущества подчиняется не нормам семейного законодательства, а индивидуальным правилам, зафиксированным в условиях брачного договора⁸. Интересно, что еще в 2006 году этот же ученыйставил вопрос о допустимости квалификации брачного соглашения в качестве гражданско-правового договора либо о допустимости признания его договором особого рода. Итогом научных рассуждений ученого стал однозначный вывод, что брачный договор является стандартной гражданско-правовой сделкой двустороннего типа⁹. Соглашаясь с этим тезисом, Л. Б. Максимович предлагает считать брачный договор соглашением комплексного характера с учетом разнообразия имущественных вопросов, которые могут составить его содержание¹⁰. Отмечая договорную природу брака, Ш. У. Степанян указывает, что в этом смысле договорный режим имущества супружеских является своеобразным продолжением брачного союза. Интересную характеристику брачному договору дала О. Н. Низамиева, заметившая, что он является «своебразным имущественным кодексом конкретной супружеской пары»¹¹.

Таким образом, роль брачного договора как инструмента договорного регулирования имущественных отношений супружеских в целом не вызывает существенных разногласий. Однако в рамках настоящего исследования нам

---

⁷ Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 1998. С. 126.

⁸ Мыскин А. В. Договорный режим имущества супружеских как элемент содержания брачного договора // Юрист. 2006. № 3. С. 47–51.

⁹ Он же. Брачный договор: гражданско-правовой договор или договор особого рода? // Гражданское право. 2006. № 2. С. 33–37.

¹⁰ Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М.: Ось-89, 2003. С. 30.

¹¹ Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань: Таглиммат, 2005. С. 104.

бы хотелось акцентировать внимание на роли брачного договора в условиях цифровизации общества. Как уже было отмечено ранее, распространение брачных договоров в отечественном правовом пространстве и, как следствие, устойчивая динамика роста их числа связаны с развитием рыночных отношений, в которых ведущая роль отведена частной форме собственности.

Стремительное развитие цифровой экономики, обусловленное научно-техническим прогрессом, привнесшим в общественную жизнь цифровые технологии, формирует новый взгляд на договорные регуляторы, обеспечивающие имущественные взаимоотношения супружеских пар. Так, в рамках реализации Национальной программы «Цифровая экономика Российской Федерации»¹² отечественный законодатель привнес в отечественный гражданский правопорядок новые явления, существование которых связано с цифровой средой. С учетом имущественной природы этих явлений и, как следствие, потенциальной возможности упоминания в условиях брачного договора считаем важным обратить внимание на некоторые из них. Статуирировав цифровые права в качестве нового объекта гражданских прав в результате принятия Федерального закона от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ¹³, относящегося к поправочному нормотворчеству, отечественный законодатель принял специальные нормативно-правовые акты, посвященные двум видам цифровых прав – утилитарным цифровым правам¹⁴ и цифровым финансовым активам¹⁵. Не вдаваясь в правовую природу каждого из указанных видов цифровых прав, подметим, что их позитивизация предполагает появление в структуре отечественной российской экономики нового вида имущественных прав, которые могут принадлежать и супругам, а следовательно, стать предметом брачного договора. Цифровые финансовые активы пози-

¹² Паспорт национального проекта «Национальная программа “Цифровая экономика Российской Федерации”»: утв. президентом Совета при Президенте РФ по стратегическому развитию и национальным проектам, протокол от 4 июня 2019 г. № 7.

¹³ О внесении изменений в части первую, вторую и статью 1124 части третьей Гражданского кодекса Российской Федерации: Федер. закон от 18 марта 2019 г. № 34-ФЗ: принят Гос. Думой 12 марта 2019 г.: одобрен Советом Федерации 13 марта 2019 г.

¹⁴ О привлечении инвестиций с использованием инвестиционных платформ и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 2 авг. 2019 г. № 259-ФЗ: принят Гос. Думой 24 июля 2019 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2019 г. (ред. от 14.07.2022).

¹⁵ О цифровых финансовых активах, цифровой валюте и о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федеральный закон РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ: принят Гос. Думой 22 июля 2020 г.: одобрен Советом Федерации 24 июля 2020 г. (ред. от 14.07.2022).

ционируются прежде всего как инвестиционные инструменты, что предполагает их значительную имущественную ценность. Это детерминирует потенциальный риск возникновения семейно-правовых юридических конфликтов, предметом которых выступают цифровые финансовые активы, если последние не были подвергнуты договорному порядку регулирования. Как известно, принятие решения о заключении брачного договора свидетельствует об определенном уровне правовой культуры и правовой грамотности супружеского пары. Обычно это связано с тем, что один супруг или в редких случаях оба обладают активами, характеризующимися высокой имущественной ценностью. Зачастую такими активами является бизнес, представленный в виде долей или акций в хозяйственных обществах¹⁶. В этом смысле обладание любым ценным активом – недвижимостью, вкладами в банке, драгоценными металлами, долями в хозяйственных обществах, ценными бумагами и т.д. – само по себе является мотивом к заключению брачного договора. Представляется, что в аналогичном смысловом ключе будет складываться и нотариальная практика по поводу заключения брачных договоров, одним (или единственным) из условий которых будут выступать цифровые финансовые активы. Таким образом, цифровизация отечественной экономики, среди последствий которой возникновение новых видов имущественных прав, оказывает непосредственное воздействие на содержание брачного договора, одним из потенциальных условий которого могут стать положения о ЦФА.

Правовая природа цифровых финансовых активов

Позитивизация цифровых финансовых активов состоялась в результате принятия специального Федерального закона РФ от 31 июля 2020 г. № 259-ФЗ (далее – Закон № 259-ФЗ), которому предшествовала довольно длинная и сложная законотворческая работа, на что мы обращали внимание ранее¹⁷.

Трудно найти исследование цифровых финансовых активов, в котором не затронута проблематика их правовой природы. Модель цифровых финансовых активов, статуированная отечественным законодателем, приобрела правовой статус цифровых прав, которые, в свою очередь, заняли самостоя-

---

¹⁶ См. об этом подробнее: Глушкова Е. М. Завещание и брачный договор как инструменты снижения потенциальных рисков при наследовании бизнеса // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 11–18.

¹⁷ См.: Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 504–526.

тельное место в системе объектов гражданских прав. Стало быть, родовым признаком ЦФА выступают цифровые права, которые определены как «названные в таком качестве в законе обязательственные и иные права, содержание и условия осуществления которых определяются в соответствии с правилами информационной системы, отвечающей установленным законом признакам». Из этого нормативного положения следует вывод о том, что цифровые финансовые активы, в сущности, являются обязательственными и иными правами. В дополнение к процитированному положению пункта 1 статьи 141.1 Гражданского кодекса Российской Федерации¹⁸ стоит обратиться к анализу скорректированной редакции его же статьи 128. В этой норме права упомянуты цифровые права. При этом они заняли место в системе имущественных прав, что вполне согласуется с воспроизведенной ранее нормой пункта 1 статьи 141. Таким образом, цифровые финансовые активы – это новая разновидность имущественных прав, на которые распространяются нормы семейного законодательства о законном и договорном режиме имущества супругов.

Ранее в ином научном исследовании¹⁹ мы пришли к однозначному выводу о том, что ЦФА являются общим имуществом супругов, если нажиты ими в период брака, независимо от того, кто из супругов назван в информационной системе в качестве их обладателя. Этот общий вывод предопределил следующее умозаключение: цифровые финансовые активы, входящие в общее имущество супругов, отличаются обычным правовым режимом, характерным для имущества в целом: находятся в совместной собственности; на них распространяется презумпция согласия супруга на совершение сделки; подлежат разделу по требованию любого из супругов / по соглашению между ними / в случае заявления кредитором требования о разделе общего имущества; могут быть условием брачного договора и т.д.

---

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 14.04.2023).

¹⁹ См. об этом подробнее: Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы как общее имущество супругов // Байкальские чтения: актуальные вопросы цивилистики и международного частного права: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, 100-летию Верховного Суда Российской Федерации, 30-летию Совета судей Российской Федерации / науч. ред. С. В. Доржиева; отв. ред. Т. Б. Гнеушева, Р. А. Балдаева. Улан-Удэ, 2022. С. 70–76.

Особенности включения условия о цифровых финансовых активах в текст брачного договора

В научной литературе по семейному праву содержание брачного договора принято связывать с системой условий, на которых заключено соответствующее соглашение сторон²⁰. Не сомневаясь в гражданско-правовой договорной природе исследуемого соглашения, позволим себе акцентировать внимание исключительно на содержании условия о цифровых финансовых активах.

В первую очередь отметим, что содержанию брачного договора посвящена статья 42 Семейного кодекса Российской Федерации²¹, которая, на наш взгляд, отличается «рамочным» характером, то есть содержит предписания максимально общего характера: очевидно, что ими не исчерпываются положения брачного договора. В действительности условия брачного договора формулируются сторонами весьма индивидуально, что предопределило мотивацией к его заключению. Так, в одном из своих исследований²² мы уже обращали внимание на то, что распространенной практикой стало заключение брачного договора по требованию банка в связи с желанием супругов получить одобрение на ипотечное кредитование. При этом установлено, что детерминантой соответствующего требования банка выступает неблагоприятный статус кредитной истории одного из супругов, препятствующий рассмотрению их в качестве созаемщиков. Особенность брачного договора, заключенного по указанному мотиву, состоит в том, что его содержание исчерпывается условием о приобретении конкретного недвижимого имущества в раздельную собственность (личную собственность одного из супругов, имеющего благоприятный кредитный статус). Из этого мы заключили, что стороны, вступая в договорные отношения в обозначенных условиях, нередко не осознают действительных правовых последствий заключения брачного договора, поскольку их действия детерминированы желанием получить ипотечное кредитование. Нами было сделано предположение, что вероятной причиной устойчивого роста числа заключенных брачных догово-

²⁰ См., например: Низамиева О. Н., Сакуллин Р. А. Брачный договор: актуальные проблемы формирования содержания // Юрист. 2006. № 12. С. 8–14.

²¹ Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон РФ от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. (ред. от 28.04.2023).

²² Ладыгина В. П. Неблагоприятная кредитная история как мотив к заключению брачного договора: анализ правоприменительной практики // Ex jure. 2022. № 4. С. 42–56.

ров вполне может быть описанная ситуация с ипотечным кредитованием в условиях роста спроса на ипотечные банковские продукты.

Итак, возвращаясь к содержанию брачного договора, отметим, что это соглашение отличается яркой направленностью на защиту имущественных интересов каждого из супружей. Законодатель не делает никаких ограничений по содержанию брачного договора, если условия последнего носят имущественный характер. Единственным исключением из этого общего правила является следующее императивное предписание, наполненное оценочными понятиями: «Брачный договор... не может содержать... условия, которые ставят одного из супружей в крайне неблагоприятное положение или противоречат основным началам семейного законодательства» (п. 3 ст. 42 СК РФ). Неудивительно, что именно это императивное требование является эпицентром научных дискуссий и правоприменительных разногласий.

Предлагаем осуществить более детальный анализ содержания «стандартного» брачного договора на предмет его актуальности применительно к урегулированию имущественных прав и обязанностей супружей по поводу цифровых финансовых активов.

Согласно пункту 1 статьи 42 Семейного кодекса РФ содержание брачного договора может включать условие об установлении конкретного режима собственности на имущество супружей. Здесь следует сделать ряд замечаний: во-первых, законодатель предлагает три режима на выбор: совместная, долевая, раздельная собственность; во-вторых, выбранный режим может касаться либо всего имущества, либо его отдельных видов, либо имущества каждого из супружей; в-третьих, брачный договор может быть заключен в отношении не только имеющегося, но и будущего имущества. Так, стороны брачного договора вправе предусмотреть конкретный режим собственности в отношении цифровых финансовых активов (например, режим раздельной собственности). Таким образом, исходя из проанализированного положения брачного договора, можно констатировать «режимное» функциональное предназначение брачного договора. Этот вывод актуален как для имущества в целом, так и для такого его вида, как цифровые финансовые активы, в частности. Примечательно, что правоприменительной практике известны многочисленные случаи обхода императивного предписания семейного законодательства о допустимости изменения законного режима собственности супружей только путем заключения брачного договора. Речь идет о широко распространенных ситуациях приобретения супругами объектов недвижимо-

сти в общую долевую собственность по договорам купли-продажи, совершенным в простой письменной форме²³.

В абзаце 3 пункта 1 статьи 42 Семейного кодекса РФ отмечается, что брачный договор может быть направлен на урегулирование имущественных правоотношений сторон в период после расторжения брака. В этом проявляется еще одно функциональное предназначение брачного договора – бракоразводное согласование имущественных интересов. Очевидно, что условием брачного договора может быть передача конкретных цифровых финансовых активов каждому из супругов в случае расторжения брака.

С учетом того, что права и обязанности, предусмотренные брачным договором, могут ограничиваться определенными сроками или ставиться в зависимость от наступления или ненаступления определенных условий, положением брачного договора может быть правило о том, что до определенного времени (например, достижения общими детьми совершеннолетия) цифровые финансовые активы, приобретенные в период нахождения в браке, поступают в совместную собственность супругов, а после этого – в раздельную.

Независимо от того, какие конкретно правила, касающиеся ЦФА, стороны брачного договора решили предусмотреть, принципиально важным является конкретизация соответствующего условия в договоре, его юридическая формулировка. На наш взгляд, существенная специфика цифровых финансовых активов как имущественных прав, осуществление которых определяется в соответствии с правилами информационной системы, предопределяет важность включения конкретных сведений в текст брачного договора. Ранее мы обращали внимание на то, что наследование цифровых прав отличается следующими особенностями: 1) требует доступа в информационную систему с помощью логинов, паролей, кодов; 2) дифференцируется по виду цифрового права; 3) зависит от специфики правового режима каждого вида цифрового права²⁴. Понятно, что наследственные правоотношения существенно отличаются от тех, которые возникают в связи с участием в брачном договоре. Однако корректная формулировка условия брачного договора, касающегося цифровых финансовых активов, позволяет учесть инте-

---

²³ См. об этом подробнее: Чашкова С. Ю. Основания и порядок возникновения режима общей долевой собственности у супружеского: диссонанс правового регулирования и судебной практики // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 17–21.

²⁴ См.: Захаркина А. В. Наследование цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале непубличного акционерного общества // Нотариальный вестник. 2022. № 12. С. 15–26.

ресы конкретной стороны брачного договора, избежать юридических конфликтов в будущем, а также обеспечить охрану интересов третьих лиц, которые связаны с ЦФА. Рассуждая далее, мы можем сформулировать еще более общий вывод о том, что правильная конкретизация условия брачного договора о ЦФА способствует стабилизации гражданского оборота и беспрепятственному осуществлению гражданских прав и обязанностей его участниками.

Корректность соответствующей формулировки, о которой шла речь выше, во многом предопределена особенностями индивидуализации цифровых финансовых активов. Здесь важно остановиться на том, как осуществляется оборот ЦФА. В пункте 2 статьи 1 Закона № 259-ФЗ содержится легальная дефиниция термина «цифровые финансовые активы». В ней законодатель весьма лаконично определяет ЦФА через цифровые права, а затем конкретизирует вариативность их содержания. При этом независимо от конкретного содержания цифровых финансовых активов для них одинаково характерны следующие видовые признаки, отмеченные в пункте 2 статьи 1 Закона № 259-ФЗ: 1) юридическая судьба цифровых финансовых активов обусловлена решением об их выпуске, без которого их существование в гражданском обороте не представляется возможным; 2) юридическая «жизнь» цифровых финансовых активов (то есть их выпуск, учет и обращение) осуществляется путем внесения записей в информационную систему. Из воспроизведенных правил можно констатировать, что конкретизация условия брачного договора о цифровых финансовых активах не представляется возможной без указания конкретной информационной системы, в рамках которой эти ЦФА обращаются. Разумеется, этот вывод неактуален для тех случаев, когда стороны брачного договора установили конкретный режим собственности на все имущество без уточнения его видов: в такой ситуации информационная система в целом не имеет значения, поскольку судьба любых ЦФА, независимо от вида информационной системы, будет подлежать соответствующему правовому режиму, избранному сторонами брачного соглашения. Кроме того, сказанное справедливо и для тех брачных договоров, в которых условие о цифровых финансовых активах сформулировано применительно к цифровым финансовым активам в целом.

Поскольку ЦФА обращаются в рамках конкретной информационной системы, постольку осуществление имущественных прав в отношении них невозможно без доступа в соответствующую информационную систему. Как известно, цифровой образ участника любой информационной системы кон-

центрируется в том, что определяется как «пользовательский аккаунт», «личный кабинет» или «профиль» (что, в сущности, представляет собой идентичные явления). Доступ к пользовательскому аккаунту предполагает соответствующую процедуру идентификации и аутентификации, что обеспечивает защиту персональных данных и безопасность цифровых финансовых активов. Закон № 259-ФЗ не содержит подробных указаний по поводу особенностей функционирования информационных систем. Вместе с тем интересно, что подобные правила содержатся в «Мерах защиты информации в государственных информационных системах», утвержденном Федеральной службой по техническому и экспортному контролю России 11 февраля 2014 г.²⁵ Далее предлагаем цитату из указанного акта: «Пользователи информационной системы должны однозначно идентифицироваться и аутентифицироваться для всех видов доступа, кроме тех видов доступа, которые определяются как действия, разрешенные до идентификации и аутентификации в соответствии с мерой защиты информации УПД.11. Аутентификация пользователя осуществляется с использованием паролей, аппаратных средств, биометрических характеристик, иных средств или в случае многофакторной (двухфакторной) аутентификации – определенной комбинации указанных средств. В информационной системе должна быть обеспечена возможность однозначного сопоставления идентификатора пользователя с запускаемыми от его имени процессами». Возвращаясь к тематике настоящего исследования, заметим, что неотъемлемым условием обращения цифровых финансовых активов является обладание аутентификационной информацией в виде паролей, биометрических характеристик или иных средств. Поэтому условиями брачного договора может быть урегулирован и порядок предоставления аутентификационной информации от одного супруга другому, в том числе при наступлении определенных условий (например, на случай расторжения брака).

В условиях цифровой экономики принципиально меняется правозащитная функция отечественного нотариата. Это можно продемонстрировать на примере цифровых финансовых активов. Известно, что роль нотариуса в процедуре удостоверения брачного договора не ограничивается непосредственно удостоверением. В большинстве случаев нотариус оказывает юридическую услугу по составлению проекта брачного договора, что предопреде-

---

²⁵ Меры защиты информации в государственных информационных системах: метод. документ: утв. ФСТЭК России 11 февр. 2014 г. URL: <http://fstec.ru/en/component/content/article/114-tehnicheskaya-zashchita-informatsii/dokumenty/spetsialnye-normativnye-dokumenty/805-metodicheskiy-dokument>.

ляет необходимость выяснения действительных намерений сторон по поводу тех или иных условий, желаемых к отражению в тексте договора. В рамках предусмотренных законом полномочий нотариус разъясняет сторонам сделки их права, обязанности и юридические последствия совершающего нотариального действия. Это требует высокого уровня правовой грамотности и правовой культуры нотариуса. Следовательно, нотариус должен быть осведомлен и о том, что такое ЦФА и как их корректно отразить в тексте брачного договора.

Выводы как основа дальнейших научных изысканий

Очевидно, что тематика новых положений брачного договора, обусловленных цифровыми правами в целом, заслуживает обстоятельного доктринального анализа, учитывающего складывающуюся нотариальную и правоиспользовательную практику. В рамках настоящего научного изыскания предпринята первая попытка акцентуации внимания на том, что цифровые финансовые активы могут быть самостоятельным положением брачного договора, что должно быть учтено как потенциальными сторонами брачного договора, так и нотариусами. Итогом рассуждений стали некоторые выводы, обладающие признаками научной новизны.

Подчеркнуто, что цифровизация отечественной экономики, среди последствий которой возникновение новых видов имущественных прав, оказывает непосредственное воздействие на содержание брачного договора, одним из потенциальных условий которого могут стать положения о цифровых финансовых активах.

Констатировано, что цифровые финансовые активы позиционируются как инвестиционные инструменты, что предполагает их значительную имущественную ценность. Это детерминирует потенциальный риск возникновения семейно-правовых юридических конфликтов, предметом которых выступают ЦФА, если последние не были подвергнуты договорному порядку регулирования.

Дополнительно разъяснено, что содержание брачного договора может включать конкретный режим собственности в отношении цифровых финансовых активов (например, режим раздельной собственности); порядок передачи конкретных ЦФА каждому из супругов в случае расторжения брака; порядок предоставления аутентификационной информации от одного супруга другому, в том числе при наступлении определенных условий (например, на случай расторжения брака) и др.

Отмечено, что в условиях цифровой экономики принципиально меняется правозащитная роль отечественного нотариата: он выступает гарантом эффективной договорной регуляции правоотношений сторон брачного договора, обусловленных цифровыми правами.

Библиографический список

Альбиков И. Р. Роль и значение брачного договора в правозащитной деятельности нотариата // Нотариус. 2017. № 5. С. 43–45.

Брагинский М. И., Витрянский В. В. Договорное право. Кн. 1: Общие положения. М.: Статут, 1998.

Глушкова Е. М. Завещание и брачный договор как инструменты снижения потенциальных рисков при наследовании бизнеса // Нотариальный вестник. 2022. № 8. С. 11–18.

Дякиев А. Неблагоприятные положения брачного договора // ЭЖ-Юрист. 2016. № 42. С. 10.

Захаркина А. В. Наследование цифровых финансовых активов, удостоверяющих права участия в капитале непубличного акционерного общества // Нотариальный вестник. 2022. № 12. С. 15–26.

Захаркина А. В. Основы цивилистической теории цифровых финансовых активов // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. № 57. С. 504–526. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-504-526.

Захаркина А. В. Цифровые финансовые активы как общее имущество супружей // Байкальские чтения: актуальные вопросы цивилистики и международного частного права: материалы Междунар. науч.-практ. конф., посвящ. 90-летию Бурятского государственного университета имени Доржи Банзарова, 100-летию Верховного Суда Российской Федерации, 30-летию Совета судей Российской Федерации / науч. ред. С. В. Доржиева; отв. ред. Т. Б. Гнеушева, Р. А. Балдаева. Улан-Удэ, 2022. С. 70–76.

Имансу А. С. Брачный договор как способ защиты прав женщин и детей // Нотариус. 2016. № 1. С. 16–18.

Ладыгина В. П. Неблагоприятная кредитная история как мотив к заключению брачного договора: анализ правоприменительной практики // Ex jure. 2022. № 4. С. 42–56. DOI: 10.17072/2619-0648-2022-4-42-56.

Максимович Л. Б. Брачный договор в российском праве. М.: Ось-89, 2003.

Мыскин А. В. Брачный договор: гражданско-правовой договор или договор особого рода? // Гражданское право. 2006. № 2. С. 33–37.

Мыскин А. В. Договорный режим имущества супружей как элемент содержания брачного договора // Юрист. 2006. № 3. С. 47–51.

Низамиева О. Н. Договорное регулирование имущественных отношений в семье. Казань: Таглиммат, 2005.

Низамиева О. Н., Сакулин Р. А. Брачный договор: актуальные проблемы формирования содержания // Юрист. 2006. № 12. С. 8–14.

Побережный С. Г. Нотариально удостоверенный брачный договор как вид нотариального акта и доказательственная презумпция при защите прав супругов // Нотариус. 2018. № 5. С. 29–35.

Степанян Ш. У. Брачный договор как регулятор имущественных отношений супругов в российском обществе // Семейное и жилищное право. 2006. № 2. С. 35–40.

Чашкова С. Ю. Основания и порядок возникновения режима общей долевой собственности у супругов: диссонанс правового регулирования и судебной практики // Семейное и жилищное право. 2022. № 4. С. 17–21.

Черепанова О. С. Крайне неблагоприятное положение супруга как основание признания брачного договора недействительным // Нотариус. 2022. № 1. С. 24–27.

Шершень Т. В. Брачный договор как регулятор семейных отношений в России и Республике Беларусь // Семейное и жилищное право. 2007. № 3. С. 2–7.

Шляпникова Д. М. Актуальные вопросы заключения брачного договора, осложненного иностранным элементом // Нотариальный вестник. 2022. № 11. С. 39–47.

Информация для цитирования

Захаркина А. В., Ладыгина В. П. Цифровые финансовые активы как новое положение брачного договора // Ex jure. 2023. № 3. С. 67–83. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-67-83.

Zakharkina A. V., Ladygina V. P. Digital Financial Assets as a New Provision Of the Marriage Contract. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 67–83. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-67-83.

УДК 347.1:340.111
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-84-98

ТРЕБОВАНИЯ ДОБРОСОВЕСТНОСТИ, РАЗУМНОСТИ И СПРАВЕДЛИВОСТИ КАК ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВЫЕ АКСИОМЫ

Е. Г. Комиссарова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Тюменский государственный университет
625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 6
E-mail: eg-komissarova@yandex.ru

О. А. Кузнецова

Доктор юридических наук, профессор,
профессор кафедры предпринимательского права,
гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Профессор кафедры гражданско-правовых дисциплин
Пермский институт ФСИН России
614012, Россия, г. Пермь, ул. Карпинского, 125
E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.ru

© Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А., 2023

Аннотация: статья посвящена анализу правовой природы требований добросовестности, разумности и справедливости, предусмотренных в пункте 2 статьи 6 Гражданского кодекса Российской Федерации для преодоления пробелов права. Установлена необходимость рассмотрения этих требований с метатеоретических методологических позиций, позволяющих охватить разные аспекты их сущности. Требования добросовестности, разумности и справедливости проявляются в гражданском праве как духовно-нравственные основы, принципы, презумпции, правовые нормы, юридические обязанности, критерий толкования правовых норм. Многообразие смысловых оттенков и функций этих требований, а также их тесная связь с моралью и нравственностью, элементарный характер и очевидность позволяют квалифицировать их как гражданско-правовые аксиомы.

Ключевые слова: добросовестность; разумность; справедливость; принципы гражданского права; правовые аксиомы

THE REQUIREMENTS OF GOOD FAITH, REASONABLENESS AND FAIRNESS AS CIVIL LAW AXIOMS

E. G. Komissarova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Tyumen State University
6, Volodarskogo st., Tyumen, 625000, Russia

E-mail: eg-komissarova@yandex.ru

O. A. Kuznetsova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

Perm Institute of the Federal Penal Service of Russia
125, Karpinskogo st., Perm, 614012, Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Abstract: the article is devoted to the analysis of the legal nature of the requirements of good faith, reasonableness and fairness provided for in paragraph 2 of article 6 of the Civil Code of the Russian Federation to overcome gaps in law. The necessity of considering these requirements from meta-

theoretical methodological positions that allow covering various aspects of their essence is established. The requirements of good faith, reasonableness and fairness manifest themselves in civil law as: spiritual and moral foundations, principles, presumptions, legal norms, legal obligations, the criterion for interpreting legal norms. The variety of semantic shades and functions of these requirements, as well as their close connection with morality, their elementary nature and obviousness, allow us to qualify them as civil law axioms.

Keywords: *good faith; reasonableness; fairness; principles of civil law; legal axioms*

Этико-правовые категории добросовестности, разумности и справедливости кажутся присущими самой материи права, характеризуют его цель, ценность и назначение. В связи с этим они постоянно находятся в фокусе внимания представителей как теории права, так и отраслевых юридических наук. Однако наибольший вклад в разработку указанных правовых понятий сделан, безусловно, юристами, которые небезосновательно возводят добросовестность, разумность и справедливость в ранг идей, определяющих сущность права частного как в объективном, так и в субъективном смысле. Количество юридических исследований, посвященных отдельным аспектам добросовестности, разумности и справедливости, невероятно велико. Правоприменительные акты, в которых в том или ином контексте присутствуют ссылки на добросовестность, разумность и справедливость, исчисляются тысячами.

При этом на метатеоретическом юридическом уровне эти категории продолжают оставаться относительно непознанными, предопределяя постановку важных доктринальных и практических вопросов. Что представляют собой требования добросовестности, разумности и справедливости с точки зрения общих положений теории гражданского права? Какова их правовая природа и место в системе источников права? Это требования, принципы, презумпции, правовые идеи, стандарты, юридические максимы, герменевтические инструменты юридической техники, субъективные юридические обязанности или что-то иное? Существует ли понятие, способное вместить все существенное и содержательное богатство этих многоаспектных категорий, которым приписано качество «категорий с изменяемой геометрией»?

В соответствии с пунктом 2 статьи 6 Гражданского кодекса Российской Федерации¹ (далее – ГК РФ) при невозможности использования аналогии за-

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 14.04.2023).

кона правá и обязанности сторон определяются исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости. Из буквального толкования указанного правоположения следует, что, во-первых, требования добросовестности, разумности и справедливости применяются при пробелах в праве (и при невозможности применения аналогии закона); во-вторых, они отличны от аналогии права, то есть не отнесены законодателем к «общим началам и смыслу гражданского законодательства», а следовательно, и к принципам (основным началам) гражданского права. Заметим, что законодательное ограничение принципов права от требований добросовестности, разумности и справедливости хорошо видно в статье 5 Семейного кодекса Российской Федерации² (далее – СК РФ), которая устанавливает, что при отсутствии норм, подлежащих применению по аналогии закона, «права и обязанности членов семьи определяются исходя из общих начал и принципов семейного или гражданского права (аналогия права), а также принципов гуманности, разумности и справедливости». В связи с этим возникает вопрос о правовой природе и назначении требований добросовестности, разумности и справедливости.

В цивилистической доктрине сложилось несколько подходов к оценке этих гражданско-правовых феноменов.

Во-первых, многие ученые эти требования смело относят к числу принципов права, избегая при этом какой-либо дополнительной аргументации такого вывода³. Отмечается, что в пункте 2 статьи 6 ГК РФ принцип добросовестности легитимируется⁴ и что в этой статье речь идет о добросовестности, разумности и справедливости именно как о принципах права⁵. Эти требования исследователи объединяют в единый «принцип добросовестности, разумности и справедливости»⁶. В русле такого подхода высказывались и суды. Высший Арбитражный Суд РФ (далее – ВАС РФ) еще в 2011 году квалифицировал разумность и добросовестность как «основополагающие частноправовые принципы»⁷.

---

² Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. (ред. от 28.04.2023).

³ Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология. М.: Статут, 2022. С. 532–535.

⁴ Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019. С. 237.

⁵ Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития / [Е. Е. Богданова и др.]; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016. С. 7–37.

⁶ Позднышева Е. В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора. М.: ИЗИСП, 2018. С. 25.

⁷ Обзор судебной практики разрешения споров, связанных с применением положений Гражданского кодекса Российской Федерации о кредитном договоре: информационное письмо

Во-вторых, требования добросовестности, разумности и справедливости не квалифицируют как самостоятельные феномены, а оцениваются как условия применения аналогии права, некий дополнительный инструмент для применения принципов права по аналогии⁸. К примеру, отмечается, что «принцип справедливости прямо закреплен в гражданском законодательстве, в пункте 2 статьи 6 ГК РФ, как требование к применению аналогии права»⁹. В. В. Кулаков пишет, что добросовестность, разумность и справедливость являются характеристиками поведения, «которые законодатель требует учитывать при применении аналогии права»¹⁰. Эти требования называют также критериями применения аналогии права¹¹.

В-третьих, добросовестность, разумность и справедливость выделяют наряду с основными началами гражданского законодательства, закрепленными в статье 1 ГК РФ, называя их духовно-этическими принципами¹².

В-четвертых, добросовестность, разумность и справедливость описывают исключительно как оценочные понятия гражданского права¹³. В связи с этим пункт 2 статьи 6 ГК РФ назван в литературе дискреционной нормой права, поскольку интерпретация добросовестности, разумности и справедливости «оставлена законодателем на усмотрение субъекта правоприменения»¹⁴.

В-пятых, требования добросовестности, разумности и справедливости прямо ограничиваются от принципов права. Б. А. Булаевский пишет, что эти требования выступают «определенным “надсистемным” явлением, к которому наряду с аналогией права можно прибегать при пробельности действующего законодательства»¹⁵. В другом источнике добросовестность, разум-

---

Президиума Высшего Арбитражного Суда Российской Федерации от 13 сент. 2011 г. № 147 // Вестник ВАС РФ. 2011. № 11. С. 134–136.

⁸ Ситдикова Р. И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М. Ю. Челышев. М.: Статут, 2013. С. 89.

⁹ Томтосов А. А. Цена гражданско-правового договора. М.: Юстицинформ, 2023. С. 208.

¹⁰ Кулаков В. В. Обязательственное право: учеб. пособие. М.: РГУП, 2016. С. 94.

¹¹ Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений / А. В. Габов, Е. Е. Никитина, С. А. Синицын и др.; отв. ред. А. В. Габов. М.: ИЗиСП: Юриспруденция, 2016. С. 190–206.

¹² Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / [С. С. Алексеев и др.]; под ред. С. А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009. С. 45.

¹³ Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах: учеб. пособие. М.: Статут, 2015; Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010.

¹⁴ Нормы права: теоретико-правовое исследование / Т. В. Губаева, Л. А. Гумеров, А. В. Краснов и др.; отв. ред. Т. В. Губаева, А. В. Краснов. М.: РАП, 2014. С. 73–85.

¹⁵ Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М.: ИНФРА-М, 2013. С. 86.

ность и справедливость называются «концептуальными доминантами гражданско-правового регулирования», стоящими «в одном ряду с его основополагающими принципами – равенством участников гражданских правоотношений, неприкосновенностью собственности, свободой договора и др.»¹⁶.

Важно заметить, что и законодатель по-разному использует характеристики добросовестности, разумности и справедливости. Так, в статьях 308.3 и 393 ГК РФ упоминается *принцип* справедливости; в статье 1101, пункте 3 статьи 1252 ГК РФ – *требования* разумности и справедливости; в пункте 2 статьи 7 Жилищного кодекса РФ¹⁷ – *требования* добросовестности, гуманности, разумности и справедливости. Подчеркнем, что в СК РФ разумность и добросовестность определены именно как *принципы* права (ст. 5). Эти категории используются лингвистически и в иных юридико-технических контекстах. В частности, ГК РФ указывает на необходимость «справедливого распределения» (ст. 451), «справедливой компенсации» и «разумных мер» (ст. 65.2), «разумного ведения дел» (ст. 72, 76), «разумных сроков» (ст. 157.1, 183, 187), «разумных оснований» (ст. 376), «разумной степени достоверности» (ст. 393), «разумной цены» (ст. 397), на «обязанность действовать разумно и добросовестно» (ст. 53.1, 62, 123.20-7) и «право разумно рассчитывать» (ст. 363).

Многообразны и правоприменительные примеры использования *требований* добросовестности, разумности и справедливости при разрешении конкретных дел.

Прежде всего, эти требования, по мнению судов, представляют собой обязывающую норму. Если отсутствуют специальные правила к содержанию прав и обязанностей субъектов гражданских правоотношений, то последние должны осуществлять права и исполнять обязанности, сообразуясь с указанными требованиями. Одним из первых правоприменительных актов, подтверждающих данный вывод, стало Постановление Президиума ВАС РФ от 27 апреля 2010 г. № 67/10 по делу № А40 13353/09-158-149, в котором суд констатировал отсутствие специальных, предусмотренных законом правил, определяющих порядок созыва и проведения заседаний совета директоров акционерного общества, однако указал, что это обстоятельство «не исключает необходимости соблюдения требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ)» при принятии

---

¹⁶ Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011. С. 37.

¹⁷ Жилищный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 2004 г. № 188-ФЗ: принят Гос. Думой 22 дек. 2004 г.: одобрен Советом Федерации 24 дек. 2004 г. (ред. от 28.04.2023).

соответствующих локальных актов. В связи с этим трудно согласиться с высказанным в комментаторской литературе взглядом о том, что рассматриваемые требования установлены в отношении правоприменителя, а не участников гражданских правоотношений¹⁸.

Верховный Суд Российской Федерации (далее – ВС РФ) прямо указывает, что «обязанность действовать добросовестно является универсальным гражданско-правовым принципом, получившим свое отражение в нормах действующего права»¹⁹. ВАС РФ называл добросовестное и разумное исполнение гражданских обязанностей общими принципами гражданского права²⁰. Ссылаясь на пункт 2 статьи 6 ГК РФ, ВАС РФ подчеркнул, что «в гражданском обороте лица должны действовать добросовестно»²¹. Эта обязанность применима ко всем гражданским правоотношениям: «Как и в любых других гражданских правоотношениях, подрядчик при демонтаже конструкций должен действовать исходя из требований добросовестности и разумности (п. 2 ст. 6 ГК РФ)»²².

Требования добросовестности, разумности и справедливости используются судами и для оценки правомерности осуществления установленных законом гражданских прав и обязанностей. К примеру, неначисление финансовым управляющим мораторных процентов до утверждения плана реструктуризации квалифицировано ВС РФ как несогласующееся «с требованиями добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ)» и нарушающее «баланс интересов кредиторов и должника в процедуре несостоятельности»²³.

---

¹⁸ Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

¹⁹ Определения Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ: от 15 июля 2021 г. № 306-ЭС19-13670(6,7) по делу № А57-3954/2015; от 11 июля 2019 г. № 310-ЭС18-17700(2) по делу № А62-6145/2015.

²⁰ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 28 мая 2013 г. № 16246/12 по делу № А56-65460/2011.

²¹ Постановление Президиума Высшего Арбитражного Суда РФ от 21 февр. 2012 г. № 12499/11 по делу № А40-92042/10-110-789; Определение Высшего Арбитражного Суда РФ от 24 нояб. 2011 г. № ВАС-12499/11 по делу № А40-92042/10-110-789.

²² Постановление Арбитражного суда Уральского округа от 2 авг. 2022 г. № Ф09-4667/22 по делу № А60-42876/2021.

²³ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 14 февр. 2019 г. по делу № 304-ЭС17-2162(2), А03-767/2016. См. также: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 2 (2019): утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 17 июля 2019 г. Пункт 17 // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 2. С. 6–64.

Нередко суды используют требования добросовестности, разумности и справедливости как критерии для толкования неясных правовых норм. К примеру, в судебной практике возник вопрос о том, может ли требование кредитора об осуществлении первоначального исполнения в части основного долга быть включено в реестр кредиторов с учетом того, что такой кредитор не участвовал в формировании конкурсной массы. ВС РФ, отвечая на этот вопрос, отметил следующее: «Исходя из принципов добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) требования кредиторов об осуществлении первоначального предоставления в части основного долга должны удовлетворяться после требований как кредиторов третьей очереди, так и «опоздавших» кредиторов... но приоритетно перед лицами, получающими имущество должника по правилам пункта 1 статьи 148 Закона о банкротстве, пункта 8 статьи 63 ГК РФ»²⁴.

Требования добросовестности, разумности и справедливости применяются и при преодолении пробелов в гражданском праве. Одна из самых известных правовых позиций, сформулированных судом с учетом этих требований, содержалась в пункте 25 Постановления Пленума ВАС РФ от 17 февраля 2011 г. № 10 «О некоторых вопросах применения законодательства о залоге»: «Исходя из общих начал и смысла гражданского законодательства (аналогия права) и требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) не может быть обращено взыскание на заложенное движимое имущество, возмездно приобретенное у залогодателя лицом, которое не знало и не должно было знать о том, что приобретаемое им имущество является предметом залога». Это толкование до сих пор активно используется судами.

В рассмотренном примере мы видим, что суд сослался одновременно и на общие начала и смысл гражданского законодательства, и на требования добросовестности, разумности и справедливости. Однако для восполнения правовых пробелов суды ссылаются и только на указанные требования. Так, при ответе на вопрос, могут ли требования по сделкам участника как члена высшего органа управления общества быть включены в реестр кредиторов, была сформулирована следующая правовая позиция: «...в случае последующей неплатежеспособности (либо недостаточности имущества) должника ис-

²⁴ Определение Верховного Суда РФ от 5 окт. 2018 г. № 305-ЭС18-11840 по делу № А40-70992/2017. См. также: Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2019); утв. Президиумом Верховного Суда Рос. Федерации 24 апр. 2019 г. Пункт 15 // Бюллетьен Верховного Суда РФ. 2019. № 10. С. 41–42.

ходя из требований добросовестности, разумности и справедливости (п. 2 ст. 6 ГК РФ) на такого участника подлежит распределению риск банкротства контролируемого им лица, вызванного косвенным влиянием на неэффективное управление последним, посредством запрета в деле о несостоятельности противопоставлять свои требования требованиям иных (независимых) кредиторов»²⁵.

Таким образом, цивилистическая доктрина, гражданское законодательство и правоприменительная практика «используют» требования добросовестности, разумности и справедливости в разных смыслах и назначениях: как правовой принцип, как этический принцип, как норму-принцип, как принцип-идею, как инструмент толкования, как обязывающую правовую норму, как способ преодоления пробела. При этом каждая гражданско-правовая норма может и должна быть оценена через оптику требований добросовестности, разумности и справедливости.

На наш взгляд, многообразие смысловых оттенков и функций этих требований позволяет говорить о них как о гражданско-правовых аксиомах. Заметим, что в отношении добросовестности такое мнение уже высказано в литературе²⁶.

Необходимость введения в категориальный аппарат правоведения понятия правовых аксиом можно объяснить их философским генезисом²⁷. Будучи общепризнанными и самоочевидными истинами, они возникают и существуют в общественном сознании в качестве морально-этических постулатов, как само собой разумеющиеся требования к праву, которые разделяются всеми участниками общественных отношений и не нуждаются в политико-правовом обосновании или лоббировании. А. И. Экимов писал, что «по своему содержанию аксиомы – не что иное, как простые правила морали справедливости. В них отражается минимум условий, необходимых для совместной жизни людей»²⁸. В связи с этим нарушение правовых аксиом не только недопустимо, но и бесмысленно: их истинность и полезность очевидна каждому.

Председатель Конституционного Суда РФ В. Д. Зорькин, определяя смысл и роль конституционных положений, неоднократно говорил, что «над каждой нормой отраслевого законодательства витает животворящая право

²⁵ Определение Судебной коллегии по экономическим спорам Верховного Суда РФ от 6 июля 2017 г. № 308-ЭС17-1556(2) по делу № А32-19056/2014.

²⁶ Федин И. Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 21–30.

²⁷ См. об этом: Гроздилов С. В., Кабанов В. М. Философские основания аксиомы: историческая ретроспектива от Античности до Нового времени // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 145–155.

²⁸ Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Изд-во ЛГУ, 1984. С. 125.

конституционная норма, в каждой такой норме присутствует влияние норм и принципов конституционного права»²⁹. Точно так же над каждой нормой гражданского права «впитает» дух и «животворящая» сила требований добросовестности, разумности и справедливости и в каждой такой норме присутствует их влияние. Эти дух и сила имеют аксиоматический характер.

Учение о правовых аксиомах было разработано в советской теории права. Первоначально их определяли как не нуждающиеся в доказательствах исходные бесспорные постулаты правовой науки. Л. С. Явич писал, что аксиомы права – это элементарные истины, не требующие доказательств³⁰. Г. И. Манов обратил внимание, что они могут быть закреплены и в законодательстве, иметь нормативную природу и представляют собой «простейшие юридические суждения эмпирического уровня, сложившиеся в результате многовекового опыта социальных отношений и взаимодействия человека с окружающей средой»³¹. В постсоветский период А. В. Масленников, посвятивший аксиомам докторскую диссертацию, писал, что «аксиомы права – идеальные фрагменты правовой материи, представляющие собой “густки” юридического опыта, объективируемые в законодательстве и используемые в правотворчестве и правореализующей практике без оценки истинности»³².

Аксиомы права тесно связаны с принципами права: и те и другие направлены на достижение логики права. С. С. Алексеев писал, что правовые аксиомы находят свое выражение прежде всего в правовых принципах. К правовым принципам, которые могут быть квалифицированы как аксиомы, ученым относили следующие постулаты: никто не может быть судьей в собственном деле; закон, устанавливающий новую или более строгую ответственность, не имеет обратной силы; нельзя осуждать дважды за одно и то же правонарушение; лицо, привлекаемое к ответственности, признается невиновным до тех пор, пока вина не будет доказана и установлена компетентным органом³³.

Отождествление правовых аксиом и принципов неслучайно: и те и другие представляют собой общие руководящие положения, на которых осно-

²⁹ Цит. по: Гаджиев Г.А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 26.

³⁰ Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976. С. 160–161.

³¹ Манов Г. И. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29.

³² Масленников А. В. Правовые аксиомы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006. С. 7. См. также: Масленников А. В., Водяникова Е. В. Правовые аксиомы: содержание и сущность понятия // Вестник КРАГСиУ. Серия: Государство и право. 2013. № 16. С. 14.

³³ Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972. С. 111–112.

выивается все законодательство и правовая система в целом, поскольку они отражают наиболее важные социальные ценности.

Вместе с тем между ними есть и определенные различия. Правовые аксиомы в большей степени, чем принципы, связаны с моралью, нравственностью, общечеловеческими ценностями, поэтому «“аксиомы права” по своему содержанию независимы от расклада политических сил в стране, от идеологических и социальных факторов»³⁴. Правовые же принципы всегда отражают тип государства и соответствующего ему права, поэтому их количество, наименование и содержание во многом предопределяются политикой государства и должны быть им обоснованы. Правовые аксиомы в таком обосновании не нуждаются, их истинность бесспорна, доверие к ним разделяется и поддерживается общественным сознанием безусловно. Они «в силу своей простоты и ясности принимаются без доказательств»³⁵, «выражают общечеловеческое содержание права»³⁶, тогда как правовые принципы всегда могут быть предметом дискуссий. Поскольку правовые аксиомы принадлежат в большей степени к нравственности, чем к формальному праву, они старше принципов и сохраняют свое содержание и значимость в различных правовых типах, семьях и системах; их ценность проверена эмпирическим путем, многовековой исторической практикой взаимодействия людей. А. А. Ференс-Сороцкий прямо противопоставлял аксиомы и принципы права, считая, что последние отражают только исторический тип права и объективно изменяются вместе с ним³⁷.

Аксиомы права могут приобретать статус правового принципа. К примеру, требование добросовестного поведения прямо возведено законодателем в ранг принципа гражданского права (п. 3 ст. 1 ГК РФ). Полагаем, что нельзя ограничивать правовые аксиомы исключительно рамками норм права³⁸. Разумность и справедливость не получили статус нормы-принципа, но отнесение их к принципам-идеям более чем допустимо.

³⁴ Смирнова А. В. О соотношении понятий «принципы права», «аксиомы права» и «правовые презумпции» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 27.

³⁵ Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 5. С. 29.

³⁶ Воротников А. А., Баринов П. С. К вопросу о жизнеспособности правовых категорий и аксиом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 16.

³⁷ Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989. С. 13.

³⁸ См.: Васильев С. В., Старовойтова О. Э. Правовые аксиомы: понятие, виды и значение для практики. Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2020. С. 27.

Однако правовые аксиомы – это не только нормы-принципы или принципы-идеи. Есть принципы права, которые не являются правовыми аксиомами, так же как есть правовые аксиомы, не являющиеся принципами права. М. Л. Давыдова выделяет «“единичные”, “одиночные” аксиомы (“общеизвестные факты доказыванию не подлежат”). Эти аксиомы также могут закрепляться нормами нескольких отраслей, но, в силу своего элементарного характера, статус принципа права ни в одной из этих отраслей они не приобретают»³⁹. В гражданском праве к таким «одиночным» аксиомам могут быть отнесены, например, следующие: «обязательство не порождает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон»; «нарушение права должно влечь справедливую компенсацию»; «при отсутствии срока исполнения обязанность должна быть исполнена в разумный срок». Очевидно, что они подчиняются требованиям добросовестности, разумности и справедливости, как бы «произрастают» из них.

Важной характеристикой аксиом права является то, что они не нуждаются в толковании, не могут быть поставлены под сомнение правоприменителями. Как видно из судебной практики, требования добросовестности, разумности и справедливости применяются напрямую, без дополнительного разъяснения и толкования ввиду того, что это общепризнанные истины, понятные и доступные всем: «то, что недопустимо для одной стороны в силу требований добросовестности, разумности и справедливости, закрепленных в пункте 2 статьи 6 Гражданского кодекса РФ, недопустимо и в отношении другой стороны»⁴⁰.

Квалификация требований добросовестности, разумности и справедливости как правовых аксиом позволяет охватить различные аспекты их законотворческого и правоприменительного потенциала и практического использования. Как верно заметила М. Л. Давыдова, «универсальное, общечеловеческое признание могут получать различные по своей природе правовые явления: принципы, презумпции, институты, нормы, многие из которых несут в себе нравственный, гуманистический заряд»⁴¹.

Добросовестность, разумность и справедливость проявляются в гражданском праве и как принципы, и как презумпции, и как «одиночные» пра-

³⁹ Давыдова М. Л. Правовые аксиомы как средство юридической техники // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2007. № 6. С. 96.

⁴⁰ Апелляционное определение Московского городского суда от 24 июня 2022 г. по делу № 33-22930/2022.

⁴¹ Давыдова М. Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 204.

вовые нормы, и как юридические обязанности действовать соответствующим образом, и как критерий толкования правовых норм, и как духовно-нравственные основы права. При этом их сущность остается неизменной: это общечеловеческие общепризнанные нравственные ценности, полученные эмпирическим путем в процессе развития общества, взаимодействия людей, не вызывающие сомнений в их истинности и необходимости применения, не нуждающиеся в доказательстве обоснования их наличия в праве. Такие ценности априори очевидны для всех, именно поэтому они являются аксиомами.

Выполняя в гражданском праве аксиоматическую функцию, добросовестность, разумность и справедливость объективированы в позитивном праве, указывая на то, что оправданно, нормально, предпочтительно, но при этом сохраняют свое бытие и в необъективированной форме, в сфере правовых идей и моральных установок общества.

Но самое главное, «аксиомы... это своего рода “правила игры”. Если их изменить, то придется “играть” уже в другую игру. Сложившиеся аксиомы определяют лицо права, а в конечном счете характеризуют и его сущность. Они ставят границы поведению человека, заставляют его вести себя так, как это нужно обществу и ему самому как члену общества»⁴². Признавая добросовестность, разумность и справедливость правовыми аксиомами, мы получаем соответствующее этим требованиям «лицо» и гражданского законодательства, и цивилистической науки, и гражданско-правовых отношений.

Библиографический список

Алексеев С. С. Проблемы теории права: курс лекций: в 2 т. Т. 1. Свердловск: Изд-во Свердл. юрид. ин-та, 1972.

Булаевский Б. А. Презумпции как средства правовой охраны интересов участников гражданских правоотношений. М.: ИНФРА-М, 2013.

Васильев С. В., Старовойтова О. Э. Правовые аксиомы: понятие, виды и значение для практики. Псков: Изд-во Псков. гос. ун-та, 2020.

Воротников А. А., Баринов П. С. К вопросу о жизнеспособности правовых категорий и аксиом // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2015. № 6. С. 11–17.

Гаджиев Г. А. Новые конституционные ценности: концепция устойчивого экономического роста с точки зрения юридической капитализации // Журнал российского права. 2022. Т. 26, № 1. С. 16–28.

⁴² Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 60.

Гражданский кодекс Российской Федерации. Постатейный комментарий к главам 1–5 / под ред. Л. В. Санниковой. М.: Статут, 2015.

Гроздилов С. В., Кабанов В. М. Философские основания аксиомы: историческая ретроспектива от Античности до Нового времени // Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки. 2021. № 2. С. 145–155.

Давыдова М. Л. К вопросу о понятии правовых аксиом: теоретические и технико-юридические аспекты // Юридическая техника. 2007. № 1. С. 203–208.

Давыдова М. Л. Правовые аксиомы как средство юридической техники // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 9: Исследования молодых ученых. 2007. № 6. С. 93–98.

Договорное право России: реформирование, проблемы и тенденции развития / [Е. Е. Богданова и др.]; под общ. ред. Л. Ю. Василевской. М.: Норма: ИНФРА-М, 2016.

Комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации (учебно-практический). Части первая, вторая, третья, четвертая (постатейный) / [С. С. Алексеев и др.]; под ред. С. А. Степанова. М.: Проспект; Екатеринбург: Институт частного права, 2009.

Конкуренция в рыночной экономике: пределы свободы и ограничений / А. В. Габов, Е. Е. Никитина, С. А. Синицын и др.; отв. ред. А. В. Габов. М.: ИЗиСП: Юриспруденция, 2016.

Лукьяненко М. Ф. Оценочные понятия гражданского права: разумность, добросовестность, существенность. М.: Статут, 2010.

Манов Г. И. Аксиомы в советской теории права // Советское государство и право. 1986. № 9. С. 29–36.

Масленников А. В. Правовые аксиомы: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Владимир, 2006.

Масленников А. В., Водяникова Е. В. Правовые аксиомы: содержание и сущность понятия // Вестник КРАГСиУ. Серия: Государство и право. 2013. № 16. С. 10–14.

Нам К. В. Принцип добросовестности: развитие, система, проблемы теории и практики. М.: Статут, 2019.

Нормы права: теоретико-правовое исследование / Т. В. Губаева, Л. А. Гумеров, А. В. Краснов и др.; отв. ред. Т. В. Губаева, А. В. Краснов. М.: РАП, 2014.

Осипенко О. В. Корпоративная конфликтология. М.: Статут, 2022.

Позднышева Е. В. Расторжение и изменение гражданско-правового договора. М.: ИЗиСП, 2018.

Постатейный комментарий к Гражданскому кодексу Российской Федерации, части первой / под ред. П. В. Крашенинникова. М.: Статут, 2011.

Ситдикова Р. И. Обеспечение частных, общественных и публичных интересов авторским правом / науч. ред. М. Ю. Челышев. М.: Статут, 2013.

Смирнова А. В. О соотношении понятий «принципы права», «аксиомы права» и «правовые презумпции» // Право и государство: теория и практика. 2020. № 4. С. 25–29.

Томтосов А. А. Цена гражданско-правового договора. М.: Юстицинформ, 2023.

Федин И. Г. Добросовестность как правовая категория // Актуальные проблемы российского права. 2018. № 4. С. 21–30.

Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы в праве // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 1988. № 5. С. 27–31.

Ференс-Сороцкий А. А. Аксиомы и принципы гражданско-процессуального права: дис. ... канд. юрид. наук. Л., 1989.

Хохлов В. А. Общие положения об обязательствах: учеб. пособие. М.: Статут, 2015.

Экимов А. И. Интересы и право в социалистическом обществе. Л.: Издво ЛГУ, 1984.

Экимов А. И. Право в контексте справедливости: к методологии исследования // Известия высших учебных заведений. Правоведение. 2013. № 2. С. 51–61.

Явич Л. С. Общая теория права / под ред. А. И. Королева. Л.: Изд-во ЛГУ, 1976.

Информация для цитирования

Комиссарова Е. Г., Кузнецова О. А. Требования добросовестности, разумности и справедливости как гражданско-правовые аксиомы // *Ex jure*. 2023. № 3. С. 84–98. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-84-98.

Komissarova E. G., Kuznetsova O. A. The Requirements of Good Faith, Reasonableness and Fairness as Civil Law Axioms. *Ex jure*. 2023. № 3. Pp. 84–98. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-84-98.

УДК 347.626:347.736
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-99-107

ПРИЗНАНИЕ ОБЯЗАТЕЛЬСТВ СУПРУГОВ ОБЩИМИ В БАНКРОТСТВЕ

Н. А. Куркова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

Т. П. Строгонова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университета
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: stp4@mail.ru

Аннотация: статья посвящена спорным вопросам признания общими обязательств должника и его супруга в делах о банкротстве гражданина. Рассмотрено функционирование таких правовых конструкций отрасли семейного права, как имущественные отношения супружеских и их ответственность по обязательствам перед кредиторами в банкротстве гражданина. Сделан вывод о юридически значимых обстоятельствах, которые необходимо выяснять при

© Куркова Н. А., Строгонова Т. П., 2023

рассмотрении дел о признании обязательств общими. Выделен основной критерий, с которым связано такое признание: установление цели получения денежной суммы и того, были ли потрачены денежные средства на нужды семьи. Признано, что обязательства, вытекающие из договора поручительства, не являются общими, так как носят личный характер.

Ключевые слова: *банкротство гражданина; общие долги; общие обязательства супругов; нужды семьи; предпринимательская деятельность; кредиторы*

RECOGNITION OF OBLIGATIONS OF SPOUSES AS COMMON IN BANKRUPTCY

N. A. Kurkova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: grazhdanskoe.pravo@gmail.com

T. P. Strogonova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: stp4@mail.ru

Abstract: *the article is devoted to controversial issues of recognizing the obligations of the debtor and his spouse as common in cases of bankruptcy of a citizen. The article considers the functioning of such legal constructs of the branch of family law as property relations of spouses, as well as their liability for obligations to creditors in cases of bankruptcy of a citizen. The conclusion is made about legally significant circumstances that should be clarified when considering cases on recognizing obligations as common. Establishing the purpose of receiving the amount of money, as well as establishing whether the money was spent on the needs of the family are the main criterion with which such recognition is connected. Obligations arising from the guarantee agreement are not common, as they are of a personal nature.*

Keywords: *citizen bankruptcy, common debts, obligations of spouses, family needs, business activities, creditors*

Институт потребительского банкротства в настоящее время приобрел особую актуальность и востребованность. Сложная экономическая ситуация в стране привела к большому росту в арбитражных судах дел о признании граждан банкротами. По данным Статистического бюллетеня Федресурса по банкротству за 2022 год¹, наблюдается следующая динамика роста количества всех процедур в отношении граждан.

Процедуры	Кол-во процедур за год			
	2019	2020	2021	2022
Признание гражданина банкротом и введение реализации имущества гражданина	68 980	119 045	198 833	278 137
Признание обоснованным заявления о признании гражданина банкротом и введение реструктуризации его долгов	15 768	24 292	33 860	42 415
Утверждение плана реструктуризации долгов гражданина	204	209	329	461

Разрешая дела о признании физического лица банкротом, суды оперируют не только нормами банкротного законодательства, но и используют межотраслевое правоприменение, в частности, семейно-правовые предписания об имущественных правах и обязанностях супругов и их гражданско-правовой ответственности перед кредиторами. Это вызвано тем обстоятельством, что процедуры и правовые последствия банкротства нередко существенным образом влияют на права супруга лица, являющегося должником в деле о банкротстве. В литературе справедливо замечено, что проблемам совместного имущества и обязательств супругов принадлежат «лавры самого увлекательного сюжета в процедуре банкротства гражданина»².

Как следует из пункта 7 статьи 213.26 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)» (далее – Закон о банкротстве) в рамках дела о банкротстве гражданина реализуется и имущество, которое находится в общей совместной собственности с его супругом или бывшим супругом. При реализации такого имущества определяется доля

¹ Статистический бюллетень Федресурса по банкротству на 31 декабря 2022 г. URL: <https://download.fedresurs.ru/news/Статистический%20бюллетень%20Федресурс%20банкротство%202022.pdf>.

² Олевинский Э. Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан – коротко о важном // Закон. 2015. № 12. С. 55.

в праве собственности супруга-должника и соответствующая этой доле часть средств включается в конкурсную массу, другая часть передается его супругу. При наличии у супружеских общин обязательств сначала производятся выплаты за счет денег супруга и уже затем супругу выплачивается причитающаяся ему часть выручки. Это обстоятельство обуславливает необходимость включения общинных супружеских обязательств в реестр требований кредиторов в деле о банкротстве одного из супружеских пар.

В делах о банкротстве граждан, состоящих в браке, кредиторы крайне заинтересованы в формировании конкурсной массы не только за счет личного имущества должника, но и за счет общего имущества супружеских пар при пополнении конкурсной массы и имущества второго супруга, если обязательство (долг) является общим или полученное по обязательству использовалось на нужды семьи (п. 2 ст. 45 Семейного кодекса Российской Федерации³ (далее – Семейный кодекс РФ, СК РФ). В связи с этим в делах о банкротстве одного из супружеских пар существенное значение имеет характер и целевая природа долга.

Общеизвестно, что в сфере несостоятельности и банкротства происходит существенная модификация функционирования юридических конструкций, используемых в смежных отраслях права. Такая модификация функционирования юридической конструкции общей совместной собственности супружеских пар в делах о несостоятельности одного из супружеских пар обусловлена преимущественно «прокредиторской» направленностью законодательства о банкротстве.

Об этом свидетельствует содержание пункта 7 статьи 213.26 Закона о банкротстве, которое ставит в явно невыгодное положение супруга, не являющегося банкротом. Если в процессе банкротства супруги произвели раздел имущества в судебном порядке, то финансовый управляющий фактически производит реализацию всего общего имущества супружеских пар, а не только того, которое соответствует доле супруга-должника. При этом у финансового управляющего возникает обязанность выплатить супругу должника оставшиеся средства после включения в конкурсную массу часть от реализации общего имущества супружеских пар, причитающуюся супругу-должнику.

Семейным законодательством дефинировано понятие общего долга супружеской пары (если в обязательстве принимали участие оба супруга или полученное супружеским парой по обязательству было использовано на нужды семьи) и определено, что такой долг погашается за счет имущества супружеских пар.

---

³ Семейный кодекс Российской Федерации: Федеральный закон от 29 декабря 1995 г. № 223-ФЗ (ред. от 28.04.2023).

Такой подход практически единообразно воспринят и судебной практикой. Так, Верховный Суд Российской Федерации указал, что для возникновения у супругов солидарной обязанности по возврату суммы займа обязательство должно быть квалифицировано как общее, а именно: «возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи ... в случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обязательств, вытекающих из пункта 2 статьи 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долей»⁴.

Практическим следствием этого подхода является то, что кредитор по долговому обязательству может обратить взыскание на общее супружеское имущество, а при его недостаточности – на личное имущество каждого из супругов. Как следует из указанной правовой позиции Верховного Суда Российской Федерации, для такого обращения взыскания на общее и личное имущество кредитор должен предварительно опровергнуть презумпцию «необщности» долга при участии в обязательстве только одного супруга.

Занимая «прокредиторскую» позицию, многие сторонники этих идей предлагают для упрощения взыскания кредиторами долга с гражданина-банкрота легализовать презумпцию общности любых обязательств, возникших в период брака, независимо от участия в них одного или обоих супругов. С такой позицией довольно сложно согласиться, поскольку подобное упрощение приведет к полному пересмотру института общей собственности супругов и создаст угрозу существенного ущемления прав другого супруга, не являющегося банкротом. Не все юридически значимые действия, совершенные супругами в браке и влекущие возникновение гражданско-правовых обязательств, происходят по инициативе обоих супругов и в интересах семьи. Гражданин, имея правовой статус супруга, не теряет самостоятельной правосубъектности.

В соответствии со сложившимися в судебной практике подходами в семейно-правовой доктрине сформировался взгляд на общий долг супругов как на гражданско-правовое обязательство, направленное на удовлетворе-

⁴ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда Российской Федерации от 3 марта 2015 г. № 5-КГ14-162; Обзор судебной практики Верховного Суда РФ № 1 (2016) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 13.04.2016) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2016. № 11. С. 29.

ние общих семейных потребностей и нужд, в котором могут участвовать на стороне должника как оба супруга, так и один из них⁵.

Соответственно, можно выделить два вида общих долгов супружеских.

Во-первых, это обязательства, которые возникают из одного правового основания и в которых на стороне должника одновременно участвуют оба супруга. Здесь возможна любая множественность на стороне должника: супруги вместе могут выступать как покупатели, заемщики, арендаторы и т.д. Общий долг супружеских может возникнуть и из внедоговорного обязательства, в котором они являются соучастниками на стороне должника. Поэтому общими для супружеских могут быть обязательства из совместного причинения вреда супружескими или их детьми, а также из неосновательного обогащения (приобретения или сбережения) обоими супружескими имущества за счет другого лица⁶.

Во-вторых, это обязательства, в которых хотя и участвовал только один из супружеских в качестве должника, но всё полученное по нему было направлено на удовлетворение потребностей (нужд) семьи. В семейно-правовой теории и правоприменительной практике сформировался достаточно устойчивый взгляд на понимание таких семейных нужд: «по общему правилу под семейными нуждами понимаются расходы, направленные на удовлетворение личных, семейных, домашних и иных нужд, не связанных с осуществлением предпринимательской деятельности. В частности, они могут быть направлены на обеспечение потребностей как семьи в целом, например расходы на питание, оплату жилья, коммунальные услуги, организацию отдыха, так и на каждого из ее членов, например расходы на обучение и содержание детей, оплату обучения одного из супружеских, медицинское обслуживание членов семьи. Таким образом, расходы, связанные с предпринимательской деятельностью, не отвечают критерию использования на нужды семьи, при этом неважно, ведут ли супружеские такие деятельность совместно или же предпринимателем является лишь один из них. Соответственно, в каждом случае необходимо выяснить, получила ли семья какую-то выгоду от этого обязательства»⁷.

---

⁵ Косова О. Ю. Общие долги супружеских: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 18.

⁶ Ломакина П. А. Совместные обязательства супружеских. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 146.

⁷ Постановление Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 21 апр. 2022 г. № 17АП-6986/2020(12)-АК по делу № А60-62896/2019.

Аналогичная позиция содержится в Постановлении Семнадцатого арбитражного апелляционного суда от 10 нояб. 2021 г. № 17АП-10455/2020(6)-АК по делу № А50-92/2020.

Таким образом, мы видим, что семейные нужды – это, прежде всего, расходы, которые не должны быть связаны с предпринимательской деятельностью одного или обоих супругов и должны быть использованы для удовлетворения личных, семейных, домашних и тому подобных потребностей, в том числе расходы на приобретение имущества для членов семьи, расходы на питание, расходы на отдых, обучение, лечение как самих супругов, так и членов их семьи. Критерий отнесения тех или иных расходов, возникших по обязательствам и являющихся общими, – использование всего полученного по обязательству на удовлетворение нужд семьи.

Подчеркнем, что любые связанные с предпринимательской деятельностью одного из супругов расходы, возникающие из гражданско-правовых обязательств, в правоприменительной практике не признаются для супругов общими, не считаются направленными на нужды семьи. К примеру, если один из супругов заключает договор займа и использует заемные средства для осуществления своей предпринимательской деятельности, то, по мнению судов, такое направление заемных средств не может быть квалифицировано как направление на потребительские нужды семьи.

При этом следует заметить, что такой взгляд судов на семейные нужды не находит единогласной поддержки в исследовательской среде и является предметом научной критики. К примеру, аргументируется позиция, согласно которой к общим обязательствам супругов следует причислять любые обязательства, направленные на приобретение объектов общей совместной собственности супругов, а также любые расходы на предпринимательскую деятельность супруга, поскольку доходы от такой деятельности также поступают в общую совместную собственность. В противном случае возникает ситуация, при которой приобретенное для занятия предпринимательской деятельностью имущество считается общей совместной собственностью супругов, но долг, возникший из заемного обязательства, участником которого является только один из супругов, не квалифицируется как общий⁸.

Заметим, что такая позиция не соответствует содержанию и буквальному толкованию абзаца 1 пункта 2 статьи 45 Семейного кодекса РФ, из которого следует, что взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все полученное по обязательствам од-

⁸ Будылин С. Л. Всё мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 121.

ним из супружеских было использовано на нужды семьи. При этом предпринимательская деятельность, легально определяемая в статье 2 Гражданского кодекса РФ⁹, осуществляется на свой риск и с целью систематического извлечения прибыли. Расходы на такую деятельность вряд ли можно признать расходами на потребительские нужды семьи.

В российском семейном и гражданском законодательстве презумируется согласие супруга на действия другого супруга по распоряжению общим имуществом (п. 2 ст. 35 Семейного кодекса РФ и п. 2 ст. 253 Гражданского кодекса РФ). Но при этом отсутствует легальное предположение о том, что супруг дает свое согласие на вступление другого супруга в долговое правоотношение с третьими лицами. Более того, из содержания пункта 1 статьи 45 Семейного кодекса РФ с очевидностью следует, что у каждого из супружеских могут быть собственные индивидуальные обязательства, поскольку «по обязательствам одного из супружеских взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга». Такое толкование семейно-правовой нормы было поддержано Конституционным судом РФ в определении от 17 января 2013 г. № 4-О¹⁰.

Таким образом, мы видим, что «совместность» долга супружеских в российской юридической теории и практике не презумируется. Фактически долг предполагается личным, индивидуальным долгом супруга (если он один участвовал в обязательстве), пока кредитор не докажет, что полученные должником средства или имущество было использовано на общие нужды семьи. При опровержении этой презумпции долг супруга считается общим долгом супружеских.

Отдельного рассмотрения заслуживает вопрос о возможности или невозможности признания общим супружеским обязательства, вытекающего из договора поручительства. Поскольку по договору поручительства поручитель обязывается перед кредитором другого лица отвечать за исполнение последним его обязательства полностью или в части (ст. 361 Гражданского кодекса РФ), то перед нами не сделка по распоряжению общим имуществом супружеских, а лишь один из способов обеспечения обязательств. По сути, договор поручительства является односторонним волеизъявлением отвечать пе-

---

⁹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ (ред. от 14.04.2023). Далее – ГК РФ.

¹⁰ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Лебедевой Елены Александровны на нарушение ее конституционных прав пунктом 2 статьи 34, пунктом 3 статьи 39 и пунктом 2 статьи 45 Семейного кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 17 янв. 2013 г. № 4-О.

ред кредитором за должника. Из этого следует, что отсутствует законодательное требование об обязательном получении согласия супруга на выступление другого супруга в качестве поручителя и на заключение им договора поручительства. Очевидно, что поручительство – это не тот договор, по которому «всё полученное идет на нужды семьи». Поэтому поручительство является исключительно личным обязательством супруга, ответственность по которому несет сам поручитель, поручительство не является сделкой по распоряжению общим имуществом супругов, вследствие чего обязательства по договору поручительства не могут быть признаны общими¹¹.

В заключение следует отметить, что при рассмотрении споров по признанию обязательств супругов общими следует соблюдать баланс интересов как кредиторов, так и второго супруга (недолжника), а в конечном итоге, – интересов семьи. Для квалификации обязательств супругов общими необходимо установить цель, на достижение которой было направлено обязательство, и оценить, были ли полученные от обязательства средства направлены на удовлетворение нужд семьи.

Библиографический список

Будылин С. Л. Всё мы делим пополам. Банкротство граждан и семейное имущество в России и за рубежом // Вестник экономического правосудия Российской Федерации. 2015. № 4. С. 90–126.

Косова О. Ю. Общие долги супружей: раздел или распределение // Семейное и жилищное право. 2019. № 1. С. 15–18.

Ломакина П. А. Совместные обязательства супружей. Проблемы доказывания // Закон. 2018. № 12. С. 144–154.

Олевинский Э. Ю. Правовое регулирование несостоятельности граждан – коротко о важном // Закон. 2015. № 12. С. 53–62.

Информация для цитирования

Курковা Н. А., Строгонова Т. П. Признание обязательств супружей общими в банкротстве // Ex jure. 2023. № 3. С. 99–107. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-99-107.

Kurkova N. A., Stroganova T. P. Recognition of Obligations of Spouses as Common in Bankruptcy. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 99–107. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-99–107.

¹¹ Постановление Арбитражного суда Западно-Сибирского округа от 8 окт. 2021 г. № Ф04-2155/2020 по делу № А45-46217/2018.

УДК 347.9

DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-108-117

МЕХАНИЗМ ВСТУПЛЕНИЯ В ДЕЙСТВИЕ И УТРАТЫ ЮРИДИЧЕСКОЙ СИЛЫ ПРОЦЕССУАЛЬНЫХ ПРАВОВЫХ НОРМ

Исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-28-01576,
<https://rscf.ru/project/22-28-01576/>

Е. В. Любимова

Кандидат юридических наук,
старший преподаватель кафедры предпринимательского
права, гражданского и арбитражного процесса

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

Аннотация: в статье рассматривается общее правило о действии во времени процессуальных норм и ряд исключений, выработанных практикой Верховного Суда Российской Федерации и касающихся судебного представительства, вида производства и состава суда. Также автором проанализировано два случая, возникшие по поводу действия во времени норм права, которые связаны с судопроизводством, но при этом не относятся к процессуальным правоотношениям. Первым случаем является досудебный порядок урегулирования спора: не будучи процессуальным правоотношением, он был ошибочно оценен с применением норм, действующих во время совершения процессуальных действий. Второй случай связан с изменением судебной практики по поводу порядка исчисления срока обжалования постановления по делу об административном правонарушении. Автор полагает, что в результате новой пра-

---

© Любимова Е. В., 2023

вовой позиции, разъясненной в постановлении Верховного Суда РФ от 13 декабря 2022 г., ухудшается положение лица, привлеченного к административной ответственности, и, следовательно, рассматриваемое толкование закона не подлежит применению к постановлениям, вынесенным до 13 декабря 2022 г.

Ключевые слова: гражданское процессуальное правоотношение; процессуальное действие; досудебный порядок урегулирования спора; срок на обжалование постановления о привлечении к административной ответственности

MECHANISM OF ENTRY INTO AND LOSS OF EFFECT OF PROCEDURAL LEGAL PROVISIONS

The reported study was supported by a grant from the Russian Science Foundation, No. 22-28-01576, <https://rscf.ru/project/22-28-01576/>

E. V. Liubimova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: lubimova.evgenya@gmail.com

Abstract: the article discusses the general rule on the operation in time of the procedural provisions and a number of exceptions developed in the practice of the Supreme Court of the Russian Federation in respect of representation, type of proceedings and the composition of the court. The author also reviews two cases arising in respect of operation in time of the provisions of law, which are related to the court proceedings but do not represent the procedural legal relations. The first case is pre-trial dispute settlement, which is not a procedural relation; however, the provisions effective during the procedural actions are mistakenly applied to it. The second case is devoted to the change of the court practice regarding the procedure of determining the term for the appeal of the court rulings on administrative offenses. The author believes that the new legal position set out in the ruling of the Supreme Court of the Russian Federation dated December 13, 2022, impairs the position of the person held liable for an administrative offence, and therefore, the reviewed interpretation of the law shall not apply to the rulings made prior to December 13, 2022.

Keywords: civil procedural legal relations; pre-trial dispute settlement procedure; term for appealing the decision on the imposition of administrative penalties

Общее правило о действии во времени процессуальных норм предписывает, что «гражданское судопроизводство ведется в соответствии с федеральными законами, действующими во время рассмотрения и разрешения гражданского дела, совершения отдельных процессуальных действий или исполнения судебных постановлений» (ч. 3 ст. 1 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации¹; ч. 4 ст. 3 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации²). Указанная норма права является гарантией принципа единства судебной системы, выполняющего «охранительные, консолидирующие, организационные, управленческие, обеспечиваительно-автономные функции»³, а также принципа процессуального равенства лиц, участвующих в деле. Кроме того, общее правило о действии процессуальных норм удобно и универсально в применении: судом используется одна редакция процессуального кодекса во всех делах, рассматриваемых на текущую дату.

Однако в 2019 году Верховным Судом Российской Федерации (далее – ВС РФ) были допущены масштабные исключения из части 3 статьи 1 ГПК РФ при разъяснении положений ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ⁴ в связи с принятием Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ (далее – Закон № 451-ФЗ)⁵. Иной порядок применения процессуальных норм коснулся, в частности, нововведений относительно представительства, состава суда и вида производства.

Применительно к представительству было отмечено, что лицо, которое до вступления в силу Закона № 451-ФЗ начало участвовать в деле в качестве представителя, после вступления в силу указанного закона сохраняет по этому делу полномочия вне зависимости от наличия высшего юридического об-

¹ Гражданский процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 14 нояб. 2002 г. № 138-ФЗ: принят Гос. Думой 23 окт. 2002 г.: одобрен Советом Федерации 30 окт. 2002 г. (ред. от 14.04.2023). Далее – ГК РФ.

² Арбитражный процессуальный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 24 июля 2002 г. № 95-ФЗ: принят Гос. Думой 14 июня 2002 г.: одобрен Советом Федерации 10 июля 2002 г. (ред. от 18.03.2023). Далее – АПК РФ.

³ Большакова В. М., Холиков И. В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 588.

⁴ Кодекс административного судопроизводства Российской Федерации: Федер. закон от 8 марта 2015 г. № 21-ФЗ: принят Гос. Думой 20 февр. 2015 г.: одобрен Советом Федерации 25 февр. 2015 г. (ред. от 17.02.2023). Далее – КАС РФ.

⁵ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации: Федер. закон от 28 нояб. 2018 г. № 451-ФЗ: принят Гос. Думой 20 нояб. 2018 г.: одобрен Советом Федерации 23 нояб. 2018 г.

разования (п. 4 постановления Пленума ВС РФ от 9 июля 2019 г. № 26⁶). С одной стороны, приведенное толкование можно объяснить принципом доступности правосудия, погруженностью представителя в суть правового конфликта и нецелесообразностью замены представителя или привлечения кого-либо дополнительно для ведения дела в суде. Но с другой стороны, с момента принятия Закона № 451-ФЗ до вступления его в силу был длительный переходный период (с 28 ноября 2018 г. по 1 октября 2019 г.), в течение которого существовала возможность обратиться в суд заблаговременно для сохранения права на поручение ведения дела непрофессиональному представителю, и все лица, участвующие в различных судебных спорах, могли быть (но не оказались в итоге) в равном положении на день вступления в силу закона.

В отношении вида производства в рассматриваемом постановлении Пленума ВС РФ содержалось следующее пояснение: если рассмотрение дела было начато судом до вступления в силу Закона № 451-ФЗ по общим правилам или по правилам упрощенного производства, то «после вступления в силу указанного федерального закона такое дело подлежит рассмотрению в том же порядке и в том же составе суда» (п. 10). Представляется, что это разъяснение вызвано тем, что в процессуальных кодексах отсутствует механизм перехода из общего порядка в упрощенный (за исключением ситуации, когда стороны выражают согласие на такой переход), следовательно, правовой позицией отчасти устранен пробел в правовом регулировании, который возник бы при применении части 3 статьи 1 ГПК РФ. Однако трансформация дела из упрощенного производства в общий порядок предусмотрена в ГПК РФ, АПК РФ, КАС РФ, и ее неприменение в данном случае представляется неоправданным.

Законом № 451-ФЗ коллегиальный состав суда заменен на единоличный при рассмотрении жалобы (частной, апелляционной, кассационной) на определение суда и на решение, принятое в порядке упрощенного производства, при этом в постановлении Пленума ВС РФ предписано сохранять коллегиальный состав, если рассмотрение жалобы начато таким составом (п. 10).

---

⁶ О некоторых вопросах применения Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации, Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации, Кодекса административного судопроизводства Российской Федерации в связи с введением в действие Федерального закона от 28 ноября 2018 г. № 451-ФЗ «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»: постановление Пленума Верховного Суда РФ от 9 июля 2019 г. № 26.

Приведенные исключения из общего правила явились своего рода дополнением к заключительным положениям Закона № 451-ФЗ и были в целом ориентированы на интересы лиц, участвующих в деле.

Более сложным представляется вопрос о механизме вступления в силу правовых норм, регулирующих *досудебный порядок*, поскольку ответ зависит от того, относятся ли правоотношения, возникающие до возбуждения производства по делу, к процессуальным правоотношениям.

Согласно правовой позиции ВС РФ, нормы об обязательном досудебном порядке регулируют процессуальные правоотношения, поэтому к ним применяются положения части 3 статьи 1 ГПК РФ о действии процессуального закона во времени⁷. Впоследствии Конституционным Судом РФ был дан комментарий в тексте нескольких определений⁸, согласно которому *нормы, относящие к условиям возбуждения в суде гражданского дела по спору между потребителем финансовых услуг и финансовой организацией и касающиеся соблюдения истцом установленного федеральным законом порядка обращения к финансовому уполномоченному*, регулируют процессуальные правоотношения, соответственно, к ним применяется часть 3 статьи 1 ГПК РФ о действии процессуального закона во времени.

Между тем в научной литературе отмечается, что обязательным субъектом процессуальных правоотношений выступает суд⁹, а этот орган государственной власти на досудебном этапе не участвует, что исключает данную область правоотношений из сферы процессуальных. Другими признаками

⁷ Разъяснения по вопросам, связанным с применением Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 18 марта 2020 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Кошкиной Елены Михайловны на нарушение ее конституционных прав частями 2 и 4 статьи 25 и частью 8 статьи 32 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»: определение Конституционного Суда РФ от 31 марта 2022 г. № 631-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Науменко Михаила Сергеевича на нарушение его конституционных прав абзацем третьим пункта 1 статьи 16.1 Федерального закона «Об обязательном страховании гражданской ответственности владельцев транспортных средств», а также частью 2 статьи 15, частями 1 и 2 статьи 25 Федерального закона «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»: определение Конституционного Суда РФ от 24 июня 2021 г. № 1239-О; Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Савина Дениса Анатольевича на нарушение его конституционных прав статьями 3, 4 и 422 Гражданского кодекса Российской Федерации, а также статьями 1 и 3 Гражданского процессуального кодекса Российской Федерации: определение Конституционного Суда РФ от 28 янв. 2021 г. № 143-О.

⁹ См.: Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / [Д. Б. Абушленко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др.]; под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021. С. 50–55.

процессуальных правоотношений являются властный и правоприменительный характер, многосубъектность и динамизм.

По нашему мнению, правоотношения, возникающие при соблюдении досудебного порядка, следует отличать от результата, получаемого по итогу такого обращения. В данном примере результатом может быть: 1) бездействие финансового управляющего и истечение срока для ответа на обращение; 2) прекращение рассмотрения обращения; 3) решение по обращению (ст. 25 Федерального закона от 4 июня 2018 г. № 123-ФЗ «Об уполномоченном по правам потребителей финансовых услуг»). Именно результат обращения является юридическим фактом, с которым ГПК РФ связывает право истца на обращение в суд. То обстоятельство, что право на обращение в суд поставлено под условие, автоматически не свидетельствует о процессуальном характере правоотношений, возникающих при соблюдении такого условия. Следовательно, часть 3 статьи 1 ГПК РФ не подлежит применению при проверке досудебной процедуры разрешения спора.

Возвращаясь к указанным определениям Конституционного Суда РФ, согласно которым процедура досудебного порядка урегулирования споров посредством обращения к финансовому уполномоченному применяется в соответствии с частью 3 статьи 1 ГПК РФ, нельзя не отметить, что в текстах определений приведены противоречивые аргументы. С одной стороны, указывается, что часть 3 статьи 1 ГПК РФ корреспондирует основному принципу существования закона во времени, предполагающему распространение его действия на настоящее и будущее время. С другой стороны, разъяснено, что потребители финансовых услуг вправе заявлять в судебном порядке отдельные требования к финансовой организации только после получения от финансового уполномоченного решения по обращению, даже если договор между потребителем и финансовой организацией был заключен до вступления в силу указанного закона и на основании указанного договора уже возникли права и обязанности. По нашему мнению, противоречие состоит в том, что обязанность по осуществлению досудебного порядка распространена на ранее возникшие права и обязанности, что в силу статьи 4 ГК РФ должно быть специально оговорено в законе. Не подлежит применению часть 3 статьи 1 ГПК РФ, поскольку досудебный порядок в виде обращения к финансовому уполномоченному не является процессуальным правоотношением.

В результате Конституционным Судом РФ отмечено, что федеральным законодателем предусмотрен дополнительный способ защиты прав потреби-

телей финансовых услуг, и сделан косвенный вывод о правомерности определений об оставлении без рассмотрения исковых заявлений по причине несоблюдения досудебного порядка. Очевидно, что так называемый дополнительный способ защиты права стал препятствием в получении судебной защиты.

Рассмотренный случай свидетельствуют о том, то при ошибочном применении части 3 статьи 1 ГПК РФ новое правовое регулирование распространяется на ранее возникшие права и обязанности в отсутствие какой-либо аргументации о балансе интересов, соразмерности, необходимости и иных критериев ретроактивного действия нормативных правовых актов¹⁰.

Неоднозначным является вопрос о механизме вступления в силу правовых норм, регулирующих срок на обжалование постановления должностного лица, поскольку ответ вновь зависит от того, относятся ли правоотношения, возникающие до возбуждения производства по делу в суде, к процессуальным правоотношениям.

Рассмотрим случай из сферы применения АПК РФ и Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях¹¹, по-разному регулирующих срок обжалования постановления о привлечении к административной ответственности. В силу части 1 статьи 30.3 КоАП РФ жалоба на постановление по делу об административном правонарушении может быть подана в течение десяти суток со дня вручения или получения копии постановления. Согласно части 2 статьи 208 АПК РФ заявление об оспаривании решения административного органа о привлечении к административной ответственности может быть подано в арбитражный суд в течение десяти дней со дня получения копии оспариваемого решения, если иной срок не установлен федеральным законом. По мнению ВС РФ, изложенному в постановлении от 13 декабря 2022 г.¹², окончание срока, исчисляемого днями и заканчивающегося в нерабочий день, переносится на рабочий день, однако в КоАП РФ срок на обжалование постановлений определен не днями, а сутками, поэтому такой срок истекает в последние сутки периода, даже если сутки приходятся на нерабочий день.

¹⁰ Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 357.

¹¹ Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях: Федер. закон от 30 дек. 2001 г. № 195-ФЗ: принят Гос. Думой 20 дек. 2001 г.: одобрен Советом Федерации 26 дек. 2001 г. (ред. от 28.04.2023). Далее – КоАП РФ.

¹² Постановление Верховного Суда РФ от 13 дек. 2022 г. № 71-АД22-4-К3.

Во-первых, отметим, что в тексте КоАП РФ нет указания на то, что «день» и «сутки» – это разные периоды времени, но в статье 4.8 КоАП РФ оговорка о переносе на следующий рабочий день действительно сделана только в отношении периода, исчисляемого днями.

Во-вторых, разница между сутками и днями применительно к периоду обжалования постановления неочевидна ввиду сложившейся с 2009 года практики, основанной на правовой позиции ВС РФ: в ответе на вопрос № 16 о моменте вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении (если окончание срока, установленного частью 1 статьи 31.1 КоАП РФ, приходится на нерабочий день) было указано, что согласно правовой доктрине аналогия процессуальных норм допустима, поэтому «при исчислении процессуальных сроков, связанных с рассмотрением дел, возникающих из административных правоотношений, следует руководствоваться общим принципом... который предусматривает, что если истечение срока приходится на выходной или праздничный день, то днем окончания срока считается следующий за ним рабочий день. Следовательно, если момент вступления в законную силу постановления по делу об административном правонарушении приходится на нерабочий или праздничный день, то днем вступления в силу соответствующего постановления считается следующий за ним рабочий день»¹³. После указанной правовой позиции были внесены изменения, касающиеся порядка исчисления сроков (в текст КоАП РФ включена статья 4.8). Тем не менее судебная практика была стабильна в вопросе переноса последнего дня обжалования с выходного на ближайший рабочий день¹⁴.

В-третьих, постановление ВС РФ от 13 декабря 2022 г. не было опубликовано в официальных источниках, поэтому административные органы, разъясняя в постановлениях о привлечении к административной ответственности право на обжалование, не сообщали привлекаемому к административной ответственности лицу изменившуюся практику исчисления сроков.

Таким образом, по итогу рассмотрения дела об административном правонарушении каким-либо административным органом в постановлении разъясняется срок и порядок подачи жалобы на постановление. Поскольку до момента подачи жалобы в суд правоотношения не являются процессуаль-

---

¹³ Обзор законодательства и судебной практики Верховного Суда Российской Федерации за четвертый квартал 2008 года: утв. постановлениями Президиума Верховного Суда РФ от 25 марта 2009 г., от 4 марта 2009 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2009. № 5.

¹⁴ Решения Верховного Суда РФ от 26 сент. 2019 г. № 4-АД19-12; от 30 мая 2019 г. № 66-АД19-6.

ными, поскольку применяется правило о действии норм материального права во времени. В силу части 2 статьи 1.7 КоАП РФ «закон, устанавливающий или отягчающий административную ответственность за административное правонарушение либо иным образом ухудшающий положение лица, обратной силы не имеет». Можно признать, что правовая позиция Верховного Суда Российской Федерации от 13 декабря 2022 г., сформулированная по конкретному делу (и не опубликованная в официальных изданиях), привела к сокращению срока на подачу жалоб, что ухудшает положение лица, привлеченного к административной ответственности. Следовательно, такая правовая позиция не может применяться к постановлениям, принятым до 13 декабря 2022 г., но обжалуемым в суде после указанной даты.

Дополнительно отметим, что разный порядок исчисления сроков на подачу жалоб по правилам АПК РФ и КоАП РФ приводит к нарушению принципа процессуального равенства лиц, участвующих в деле.

Нормативный правовой акт *прекращает свое действие* в случаях: 1) истечения срока действия, на который он был принят; 2) прямой отмены этого нормативного акта уполномоченным органом; 3) фактической замены этого нормативного акта иным актом, регулирующим ту же группу общественных отношений. Третий вариант прекращения действия нормативного правового акта менее желателен, так как зачастую порождает противоречивую правоприменительную практику, возникновение пробелов и коллизий правовых норм¹⁵.

С учетом особенности вступления в силу процессуальных правовых норм отметим, что исключение из текста процессуального кодекса того или иного правила в целом не вызывает сложностей в правоприменении. Однако, как абсолютно верно отмечено в теории права, принятие дублирующих норм негативно сказывается на развитии процессуальных правоотношений. В качестве примера вновь приведем институт судебного представительства: требование о высшем образовании представителя включено в текст АПК РФ Законом № 451-ФЗ в 2008 году. При этом представительство по делам о банкротстве регулируется не только АПК РФ, но и статьей 36 Федерального закона от 26 октября 2002 г. № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», в которую никаких поправок по поводу профессионального представительства внесено не было. В связи с этим первоначально сложилось впечатление,

---

¹⁵ См.: Теория государства и права: курс лекций / [М. И. Байтин и др.]; под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 2006. С. 391.

что новая редакция статьи 59 АПК РФ является замещающей и подлежит применению во всех процессуальных правоотношениях, за исключением случаев, указанных в самой этой статье. Тем более что введение профессионального представительства было связано с необходимостью оказания квалифицированной юридической помощи, которая более чем актуальна в делах о банкротстве. Сохранение статьи 36 в законе «О несостоятельности (банкротстве)» не создавало какого-либо противоречия, поскольку кредиторы, должник и другие лица, помимо процессуальных правоотношений, участвуют в собраниях кредиторов, обращаются с жалобами в Росреестр и совершают иные внепроцессуальные действия. Вопреки такой логике ВС РФ разъяснил¹⁶, что статья 36 закона «О несостоятельности (банкротстве)» является специальной по отношению к статье 59 АПК РФ и в этой связи требование о профессиональном представительстве в делах о банкротстве не применяется.

Библиографический список

Актуальные проблемы гражданского и административного судопроизводства / [Д. Б. Абушенко, К. Л. Брановицкий, С. К. Загайнова и др.]; под ред. В. В. Яркова. М.: Статут, 2021.

Большакова В. М., Холиков И. В. Теоретическое исследование системообразующих принципов организации судебной системы // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 58. С. 579–604. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-58-579-604.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Типы действия норм права во времени // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2022. Вып. 57. С. 348–371. DOI: 10.17072/1995-4190-2022-57-348-371.

Теория государства и права: курс лекций / [М. И. Байтин и др.]; под ред. Н. И. Матузова и А. В. Малько. М.: Юристъ, 2006.

Информация для цитирования

Любимова Е. В. Механизм вступления в действие и утраты юридической силы процессуальных правовых норм // Ex jure. 2023. № 3. С. 108–117. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-108-117.

Liubimova E. V. Mechanism of Entry into and Loss of Effect of Procedural Legal Provisions. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 108–117. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-108-117.

---

¹⁶ Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1: утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г. // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10. С. 7–79.

УДК 347.1
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118-131

ГРАЖДАНСКО-ПРАВОВАЯ ОХРАНА ГОЛОСА ЧЕЛОВЕКА ПРИ ЕГО СИНТЕЗЕ И ПОСЛЕДУЮЩЕМ ИСПОЛЬЗОВАНИИ

А. Г. Матвеев

Доктор юридических наук, доцент,
профессор кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университета
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: la-musica@yandex.ru

Е. Ю. Мартынова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университета
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Аннотация: экспансия перечня нематериальных благ отражает тенденцию предоставления правовой охраны тем объектам, через которые проявляется индивидуальность и уникальность личности. В связи с развитием технологий синтеза и моделирования человеческой речи вопрос об охране голоса встал особенно остро из-за того, что имитация, несогласованное использование голоса человека создают угрозы не только частным, но и публичным интересам.

© Матвеев А. Г., Мартынова Е. Ю., 2023

сам. В статье раскрывается правовая природа голоса человека, генезис и перспективы его охраны. Определяя место голоса в системе объектов гражданских прав *de lege lata* и выявляя правовые проблемы, авторы обосновывают, что наиболее эффективным решением проблемы гражданско-правовой охраны голоса человека будет включение соответствующего объекта в перечень нематериальных благ.

Ключевые слова: голос человека; синтез голоса; охрана голоса; личные нематериальные права; нематериальное благо; интеллектуальная собственность

CIVIL PROTECTION OF THE HUMAN VOICE DURING ITS SYNTHESIS AND SUBSEQUENT USE

A. G. Matveev

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: la-musica@yandex.ru

E. Y. Martyanova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: martyanova.ey@psu.ru

Abstract: the expansion of the list of intangible benefits reflects the tendency to provide legal protection to those objects in which the individuality is expressed. The development of technologies for the synthesis and modeling of human speech has exacerbated the issue of voice protection, because imitation, uncoordinated use of human voice pose threats not only to private, but also to public interests. The article reveals the legal nature of the human voice, the genesis and prospects of its protection. The authors determine the place of the voice in the system of objects of civil rights *de lege lata* and justify that the most effective solution to the problem of civil protection of the human voice will be the inclusion of the corresponding object in the list of intangible benefits.

Keywords: human voice; voice synthesis; voice protection; personal non-property rights; intangible good; intellectual property

Эволюция гражданского права характеризуется неуклонным расширением предмета гражданско-правового регулирования и включением в этот предмет личных неимущественных отношений. И. А. Покровский в начале XX века объяснял эту тенденцию тем, что «личность добивается признания за собой новых и новых прав. При этом, разумеется, рост ее субъективных прав идет параллельно росту самого ее внутреннего содержания, росту ее интересов»¹.

Рубеж XIX–XX веков – это время становления и законодательного признания в ведущих европейских правопорядках личных прав, которые в советском гражданском праве после доклада А. Я. Вышинского 1938 года получили наименование «личных неимущественных прав граждан»². В Гражданском кодексе РСФСР 1922 года³ мы не видим еще охраны этих прав, а в Гражданском кодексе РФ (далее – ГК РФ) на сегодняшний день установлена охрана более десяти прав такого рода. Следует признать актуальным вывод профессора И. А. Покровского о том, что главным фактором, оказывающим влияние на развитие личных прав в гражданском праве, является уровень экономического и культурного развития: «В общем ходе экономического и культурного развития неизбежно повышается общий уровень требований личности в данной среде: растут самосознание и самооценка среднего, типичного человека, и в соответствии с этим расширяется общая система субъективных прав; право объективное неизбежно должно поспевать за этим возрастающим общим самосознанием и давать ему надлежащее удовлетворение»⁴.

Одним из векторов развития охраны личных неимущественных прав сегодня является охрана голоса человека. Как и изображение гражданина, его голос представляет собой одно из наиболее ярких и узнаваемых проявлений личности. Сегодня практически во всем мире наблюдается тенденция коммерциализации уникальных черт личности, что отразилось также и в появлении специального термина – *personal merchandising*⁵. Однако если право

---

¹ Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001. С. 120–121.

² Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: докл. на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 272.

³ Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917–1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997. С. 111–180.

⁴ Покровский И. А. Указ. соч. С. 120–121.

⁵ Katamadze N. Defining non-property value within personal non-property rights in civil circulation // Journal of Law. 2020. № 1. Pp. 143–160.

на изображение гражданина закреплено в ГК РФ (ст. 152.1), то об охране голоса как такового в кодексе речи не идет. Хотя еще в 1997 году М. Н. Малеина в своей докторской диссертации предложила отнести право на индивидуальный облик и голос к числу нетрадиционных личных неимущественных прав⁶.

Катализатором обсуждения проблемы гражданско-правовой охраны голоса человека стало феноменальное развитие технологий искусственного интеллекта, которые позволяют скопировать или синтезировать этот голос и в дальнейшем его использовать. Так, в начале 2023 года Союз дикторов попросил Государственную Думу РФ установить правовое регулирование синтеза и последующего использования голоса человека. Дикторы и актеры опасаются снижения своих доходов, поскольку «в перспективе получить синтезированную речь станет дешевле, чем записать диктора»⁷. В одном из прогнозов указывается, что мировой рынок технологий распознавания и синтезирования речи вырастет с 9,4 млрд долларов в 2022 году до 28,1 млрд долларов в 2027-м⁸.

Проблема синтеза и последующего использования голоса человека имеет не только гражданско-правовое значение, но также и публично-правовую окраску. Речь идет о так называемых дипфейках, под которыми понимается реалистичная замена лиц и голосов посредством использования нейросетей. Название «дипфейк» происходит от слов *deep learning* (глубокое изучение) и *fake* (подделка)⁹. Синтезированные изображение и/или голос человека можно использовать в различных целях: для правомерной презентации контента, пародии, мошенничества, фальсификации голосов политиков и других известных личностей. Так, «в 2018 году много шума наделало видео с Бараком Обамой, который нелестно отзывался о 45-м президенте США Дональде Трампе. Этот дипфейк сделал режиссер Джордан Пил вместе с изданием “BuzzFeed”, чтобы продемонстрировать, насколько далеко шагнули

⁶ Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997. С. 10.

⁷ Лебедева В., Литвиненко Ю. У дикторов крадут голоса: Представители отрасли просят о регулировании технологий синтеза речи // Коммерсант. 2023. 27 янв. С. 9.

⁸ Global speech and voice recognition market (2022 to 2027) – APAC is the fastest-growing region in the industry. URL: <https://www.globenewswire.com/en/news-release/2022/07/15/2480229/28124/en/Global-Speech-and-Voice-Recognition-Market-2022-to-2027-APAC-is-the-Fastest-growing-Region-in-the-Industry.html>.

⁹ Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности // Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 57.

технологии и почему нужно тщательно проверять источники информации и не верить своим глазам»¹⁰. Следует согласиться с А. С. Киселевым в том, что фальсификация образов политиков может представлять собой угрозу национальной безопасности: «Например, злоумышленники начнут распространять в Интернете видеообращение (Президента США, к примеру) с угрозой к началу новой мировой войны. Многие граждане и руководство других стран могут поверить данной информации, поэтому подобные технологии становятся “ящиком Пандоры”, который может привести к катастрофическим последствиям»¹¹. Сказанное позволяет утверждать, что проблему дипфейков следует решать не только и не столько посредством гражданско-правовых мер, но и при помощи административно-правовых и уголовно-правовых средств.

Однако вернемся к вопросу о голосе человека как объекте гражданско-правовой охраны. Слово «голос» в русском и большинстве европейских языков является многозначным. В рассматриваемом нами контексте под голосом понимаются «разнообразные звуки, образующиеся при помощи голосового аппарата и служащие для общения между живыми существами. У человека это общение осуществляется в основном посредством речи и пения»¹². Речевой тракт человека – это один из самых совершенных в природе инструментов извлечения звуков по сравнению с известными животными и музыкальными инструментами. На индивидуальность голоса человека влияют все три отдела голосового аппарата: органы дыхания, подающие воздух к гортани; голосовые складки (голосовые связки); артикуляционный аппарат, служащий для образования гласных и согласных звуков.

К наиболее значимым параметрам голоса относятся его сила, высота, тембр. В свою очередь, факультативные характеристики голоса включают в себя такие свойства, как благозвучность, полетность, подвижность и разнообразие тона. Например, высота голоса характеризует его диапазон. Последний определяется прежде всего длиной голосовых складок: у баса она составляет 24–25 мм, у баритона – 22–24 мм, у тенора – 18–21 мм, у меццо-сопрано – 18–21 мм, у сопрано – 14–19 мм¹³. Наибольшую степень индивидуальности голосу придает тембр, который у каждого из нас уникален и не-

---

¹⁰ Там же. С. 58.

¹¹ Киселёв А. С. Указ. соч. С. 61.

¹² Голос // Музыкальная энциклопедия. URL: https://gufo.me/dict/music_encyclopedia/Голос.

¹³ Там же.

повторим¹⁴. В целом тембр голоса обусловлен строением речевого аппарата, характером обертонов, образующихся в резонаторах звука, в качестве которых выступают трахея, бронхи, полость рта и полость носа¹⁵.

Если голос является столь же ярким и уникальным проявлением личности, как и ее изображение, то резонно задаться вопросом, возможно ли на основании действующего правового регулирования защитить право на него. Отсутствие в ГК РФ статьи или пункта о праве гражданина на защиту голоса не означает, что ответ на этот вопрос должен быть непременно отрицательным. В первую очередь следует подчеркнуть, что в системе российского гражданского права голос человека должен относиться к числу объектов личных нематериальных прав гражданина или просто личных прав. При этом теоретически наиболее правильно в российской цивилистике, на наш взгляд, определение объекта личных прав, сформулированное Е. А. Флейшиц: «Объектом личных прав являются проявления личных черт, способностей и стремлений, иначе говоря, проявления личных интересов в самом непосредственном смысле слова»¹⁶. Искать защиту права на голос в праве интеллектуальной собственности было бы ошибкой: *de lege lata* перечень объектов интеллектуальных прав является закрытым и практически каждый из объектов интеллектуальной собственности получает охрану при соблюдении определенных условий, тогда как голос человека как проявление личности должен охраняться без каких-либо условий. Одним из первых судебных актов, разрешавших вопрос об охране голоса средствами права интеллектуальной собственности, было решение американского суда по делу Мидлер против Ford Motor Co. (849 F.2d 460 – 9th Cir. 1988)¹⁷. В рамках спора было установлено, что Мидлер отказалась дать разрешение Ford Motor Company на использование в их рекламе исполнения песни “Do you want to dance?”. Тогда компания обратилась к другой исполнительнице, способной сымитировать голос Мидлер. При этом Ford Motor Company была лицензиатом в отношении песни как объекта авторских прав. На основе изложенного суд пришел к вы-

¹⁴ Рудин Л. Б. Руководство по голососбережению (медицинско-профилактическая технология). М.: Граница, 2020. С. 133.

¹⁵ Основные характеристики и свойства голоса. URL: <https://www.sibkursy.ru/stati/tehnika-rechi/osnovnye-harakteristiki-i-svojstva-golosa.html>.

¹⁶ Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015. С. 224.

¹⁷ См.: Watt D., Harrison P. S., Cabot-King L. Who owns your voice? Linguistic and legal perspectives on the relationship between vocal distinctiveness and the rights of the individual speaker // International Journal of Speech, Language and the Law. 2020. Vol. 26, № 2. Pp. 137–180.

воду, что голос не защищается средствами права интеллектуальной собственности и Мидлер могла защитить свое право как элемент *right of publicity*¹⁸.

В пункте 1 статьи 150 ГК РФ установлен открытый перечень охраняемых нематериальных благ. И такое регулирование, казалось бы, открывает дорогу в сторону охраны не указанного в законе права на голос. Однако личное право на голос – это абсолютное право, а перечень абсолютных прав должен быть закрытым, поскольку каждое абсолютное право ограничивает свободу всех третьих лиц. «Но если личные права – права абсолютные, – отмечает В. А. Белов, – то перечень их может быть только закрытым, причем “закрыть” его может только законодатель»¹⁹. Предоставление охраны не поименованым в законе личным правам создает также проблему правовой неопределенности и излишнего судебного усмотрения: «Формулирование в законе нормы, лишь в наиболее общем виде провозглашающей охрану личных прав, – обоснованно полагает А. Х. Ульбашев, – порождает проблему практического порядка: сталкиваясь с новым социальным феноменом, правоприменитель оказывается зачастую не в состоянии определить, является ли данный феномен *per se* нематериальным благом, а следовательно, и объектом личных прав или же, напротив, вообще не попадает в сферу правового регулирования»²⁰.

Это может показаться странным, но в российском законодательстве, судебной практике и юридической науке проблема модели охраны личных прав, на наш взгляд, так и не была окончательно разрешена. По большому счету подход ГК РФ, когда законодательно признается довольно значительное число личных прав и при этом данный перечень сознательно формулируется открытым, основан на учении Е. А. Флейшиц. В своей докторской диссертации она защищала следующее положение: «Тот, чьи личные интересы как гражданина СССР, как члена социалистического общества, как участника социалистического труда и творчества нарушены действием другого лица, противным закону или правилам социалистического общежития, имеет право потребовать устранения нарушения с совершением в подлежащих случаях

---

¹⁸ Быданцев А. Г. Сценический образ, персонаж и the right of publicity // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Пермь, 1–2 апреля 2022 г.) / науч. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2022. С. 150–155.

¹⁹ Белов В. А. Проблемы теории личных прав // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008. С. 643.

²⁰ Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019.

действий, обеспечивающих такое устранение»²¹. Этим законоположением профессор Е. А. Флейшиц предлагала охранять «те бесконечно разнообразные индивидуальные интересы личности, которые поименовать и перечислить в законе невозможно и которые именно вследствие своей нетипичности и не могут отиться в объект особых субъективных прав»²². Наряду с общим положением об охране личных прав ученый предлагала также установить в Гражданском кодексе СССР и особые постановления об охране тех личных прав, которые являются наиболее практически важными либо охрана которых требует некоторых особых мер защиты²³.

Поясняя свою мысль, сошлемся на обзор моделей охраны личных прав, сделанный Э. Карнером. В рамках европейских правопорядков ученый выделяет три такие модели: 1) охрана всеобщего права личности (Швейцария, Германия); 2) охрана отдельных прав личности (Франция, Скандинавские страны); 3) английская модель, которая не принимает ни подход единого права, ни подход отдельных прав личности, а исходит из противоправного поведения другого лица и ориентируется на конкретные фактические обстоятельства, относящиеся к поведению противостоящего субъекта²⁴. Российское гражданское право, как это часто характерно для него, не определилось в выборе между германским и французским подходами. В Концепции развития гражданского законодательства РФ этот выбор также не был сделан. Более того, проблеме личных прав в ней отведен всего лишь один абзац (п. 3.5), в котором нет рефлексии о том, что соединить французский и германский подходы весьма проблематично: «Необходимо сохранить в ГК впервые введенное в 1994 году в отечественное гражданское право принципиальное положение о возможности использовать все способы защиты гражданских прав для защиты любых нематериальных благ гражданина, поскольку использование таких способов совместимо с существом нарушенного права и характером нарушения (п. 2 ст. 150). Вместе с тем главу 8 ГК (“Нематериальные блага и их защита”) следует дополнить развернутой системой детальных правовых норм, имеющих целью регулирование и (или) защиту конкретных видов нематериальных благ и личных неимущественных прав граждан. При создании этих норм необходимо максимально использовать не только дос-

²¹ Флейшиц Е. А. Указ. соч. С. 234.

²² Там же. С. 224.

²³ Там же. С. 234.

²⁴ Карнер Э. Права человека и защита прав личности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 4. С. 258–263.

тижения отечественной правовой науки, но и опыт других стран, имеющих в этой области развитое гражданское законодательство (Франция, Германия, Украина и др.)»²⁵.

Во многих зарубежных источниках права голос человека перечисляется в одном логическом ряду с изображением, именем гражданина и защищается как элемент частной жизни, как нематериальное благо (п. 6 ст. 2 ч. 1 Закона Израиля о защите частной жизни 1981 года²⁶; ч. 18 ст. 66 Конституции Эквадора²⁷; ч. 7 ст. 2 Конституции Перу²⁸ и пр.). Так, Закон Вашингтона о правах личности 1998 года предусматривает, что каждое лицо имеет имущественное право на использование своего имени, голоса, подписи, фотографии любым способом²⁹. Указанное право действует на протяжении всей жизни и в течение семидесяти пяти лет после смерти лица, чей образ был коммерциализирован. Эти права переходят в рамках наследственного правопреемства. Кроме того, в протоколе к Соглашению по интеллектуальной собственности между Правительством США и Правительством Венгерской Республики³⁰ отражено, что исполнители имеют имущественный интерес в использовании звучания своего голоса, в недопущении его использования, а также имитации голоса другими лицами.

Если выбор, который должен был сделать отечественный законодатель, им не сделан, то он остается на усмотрение высших судебных инстанций. Однако, насколько нам известно, и Верховный Суд РФ, и Конституционный Суд РФ не предоставляли защиту личным неимущественным правам гражданина, которые не названы в законе. Инструмент, которым суды могли бы воспользоваться, предоставляя защиту права на голос, – аналогия закона. При этом очевидно, что по такой аналогии могли бы применяться положения статьи 152.1 ГК РФ о праве на изображение гражданина.

---

²⁵ Концепция развития гражданского законодательства Российской Федерации: одобрена решением Совета при Президенте РФ по кодификации и совершенствованию гражданского законодательства от 7 окт. 2009 г. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

²⁶ Israel. Protection of privacy law 5741-1981. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/347463>.

²⁷ Ecuador's Constitution of 2008 with amendments through 2021. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/584652>.

²⁸ Peru's Constitution of 1993 with amendments through 2021. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/584179/>.

²⁹ Hicks A. The right to publicity after death: Postmortem personality rights in Washington in the wake of experience Hendrix v. HendrixLicensing.com // Seattle University Law Review. 2012. Vol. 36, № 1. URL: <https://digitalcommons.law.seattleu.edu/sulr/vol36/iss1/8/>.

³⁰ Agreement on intellectual property between the Government of the United States of America and the Government of the Republic of Hungary 1993(Authentic text). URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/243822>.

Помимо рассмотрения вопроса об охраноспособности голоса как нематериального блага, законодатель, правоприменитель и научное сообщество указывают на возможность отнесения голоса к биометрическим персональным данным и идентификатору лица.

Восприятие голоса как значимого и неотъемлемого элемента личности отражалось еще на ранних исторических этапах в мифах, сказках, где лишение голоса означало утрату идентичности и связи с обществом (например, миф о нимфе Эхо)³¹. Называя голос «вторым лицом человека»³², ученые подразумевают его уникальность и способность выступать полноценным идентификатором личности. Система Voice ID собирает «голосовые отпечатки» и именно на основе исключительных характеристик голоса формирует ключ доступа. Выданы патенты на изобретения, предназначенные для того, чтобы верифицировать личность по голосу (например, «способ верификации личности по голосу на основе анатомических параметров человека» (патент № RU 2421699 C1), устройство автоматической верификации личности по голосу RU 2704723 C2 и т.д.). Эти же свойства предопределяют возможность проведения фonoскопических (речеведческих) экспертиз³³.

Оборотная сторона использования голоса в качестве идентификатора лица выражена в возможности имитации и клонирования голоса человека. Например, появились программы, позволяющие создавать синтетический голос на основе голоса конкретного человека: Adobe VoCo, Lyrebird, CereVoice Me и т.д.³⁴ Зарегистрированы патенты на “voice modulation apparatus and voice modulation method using the same” (US20130151243), «способ синтеза речи с передачей достоверного интонирования клонируемого образца» (RU 2632424 C2) и т.д. В связи с этим можно предположить появление новой сферы для совершения противоправных действий.

---

³¹ См.: Watt D., Harrison P. S., Cabot-King L. Op. cit.

³² Ávalos E. L. F., García X. P. Protección al derecho a la imagen y a la voz ante las tecnologías de la información y comunicación. URL: <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/derecho-informacion/article/view/13015/14654>.

³³ См.: Криминалистическое изучение личности: науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галышин и др.; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс»; О Методических рекомендациях (вместе с Методическими рекомендациями по порядку назначения и производства судебных экспертиз в рамках доследственных проверок и расследования преступлений, подследственных Федеральной службе судебных приставов, утв. ФССП России 15.09.2014 № 0004/22): письмо ФССП России от 18 сент. 2014 г. № 00043/14/56151-BB. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

³⁴ См.: Watt D., Harrison P. S., Cabot-King L. Op. cit.

Предоставление голосу, голосовым волнам³⁵, голосовым паттернам³⁶ охраны как биометрическим персональным данным является распространенной законодательной практикой. Однако в российской правовой системе до недавнего времени реализовывался иной подход: суды считали, что «голос человека не отнесен законом к числу персональных данных или к числу биометрических персональных данных, защита которых осуществляется в соответствии с Федеральным законом “О персональных данных”»³⁷. Ситуация изменилась с принятием ряда нормативных актов. Так, в силу части 4 статьи 3 Федерального закона от 29 декабря 2022 года № 572-ФЗ «Об осуществлении идентификации и (или) аутентификации физических лиц с использованием биометрических персональных данных, о внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации и признании утратившими силу отдельных положений законодательных актов Российской Федерации», в единой биометрической системе размещается и обрабатывается запись голоса человека, полученная с помощью звукозаписывающих устройств, в качестве биометрических персональных данных. Также согласно подзаконным актам изображение и (или) голос лица отнесены к биометрическим персональным данным³⁸.

Изложенное означает, что на отношения, связанные с синтезом голоса, распространяется и законодательство о защите персональных данных. Рассмотрение голоса как объекта гражданских прав в отрыве от режима биометрических персональных данных не представляется возможным, поскольку решения, принимаемые лицом-носителем в отношении использования голоса в обороте, могут влиять на его идентификационные свойства. Так, в случае дачи лицом-носителем согласия на оцифровку своего голоса с целью последующего синтеза речи иными лицами идентификация его по голосу окажется невозможна, а значит, и отнесение голоса такого лица к биометри-

---

³⁵ Kenya. The Statute Law (Miscellaneous Amendments) Act, 2018. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/506125>.

³⁶ India. The information technology (Reasonable Security Practices and Procedures and Sensitive Personal Data or Information) Rules, 2011. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/338328>.

³⁷ Апелляционное определение Верховного суда Республики Татарстан от 27 апр. 2015 г. по делу № 33-6211/15.

³⁸ Об утверждении формы согласия на размещение и обработку персональных данных в единой системе идентификации и аутентификации и биометрических персональных данных в единой биометрической системе, в том числе на передачу векторов единой биометрической системы: распоряжение Правительства Рос. Федерации от 30 июня 2018 г. № 1322-р.

ческим персональным данным затруднено. Недопустимо будет и проведение фоноскопических экспертиз, поскольку лицо утратит «монополию» на собственный голос. Кроме того, за пределами правового регулирования останется правовой режим голоса «вокальных двойников»: при высоком сходстве или даже идентичности голосов двух и более лиц совершение одним из них действий по созданию синтетического голоса может затронуть права «вокальных двойников», породить правовую путаницу. Однако ложное или действительное совпадение характерно и для других персональных данных³⁹. Из всего этого следует необходимость установления правила, согласно которому голос человека, лежащий в основе создания синтетического голоса, не может выступать в качестве биометрических персональных данных лица-носителя.

Интерес вызывает практика регистрации голоса в качестве товарного знака. В приказе ФИПС⁴⁰ указано, что в качестве звуковых товарных знаков могут регистрироваться «музыкальные произведения, фрагмент песни, со-звучия, хорошо известные звуки и редкие звуки, встречающиеся в природе, электронные синтезированные звуки, не встречающиеся в природе». Кроме того, длительность голосовой записи не должна превышать тридцати секунд, если источником является живое существо. Товарные знаки № 389027, 484953 содержат голосовые элементы⁴¹.

Необходимость получения согласия лица-носителя на включение его голоса в звуковой товарный знак в отечественном законодательстве прямо не отражена. Однако такие положения предусмотрены относительно изображения гражданина: тождественность обозначения портрету известного лица является препятствием к регистрации товарного знака в силу прямого указания пункта 9 статьи 1483 ГК РФ. Следует признать, что отказ в регистрации голоса гражданина в качестве товарного знака в случае отсутствия его согласия возможно мотивировать со ссылкой на пункт 3 статьи 1483 ГК РФ; но

³⁹ О вопросах ошибочной идентификации граждан как должников по исполнительному производству: письмо ФССП России от 29 мая 2017 г. № 00011/17/48684-ДА. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴⁰ Об утверждении Руководства по осуществлению административных процедур и действий в рамках предоставления государственной услуги по государственной регистрации товарного знака, знака обслуживания, коллективного знака и выдаче свидетельств на товарный знак, знак обслуживания, коллективный знак, их дубликатов: приказ ФГБУ ФИПС от 20 янв. 2020 г. № 12. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

⁴¹ Открытые реестры ФИПС. URL: <https://www1.fips.ru/iiss/>.

с учетом наличия специальных норм, касающихся портретов, представляется возможным уточнить положения пункта 9 статьи 1483 ГК РФ указанием голоса гражданина наряду с его портретом вне зависимости от известности такого лица.

Все изложенное позволяет заключить, что правильным и эффективным решением проблемы гражданско-правовой охраны голоса человека является:

- включение соответствующего объекта в перечень нематериальных благ в статье 150 ГК РФ;
- четкое определение границ соответствующего личного неимущественного права в новой статье 152.3 ГК РФ;
- указание на то, что обнародование записи голоса и дальнейшее его использование не регулируются положениями части четвертой ГК РФ. При этом объекты, содержащие голос гражданина, могут охраняться в качестве объектов интеллектуальных прав при соблюдении условий охраноспособности и при получении согласия гражданина на использование его голоса в данном объекте;
- введение запрета на имитацию голоса вне пародий (в связи с возможностью нарушения публичного интереса даже при наличии согласия самого лица-носителя);
- установление запрета использования голоса человека в качестве биометрических персональных данных в случае, если на его основе был создан синтетический голос.

Библиографический список

Белов В. А. Проблемы теории личных прав // Гражданское право: актуальные проблемы теории и практики / [А. Б. Бабаев и др.]; под общ. ред. В. А. Белова. М.: Юрайт, 2008. С. 613–646.

Быданцев А. Г. Сценический образ, персонаж и the right of publicity // Норма. Закон. Законодательство. Право: материалы XXIV Междунар. науч.-практ. конф. молодых ученых (Пермь, 1–2 апреля 2022 г.) / науч. ред. О. А. Кузнецова. Пермь, 2022. С. 150–155.

Вышинский А. Я. Основные задачи науки советского социалистического права: докл. на I Совещании по вопросам науки советского государства и права (16–19 июля 1938 г.) // Вопросы правоведения. 2009. № 2. С. 131–278.

Карнер Э. Права человека и защита прав личности в гражданском праве // Вестник гражданского права. 2014. Т. 14, № 4. С. 257–275.

Киселёв А. С. О необходимости правового регулирования в сфере искусственного интеллекта: дипфейк как угроза национальной безопасности //

Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Юриспруденция. 2021. № 3. С. 54–64.

Криминалистическое изучение личности: науч.-практ. пособие для магистров / А. Г. Бедризов, Т. С. Волчецкая, Н. В. Галышин [и др.]; отв. ред. Я. В. Комиссарова. М.: Проспект, 2016. Доступ из справ.-правовой системы «КонсультантПлюс».

Малеина М. Н. Личные неимущественные права граждан: понятие, осуществление, защита: дис. ... д-ра юрид. наук. М., 1997.

Покровский И. А. Основные проблемы гражданского права. М.: Статут, 2001.

Рудин Л. Б. Руководство по голососбережению (медико-профилактическая технология). М.: Граница, 2020.

Ульбашев А. Х. Общее учение о личных правах. М.: Статут, 2019.

Флейшиц Е. А. Личные права в гражданском праве Союза ССР и капиталистических стран // Избранные труды по гражданскому праву: в 2 т. Т. 1. М.: Статут, 2015.

Хрестоматия по истории отечественного государства и права, 1917–1991 гг. / под ред. О. И. Чистякова. М.: Зерцало, 1997.

Avalos E. L. F., García X. P. Protección al derecho a la imagen y a la voz ante las tecnologías de la información y comunicación. URL: <https://revistas.juridicas.unam.mx/index.php/derecho-informacion/article/view/13015/14654>.

Hicks A. The right to publicity after death: Postmortem personality rights in Washington in the wake of experience Hendrix v. HendrixLicensing.com // Seattle University Law Review. 2012. Vol. 36, № 1. Pp. 275–297.

Katamadze N. Defining non-property value within personal non-property rights in civil circulation // Journal of Law. 2020. № 1. Pp. 143–160.

Watt D., Harrison P. S., Cabot-King L. Who owns your voice? Linguistic and legal perspectives on the relationship between vocal distinctiveness and the rights of the individual speaker // International Journal of Speech, Language and the Law. 2020. Vol. 26, № 2. Pp. 137–180.

Информация для цитирования

Матвеев А. Г., Мартынова Е. Ю. Гражданко-правовая охрана голоса человека при его синтезе и последующем использовании // Ex jure. 2023. № 3. С. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118-131.

Martyanova E. Y., Matveev A. G. Civil Protection of the Human Voice During Its Synthesis and Subsequent Use. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 118–131. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-118-131.

УДК 347. 771:504.61
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-132-144

ПАТЕНТЫ НА «ЗЕЛЕНЫЕ» ТЕХНОЛОГИИ: ПУТИ СОВЕРШЕНСТВОВАНИЯ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА

С. Г. Михайлов

Кандидат юридических наук,
заслуженный профессор Пермского университета

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: dekanur@psu.ru

Н. С. Михайлова

Кандидат юридических наук,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: mihailova78239@yandex.ru

Аннотация: «зеленые» технологии являются одним из эффективных средств преодоления неблагоприятных последствий изменения климата. Важную роль в обеспечении прав на данные объекты играет законодательство об интеллектуальной собственности, и прежде всего патентное законодательство. Патентные данные незаменимы как индикаторы и движущая сила технических инноваций. Исключительные права, удостоверенные патентами, предос-

---

© Михайлов С. Г., Михайлова Н. С., 2023

тавляют правообладателям преимущества при разработке новых технологий и обеспечивают маркетинговые позиции в сфере передачи «зеленых» технологий. В статье дается обзор и анализ предложений по совершенствованию патентной системы, сформулированных учеными зарубежных стран.

Ключевые слова: интеллектуальная собственность; зеленые технологии; зеленые патенты; ускоренная патентная экспертиза

PATENTS FOR “GREEN” TECHNOLOGIES: WAYS TO IMPROVE LEGISLATION

S. G. Mikhailov

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
E-mail: dekanur@psu.ru

N. S. Mikhailova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia
E-mail: natalya-mikhailova@yandex.ru

Abstract: “green” technologies are one of the effective means of overcoming the adverse effects of climate change. Intellectual property law, and above all, patent law, plays an important role in ensuring the rights to these objects. Patent data are indispensable as indicators and drivers of technical innovation. Exclusive rights certified by patents provide rights holders with advantages in the development of new technologies and provide marketing positions in the field of transfer of “green” technologies. The article analyzes the proposals for improving the patent system formulated by scientists from foreign countries.

Keywords: intellectual property, “green” technologies, “green” patents, accelerated patent examination

Не подлежит сомнению, что изменение климата является одной из основных проблем в мире и носит в основном антропогенный характер. Начиная с 50-х годов XX века вопросы климатических изменений стали предметом научных и политических дискуссий. Термин «изменение климата» охватывает такие явления, как повышение средних температур (глобальное

потепление), экстремальные погодные события, изменение численности диких животных и другие неблагоприятные экологические последствия¹. Для решения вопросов об устраниении неблагоприятных последствий, вызванных деятельностью человека, и улучшении окружающей среды в XX веке возник ряд экологических идей, направленных на смягчение последствий изменения климата. Данные идеи легли в основу формирования так называемой «зеленой» политики большинства стран мира.

Государственная политика, направленная на улучшение климата, обычно складывается из трех составляющих²:

1) субсидирование государством определенных видов деятельности, в частности научно-исследовательских и опытно-конструкторских работ (НИОКР), предоставление соответствующим предприятиям налоговых льгот;

2) регулирование со стороны государства деятельности, направленной на предотвращение неблагоприятных экологических последствий (например, контроль цен на энергоресурсы);

3) закрепление интеллектуальных прав на соответствующие объекты (средства индивидуализации, изобретения, промышленные образцы).

Согласно точке зрения, сформированной в рамках сотрудничества на базе Рамочной конвенции Организации Объединенных Наций об изменении климата от 9 мая 1992 г., система интеллектуальной собственности способствует созданию новых технологий и необходимых структур для их передачи, а также обеспечивает эффективные средства широкого распространения новых технологий на практике³.

В сфере интеллектуальных прав на сегодняшний день наблюдается несколько тенденций, направленных на создание и продвижение «зеленых» инноваций. Последние относятся ко всем формам инноваций, которые сводят к минимуму ущерб окружающей среде и обеспечивают эффективное использование природных ресурсов. В литературе «зеленые» инновации подразделяются в зависимости от формы реализации и возможных последствий на три типа⁴:

¹ Nunez C. What is global warming, explained: the planet is heating up – and fast. URL: <https://www.nationalgeographic.com/environment/globalwarming/globalwarming-overview/>.

² Hall B. H., Helmers C. Innovation and diffusion of clean/green technology: Can patent commons help? // Journal of Environmental Economics and Management. 2013. № 66. Pp. 33–51.

³ Strategy paper for the long-term perspective beyond 2012, including sectorial approaches, to facilitate the development, deployment, diffusion and transfer of technologies under the Convention Report by the Chair of the Expert Group on Technology Transfer, document FCCC/SB/2009/3/. URL: <https://unfccc.int/resource/docs/documents/5655>.

⁴ Ramus K. A. Encouraging innovative environmental actions: What companies and managers must do // Journal of World Business. 2002. Vol. 37. № 2. Pp. 151–164.

- снижающие воздействие предприятий на окружающую среду путем повторного использования и переработки продуктов;
- направленные на решение экологических проблем организаций за счет уменьшения использования вредных компонентов;
- направленные на разработку экологически чистых продуктов и применение эффективных процессов (способов) при создании таких продуктов за счет использования меньшего количества природных ресурсов и энергии.

Учитывая довольно широкую типологизацию «зеленых» инноваций, можно говорить о возможности многоаспектного использования инструментов сферы интеллектуальной собственности для развития «зеленых» (экологически безопасных) технологий.

Так, Dentsu International и Microsoft Advertising провели исследование, согласно которому более 90 % потребителей заинтересованы в брендах, для которых приоритетом является экологическая устойчивость товаров, услуг⁵. Как известно, для продвижения товаров на соответствующем рынке значительную роль играют средства индивидуализации: географические указания, наименования места происхождения товаров, товарные знаки (знаки обслуживания). Особое значение для сферы зеленых инноваций в последние годы стали приобретать «зеленые» товарные знаки. В марте 2022 года Ведомство по интеллектуальной собственности Европейского союза (European Union Intellectual Property Office, EUIPO) опубликовало результаты исследования, согласно которому с 1996 по 2021 год количество регистрируемых «зеленых» товарных знаков увеличилось. Как показало проведенное исследование, в 2021 году в EUIPO было подано 18 726 заявок на «зеленые» товарные знаки, что является рекордным показателем за все времена. Кроме того, доля заявлений на регистрацию «зеленых» европейских товарных знаков в общем объеме заявок увеличилась до 12 %⁶. При этом отнесение товарного знака к «зеленому» не предполагает использования в регистрируемом обозначении таких слов, как «экологический», «экологически чистый», «зеленый» и т.д. Более того, как отмечает К. Парк, в данной ситуации в регистрации товарного знака будет, скорее всего, отказано в связи с описательным характером обозначения либо ложным или способным ввести потребителя в заблуждение

---

⁵ Companies worldwide could face customer backlash if they fail to take action on climate change. URL: <https://www.dentsu.com/news-releases/the-rise-of-sustainable-media-global-release>.

⁶ Green EU Trade marks. Analysis of goods and services specifications. URL: https://euipo.europa.eu/tunnelweb/secure/webdav/guest/document_library/observatory/documents/reports/.

обозначением⁷. EUIPO исходит из того, что определение, является ли товарный знак «зеленым», должно зависеть от класса товара (по Международной классификации товаров и услуг, МКТУ) и конкретного вида товара, в отношении которого осуществляется регистрация знака. В частности, регистрация товарного знака в отношении товаров 7 класса МКТУ, а именно ветряных турбин и генераторов ветряных турбин, свидетельствует, по мнению EUIPO, об отнесении регистрируемого обозначения к «зеленым» товарным знакам⁸.

Еще одним инструментом в рамках системы интеллектуальной собственности, способствующим продвижению на рынке экологически чистой продукции, являются *сертификационные знаки*. Использование таких знаков предполагает наличие определенных стандартов и разработанных методик прохождения сертификационных процедур на соответствие стандартам деятельности, продуктов и т.д. Стандарты могут устанавливаться в отношении свойств товара, услуг, качества товаров (услуг), условий работы при производстве товаров и т.д. Правовой режим сертификационных знаков зависит от специфики той или иной национальной системы законодательства. В одних случаях сертификационные знаки выступают объектами интеллектуальных прав наряду с другими средствами индивидуализации или видами товарных знаков; в других – сертификационный знак регулируется специальным сертификационным законодательством. Так, по законодательству Евросоюза сертификационный знак есть вид товарного знака, регистрируемого на имя организации, признанной компетентной для проведения сертификационных процедур⁹. В Российской Федерации тоже используется система сертификационных знаков. Так, 11 июня 2021 г. был принят Федеральный закон № 159-ФЗ «О сельскохозяйственной продукции, сырье и продовольствии с улучшенными характеристиками». Организации, желающие подтвердить соответствие своей продукции установленным требованиям, могут пройти добровольную сертификацию, по результатам которой получат право использовать знак «Зеленый эталон». Последний зарегистрирован в Роспатенте в феврале 2022 г. как комбинированный товарный знак (свидетельство № 852677). Правообладателем является Министерство сельского хозяйства РФ.

Однако наиболее важную роль в системе интеллектуальных прав для смягчения последствий изменения климата играют *патентные права*. Пре-

⁷ Парк К. Зеленые товарные знаки и риск гринвошинга // Журнал ВОИС. 2022. № 4. URL: https://www.wipo.int/wipo_magazine/ru/2022/04/article_0006.html.

⁸ Green EU Trade marks. Analysis of goods and services specifications.

⁹ Ibid.

жде всего, «зеленые» технологии возможно зарегистрировать в качестве изобретений или полезных моделей, получив на объекты так называемый «зеленый» патент. В соответствии с Рамочной конвенцией ООН об изменении климата Всемирная организация по интеллектуальной собственности в 2010 году опубликовала «зеленый» реестр Международной патентной классификации, в котором установлены семь категорий областей, где выдаются «зеленые» патенты: производство альтернативной энергии, транспорт, энергосбережение, управление отходами, сельское и лесное хозяйство, административное управление, нормативно-проектная и атомная энергетика. Таким образом, «зеленый» патент предполагает, что он удостоверяет исключительное право на изобретения, относящиеся к одной из названных областей и направленные на решение климатических задач. В то же время в литературе существует и более узкая трактовка понятия «зеленый патент» – как патента на технологию, воздействие которой на климат меньше, чем у существующих запатентованных технологий¹⁰.

Как правило, в большинстве стран условия охраноспособности изобретений (полезных моделей) совпадают: новизна, изобретательский уровень, промышленная применимость (новизна, промышленная применимость для полезных моделей). Учитывая направленность рассматриваемых объектов, закономерным видится, что в поданной заявке на регистрацию должна быть отражена проблема, которую предполагается решить: предотвращение загрязнения окружающей среды, борьба с загрязнением окружающей среды, улучшение качества продуктов (повышение экологичности продукции). Указанная информация позволяет отнести представленное на регистрацию техническое решение к категории «зеленых» технологий и влияет на определение наличия признака «промышленная применимость». В отношении «зеленых» технологий в литературе высказывается также мнение о необходимости введения четвертого условия – соответствие экологическим стандартам, польза для здоровья населения и окружающей среды¹¹. На данный момент эта позиция не нашла поддержки у национальных законодателей, так как новое условие охраноспособности не может быть применимо к любым техническим решениям. Кроме того, экспертиза, определяющая степень воздействия изобретения на окружающую среду, является трудоемкой и не

¹⁰ Xiangning L. Green technology and patents: in the European context. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/9013522>.

¹¹ Farahzadi S. J. Green technologies, intellectual property regime and climate change. Ceneva, 2019.

всегда успешной: многие патентуемые объекты в зависимости от способа использования могут быть как экологически безопасными, так и способными нанести ущерб окружающей среде.

Несмотря на значительное количество запатентованных в мире «зеленых» технологий, в науке продолжается спор о том, является ли патент подходящим инструментом для стимулирования создания и продвижения экологических инноваций. Одна группа ученых считает, что патентная система не обеспечивает необходимое стимулирование зеленых патентов¹². Исходят они из того, что исключительное право на изобретение (полезную модель) дает возможность патентообладателю окупать затраты на НИОКР и получать прибыль от использования запатентованного объекта, а это приводит к разработке и регистрации технологий с более высокой рентабельностью и с более близкими результатами. Одним из следствий такого положения вещей является то, что патенты мало способствуют развитию фундаментальной науки, лежащей в основе многих «зеленых» инноваций. Патентная система не может стимулировать целый ряд инноваций, которые являются социально ценными, но неприбыльными, поскольку она опирается на модель «потребитель платит за инновации»¹³. Другая точка зрения сводится к тому, что инструменты патентного права наиболее приемлемы для защиты прав на «зеленые» технологии и продвижения на рынке «зеленых» инноваций, но для повышения стимулирования их разработки и дальнейшего использования требуется реформа патентного права¹⁴. Предлагаемые изменения связаны с сокращением сроков регистрации изобретений, вопросами лицензирования, расширением перечня объектов, не охраняемых в качестве изобретения (полезных моделей).

Поскольку спрос в мире на «зеленые» технологии становится все более актуальным, ряд стран ввели систему ускоренной патентной экспертизы. Впервые ускоренная регистрация изобретений была введена в Великобритании в 2009 году¹⁵. Первоначально система позволяла заявителям запрашивать ускоренное рассмотрение патентных заявок, если изобретение приносит

¹² Ofer Tur-Sinai, Patents and Climate Change: A Skeptic's View, 48 ENV'T L. 211, 213–17.

¹³ Dreyfuss R. C. The challenges facing IP systems: researching for the future // Kritika: Essays on intellectual property. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. Vol. 4. Pp. 1–46.

¹⁴ Rimmer M. A proposal for a Clean Technology Directive: European patent law and climate change // Journal of Renewable Energy Law and Policy. 2011. Vol. 3. Pp. 195–204.

¹⁵ Patents: accelerated processing. The Intellectual Property Office offers different methods of accelerating the processing of your patent application. URL: <https://www.gov.uk/guidance/patents-accelerated-processing>.

пользу окружающей среде. В 2010 году рамки этой ускоренной программы были расширены и в нее включены патентные заявки, которые переходят на национальную фазу Великобритании после получения положительного международного предварительного отчета о патентоспособности в соответствии с процедурой Договора о патентной кооперации (РСТ), подписанного в Вашингтоне 19 июня 1970 г. При этом заявители, претендующие на получение «зеленого» патента, должны указать: а) насколько применение будущих запатентованных объектов является экологически безопасным; б) какие действия они просят провести в сокращенные сроки: информационный поиск, экспертизу и/или публикацию¹⁶. Как показывает реализация данной программы в Великобритании, изобретения регистрируются примерно в течение одиннадцати месяцев с момента подачи заявки. Вслед за Великобританией аналогичные программы ускоренных процедур приняли США, Бразилия, Япония, Китай.

В настоящее время, с учетом национальной специфики, можно выделить несколько вариантов патентной ускоренной экспертизы:

1) *«общая» ускоренная патентная система*. В данном случае ускоренная экспертиза вводится для изобретений, имеющих принципиально важное значение для экономического или социального развития. То есть речь идет о сокращении сроков регистрационной процедуры не только для получения «зеленых» патентов. Примером патентного законодательства, предусматривающего такую систему, является законодательство Китая. Положение о приоритетной патентной экспертизе 2012 года (с изменениями 2017 года) устанавливает общий принцип, согласно которому предварительное рассмотрение применяется к патентным заявкам, касающимся технологий энергосбережения, защиты окружающей среды, информации нового поколения, биологии, производства высокотехнологичного оборудования, новой энергии, новых материалов и новых энергетических транспортных средств¹⁷. В соответствии с законодательством Китая после принятия заявки она рассматривается немедленно и решение по ней должно быть вынесено в течение одного года с даты подачи;

2) *ускоренная экспертиза для определенных видов изобретений*. В данном случае патентное законодательство вводит систему ускоренной экспертизы только для определенных видов технических решений, относящихся к

---

¹⁶ Patents: accelerated processing. The Intellectual Property Office offers different methods of accelerating the processing of your patent application.

¹⁷ Regulation on Prioritized Examination on Patent Applications at National Intellectual Property Administration of PRC // PRC Patent Prioritized Examination Regulation. 2017. 发明专利申请优先审查管理办法. URL: <https://www.wipo.int/wipolex/en/text/308730>.

«зеленым» технологиям. Такой подход характерен, например, для Бразилии. Ускоренная экспертиза, согласно бразильскому законодательству, предполагает, что заявка должна относиться к одной из перечисленных категорий «зеленых» технологий, которые соответствуют Международной патентной классификации Всемирной организации по интеллектуальной собственности¹⁸.

Аналогичный подход используется в законодательстве Южной Кореи. Для участия в ускоренной регистрации в этой стране заявки должны подпадать под любую из следующих технических категорий:

- 1) средства или методы предотвращения шума и вибрации, а также звукоизоляции и защиты от пыли;
- 2) средства или методы предотвращения загрязнения качества воды;
- 3) средства или методы предотвращения загрязнения воздуха;
- 4) средства или методы удаления отходов;
- 5) средства или методы управления экскрементами домашнего скота, их очистки и утилизации;
- 6) средства или методы переработки отходов;
- 7) средства или методы удаления сточных вод¹⁹.

С точки зрения защиты окружающей среды и решения климатических проблем подобный подход видится более верным, так как может стимулировать изобретателей и заинтересованные компании к более активному участию в соответствующих «зеленых» разработках.

Однако вариант введения ускоренных процедур получения патента предполагает, что на уровне соответствующих ведомственных актов должно проводиться разграничение «зеленых» и «незеленых» технологий. Страны, законодательство которых предусматривает ускоренную экспертизу, предлагают два варианта такой градации:

1) широкий подход к понятию «зеленых» технологий. В данном случае законодательство не детализирует виды технических решений, при регистрации которых можно получить «зеленый» патент. Для прохождения ускоренной процедуры заявитель должен в заявке на регистрацию изобретения сослаться на экологичность регистрируемого технического решения и отсутствие неблагоприятного влияния на окружающую среду. Страны, выбирающие такой подход, апеллируют к необходимости охватить как можно больше «зеленых» изо-

¹⁸ Szabas C. Understanding the Brazilian green patent fast-track. 2019. URL: <https://www.dennemeyer.com/ip-blog/news/understanding-the-brazilian-green-patent-fast-track>.

¹⁹ Lane E. L. Green Patent blog: Speed bumps emerge on KIPO green tech fast track. URL: <https://www.lexisnexis.com/legalnewsroom/intellectual-property/b/patent-law-blog/posts/green-patent-blog-speed-bumps-emerge-on-kipo-green-tech-fast-track>.

бретений и устраниТЬ формальные барьеры для заявителей. Именно такой подход выбран, например, в законодательстве Великобритании;

2) узкий подход к понятию «зеленых» технологий для целей патентного права. В этом случае в национальном законодательстве устанавливается закрытый перечень технологий, относимых к категории «зеленые». Как правило, формируя исчерпывающий перечень, страны исходят из своих национальных экологических предпочтений и тех климатических проблем, которые необходимо решить. Например, в Японии ускоренная процедура регистрации введена только в отношении технологий, связанных с энергосбережением и способствующих сокращению выбросов углекислого газа²⁰.

Несмотря на введение во многих странах ускоренной регистрации «зеленых» изобретений, по-прежнему нет единого мнения относительно ее необходимости и целесообразности. Одни считают, что сокращение сроков проведения регистрационных процедур создает конкурентные преимущества для компаний: последние могут использовать патенты для привлечения инвестиций, разработки дополнительных продуктов, создания новых рабочих мест²¹. Особо это характерно для стартапов. Иные авторы отмечают, что сокращенные сроки регистрации могут быть невыгодны патентообладателям. Компания будет заинтересована в продолжительной процедуре, так как она дает ей время определить, является ли изобретение коммерчески успешным, и сформировать необходимые условия для продвижения технологии на рынке²². Учитывая, что сокращенные сроки экспертизы могут подходить не любому будущему патентообладателю, в названных странах право выбора между обычной и ускоренной процедурами регистрации «зеленых» изобретений всегда принадлежит заявителю.

Следующей мерой, которая видится зарубежным ученым вариантом предотвращения климатического кризиса, является введение «замедленной» процедуры регистрации технологий, загрязняющих окружающую среду. При этом последние понимаются весьма широко – как технологии, применение (использование) которых непосредственно приводит к нанесению ущерба

²⁰ Tso H.-M.. Introduction to prioritized and expedited patent examination procedures (part two) Chapter of Japan. URL: <https://www.obwbip.com/newsletter/introduction-to-prioritized-and-expedited-patent-examination-procedures-part-two-chapter-of-japan>.

²¹ Nothhaft H. R., Kline D. The biggest job creator you never heard of: The patent office // Harvard Business Review. 2010. May 06.

²² Patents Fast Grant Guidance. 2016. URL: <https://www.gov.uk/government/publications/patents-fast-grant/patents-fast-grant-guidance>.

ба окружающей среде или ускорению глобального изменений климата²³. Однако данное предложение в большинстве своем не находит поддержки. И для этого есть основания:

1. Увеличение сроков рассмотрения заявки может негативно отразиться на деятельности заявителей, особенно тех из них, кто рассчитывает на инвестиции под патенты.

2. Негативные последствия для заявителей могут привести к тому, что технологии не будут регистрироваться как изобретения, а в отношении них будет выбираться режим коммерческой тайны²⁴. В этом случае новые разработки не попадут в уровень техники, что не позволит на их основе провести новые разработки, а кроме того, данная ситуация будет способствовать внедрению в практику «незеленых» технологий.

3. Увеличение сроков может повлечь неблагоприятные последствия для патентных ведомств, так как количество находящихся на рассмотрении заявок будет увеличиваться.

Некая альтернатива замедленной экспертизе, преследующая ту же цель – сделать максимально непривлекательной разработку технологий, наносящих вред окружающей среде, – это исключение из числа патентуемых объектов подобных решений. Указанная точка зрения основана прежде всего на положениях пункта 2 статьи 27 Соглашения по торговым аспектам прав интеллектуальной собственности от 15 апреля 1994 года (ТРИПС), в соответствии с которым «члены могут исключить из области патентуемых изобретения, коммерческое использование которых необходимо предотвратить в пределах их территорий для охраны общественного порядка или морали, включая охрану жизни и здоровья людей, животных или растений, или чтобы избежать серьезного ущерба окружающей среде, при условии, что подобное исключение не делается только в силу того, что использование запрещено их законодательством». Таким образом, для отказа в регистрации в качестве изобретения технического решения, способного при реализации загрязнять окружающую среду, возможно использовать две оговорки: «охрана общественного порядка» и «серьезный ущерб окружающей среде». И несмотря на то что в ряде национальных законодательств не предусмотрен в качестве основания непатентоспособности «ущерб окружающей среде», эта оговорка

---

²³ Xiangning L. Op. cit.

²⁴ Protecting innovation through patents and trade secrets: evidence for firms with a single innovation / D. Crass, F. G. Valero, F. Pitton et al. // International Journal of the Economics of Business. 2019. Vol. 26, № 1. Pp. 117–156.

видится более логичной по сравнению с «охраной общественного порядка», так как последняя довольно узко определяется национальными патентными ведомствами и поэтому вряд ли может эффективно применяться.

После получения патента «зеленые» технологии необходимо применять на практике. И поскольку исключительное право предоставляет патентообладателю возможность контролировать использование изобретений, что не всегда сочетается с публичными интересами, то в законодательстве большинства стран мира разрабатываются пути, способствующие продвижению «зеленых» технологий в интересах общества. К таковым в настоящее время относят принудительное лицензирование, патентные пулы и открытые лицензии.

Изложенное позволяет сделать вывод о том, что реализация политики государства в области защиты окружающей среды требует создания и использования «зеленых» технологий. Несмотря на все возрастающую роль различных объектов интеллектуальной собственности в преодолении неблагоприятных климатических изменений, первостепенное значение продолжают играть объекты патентных прав. Ряд научных инициатив, такие как введение дополнительного условия охраноспособности изобретений и увеличение сроков рассмотрения заявок на неблагоприятные для экологии технические решения, в настоящее время вряд ли обоснованы. В то же время введение ускоренной процедуры патентования «зеленых» технологий, открытых лицензий на использование «зеленых» изобретений доказало свою эффективность и может быть воспринято в российском законодательстве.

Библиографический список

Парк К. Зеленые товарные знаки и риск гринвашинга // Журнал ВОИС. 2022. № 4. С. 32–37.

Ramus K. A. Encouraging innovative environmental actions: What companies and managers must do // Journal of World Business. 2002. Vol. 37, № 2. Pp. 151–164.

Dreyfuss R. C. The challenges facing IP systems: researching for the future // Kritika: Essays on intellectual property. Northampton: Edward Elgar Publishing, 2020. Vol. 4. Pp. 1–46.

Farahzadi S. J. Green technologies, intellectual property regime and climate change. Ceneva, 2019.

Hall B. H., Helmers C. Innovation and Diffusion of clean/green technology: Can patent commons help? // Journal of Environmental Economics and Management. 2013. № 66. Pp. 33–51.

Lane E. L. Green Patent blog: Speed bumps emerge on KIPO green tech fast track. URL: <https://www.lexisnexis.com/legalnewsroom/intellectual-property>

[ty/b/patent-law-blog/posts/green-patent-blog-speed-bumps-emerge-on-kipo-green-tech-fast-track](https://b/patent-law-blog/posts/green-patent-blog-speed-bumps-emerge-on-kipo-green-tech-fast-track).

Nothhaft H. R., Kline D. The biggest job creator you never heard of: The patent office // Harvard Business Review. 2010. May 06. URL: <https://hbr.org/2010/05/the-biggest-job-creator-you-ne>.

Nunez C. What is global warming, explained: the planet is heating up – and fast. URL: <https://www.nationalgeographic.com/environment/globalwarming/globalwarming-overview/>.

Protecting innovation through patents and trade secrets: evidence for firms with a single innovation / D. Crass, F. G. Valero, F. Pitton et al. // International Journal of the Economics of Business. 2019. Vol. 26, № 1. Pp. 117–156.

Rimmer M. A proposal for a Clean Technology Directive: European patent law and climate change // Journal of Renewable Energy Law and Policy. 2011. Vol. 3. Pp. 195–204.

Szabas C. Understanding the Brazilian green patent fast-track. 2019. URL: https://www.dennemeyer.com/ip-blog/news/_understanding-the-brazilian-green-patent-fast-track.

Tso H.-M. Introduction to prioritized and expedited patent examination procedures (part two) Chapter of Japan. URL: <https://www.obwbip.com/newsletter/introduction-to-prioritized-and-expedited-patent-examination-procedures-part-two-chapter-of-japan>.

Xiangning L. Green technology and patents: in the European context. URL: <https://lup.lub.lu.se/student-papers/search/publication/9013522>.

Информация для цитирования

Михайлов С. Г., Михайлова Н. С. Патенты на «зеленые» технологии: пути совершенствования законодательства // Ex jure. 2023. № 3. С. 132–144. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-132-144.

Mikhailov S. G., Mikhailova N. S. Patents for “Green” Technologies: Ways to Improve Legislation. *Ex jure*. 2023. № 3. Pp. 132–144. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-132-144.

УДК 347.626
DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-145-167

РАЗДЕЛ ОБЩЕГО ИМУЩЕСТВА СУПРУГОВ
В РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ:
СПОРНЫЕ ВОПРОСЫ ТЕОРИИ,
ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВА И ПРАВОПРИМЕНЕНИЯ

А. Ф. Пьянкова

Кандидат юридических наук, доцент,
доцент кафедры гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, г. Россия, Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: ryankova-af@yandex.ru

Т. В. Шершень

Кандидат юридических наук, доцент,
зав. кафедрой гражданского права

Пермский государственный
национальный исследовательский университет
614990, Россия, г. Пермь, ул. Букирева, 15

E-mail: tamaraaur@yandex.ru

Аннотация: статья посвящена таким аспектам раздела имущества супругов, как раздел бизнес-активов и обязательств. Обращается внимание на то, что с введением в действие Семейного кодекса Российской Федерации структура экономического базиса среднестатистической российской семьи существенно изменилась. Сде-

---

© Пьянкова А. Ф., Шершень Т. В. , 2023

лан вывод о том, что при разделе акций или долей в уставном капитале хозяйственного общества крупный пакет акций должен признаваться неделимой вещью и передаваться тому супругу, который участвовал в деятельности общества. Подчеркнуты риски, связанные с ведением предпринимательской деятельности в форме ИП одним из супружеских. Указано на невозможность раздела аккаунта в социальной сети, а также на сложности с разделом криптовалюты. Обращено внимание на отсутствие в законодательстве презумпции общности долгов супружеских. Подвергнута критике практика, в соответствии с которой финансовый управляющий, следя за правилам специального закона «О несостоятельности (банкротстве)», включает в конкурсную массу супруга-должника все общее имущество обоих супружеских (бывших супружеских), производит реализацию этого имущества и лишь после удовлетворения требований кредиторов в пределах доли супруга-должника, если остаются какие-то средства, эти средства выдаются супругу должника. Дебатируется признание налоговых обязательств общими обязательствами супружеских.

Ключевые слова: раздел общего имущества супружеских; семейный бизнес; бизнес-активы; криптовалюта; аккаунт; общие и совместные долги супружеских; предпринимательская деятельность

MARITAL PROPERTY' DIVISION: ISSUES OF THEORY, LEGISLATION AND LAW ENFORCEMENT

A. F. Pyankova

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: pyankova-af@yandex.ru

T. V. Shershenn

Perm State University
15, Bukireva st., Perm, 614990, Russia

E-mail: tamaraaur@yandex.ru

Abstract: the article is devoted to such aspects of marital property' division as the division of business assets and liabilities. Attention is drawn to the fact that since the introduction of the Family Code of the Russian Federation,

the structure of the economic basis of an average Russian family has changed significantly. It is concluded that when dividing, a large block of shares should be recognized as an indivisible thing and transferred to the spouse who was doing the business of the company. It is emphasized that doing business as an individual entrepreneur by one of the spouses is rather risky. The impossibility of sectioning an account on a social network is indicated, as well as the difficulties with the division of cryptocurrency. Attention is drawn to the absence in the legislation of the presumption of the community of spouses' debts. It's criticized that the financial manager, in accordance with the rules of the special law "On Insolvency (Bankruptcy)", includes in the bankruptcy estate all the common property of both spouses (former spouses), sells this property, and only after satisfying the requirements of creditors within the share of the debtor spouse, if any funds remain, these funds are issued to the debtor's spouse. The recognition of tax liabilities as common obligations of spouses is debated.

Keywords: *division of marital property; family business; business assets; cryptocurrency; account; common and joint debts of spouses; entrepreneurial activity*

С момента принятия Семейного кодекса Российской Федерации¹ прошло уже более двадцати пяти лет. С тех пор экономический базис современной семьи существенно изменился. В случае расторжения брака супруги делят уже не только (и не столько) мебель, предметы быта, но и гораздо более сложные активы, которые и в гражданском законодательстве зачастую не определены (неясен их правовой режим как объектов гражданских прав), не говоря уже о процедуре раздела имущества супругов в праве семейном. Между тем в Семейный кодекс РФ в части, касающейся имущественных отношений супругов, изменения вносились лишь трижды и были связаны:

- с уточнением правового режима исключительного права и отнесением его к раздельному имуществу в связи с принятием части четвертой Гражданского кодекса Российской Федерации² (п. 3 ст. 36 СК РФ в 2006 г.);
- приданием нотариальной формы соглашению о разделе имущества (п. 2 ст. 38 в 2015 г.);
- сменой парадигмы с защиты прав добросовестного супруга, не заключавшего сделку, на защиту прав контрагента недобросовестного супруга

---

¹ Семейный кодекс Российской Федерации: Федер. закон от 29 дек. 1995 г. № 223-ФЗ: принят Гос. Думой 8 дек. 1995 г. (ред. от 28.04.2023). Далее – Семейный кодекс РФ, СК РФ.

² Гражданский кодекс Российской Федерации (часть четвертая): Федер. закон от 18 дек. 2006 г. № 230-ФЗ: принят Гос. Думой 24 нояб. 2006 г.: одобрен Советом Федерации 8 дек. 2006 г. (ред. от 05.12.2022). Далее – Гражданский кодекс РФ, ГК РФ.

(п. 3 ст. 35) и соответственной коррекцией статьи 39 в целях соблюдения баланса интересов в 2022 году.

В настоящей статье речь пойдет о некоторых спорных моментах, возникающих при разделе общего имущества супругов и не нашедших до настоящего времени адекватного отражения в российском законодательстве.

Раздел бизнес-активов супругов

Если в 1990-е годы супруги делили в основном мебель и предметы быта, в лучшем случае – квартиру, то сегодня ситуация иная: всё больше семей имеет собственный бизнес, пусть небольшой. Однако вопросы его раздела в семейном законодательстве никак не урегулированы. При разделе бизнеса возможно несколько вариантов:

1) бизнес был действительно семейный, с обоюдным личным участием супругов в ведении дел;

2) предпринимательскую деятельность в разных формах осуществлял лишь один из супругов. В то же время доходы от предпринимательской деятельности, в силу статьи 34 СК РФ, относятся к общей совместной собственности.

Формы ведения бизнеса тоже могут отличаться. Если предпринимательская деятельность осуществляется через хозяйственные общества, то доля в уставном капитале общества с ограниченной ответственностью (ООО) либо акции акционерного общества (АО) также образуют общую совместную собственность. В этом случае, по крайней мере, имущество и долги общества обособлены от семейного имущества. Если же бизнес ведется в форме ИП, то все имущество и все долги, относящиеся к предпринимательской деятельности, по сути, никак не обособлены от семейного имущества. Это порождает множество проблем. При этом один из супругов может зарегистрироваться как ИП, а предпринимательская деятельность может вестись и обоими супругами. Рассмотрим различные аспекты заявленной проблематики.

Семейное предпринимательство и расторжение брака

В юридической науке получил распространение дискурс, связанный с семейным предпринимательством. Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года³ ставит в качестве одной из задач развитие экономической самостоятельности семьи и создание условий для самостоятельного выполнения ею своей социальной

---

³ Концепция государственной семейной политики в Российской Федерации на период до 2025 года: утв. распоряжением Правительства Рос. Федерации от 25 авг. 2014 г. № 1618-р.

функции, в том числе развитие предпринимательства и обучение членов семьи основам семейного предпринимательства и ведения бизнеса. По мнению М. Д. Шапсуговой, специфическими признаками семейного предпринимательства являются родственная связь и наличие общего семейного интереса⁴. Не вдаваясь в дискуссию о понятии семейного предпринимательства, которая не является предметом данной статьи, отметим, что пока в отношении этого понятия больше вопросов, чем ответов⁵. Как справедливо указывает А. Н. Левушкин⁶, семейный бизнес основан на личнодоверительных отношениях. В случае расторжения брака такие личнодоверительные отношения утрачиваются. Поэтому, настаивает автор, необходимо законодательно определить последствия утраты семейноправового статуса для семейного предприятия. Как именно должно быть конкретизировано законодательство, А. Н. Левушкин не уточняет. В то же время семейное предприятие, каким его видят разработчики проекта Федерального закона «О внесении изменений в Федеральный закон “О развитии малого и среднего предпринимательства в Российской Федерации” в части закрепления понятия “семейное предприятие”», основано не только на супружеских, но и на иных родственных связях: к членам семьи разработчики законопроекта отнесли супругов, их родителей, детей, братьев, сестер, внуков, а также дедушек и бабушек каждого из супругов, братьев и сестер родителей каждого из супругов, усыновителей, усыновленных. Так что если супруги расторгли брак, а в семейное предприятие входят иные родственники, это не должно влиять на статус самого предприятия. Думается, в случае появления в законодательстве категории «семейное предприятие» ее должно использовать сугубо в целях выделения критериев для социальной поддержки таких предприятий. С частноправовой точки зрения семейное предприятие не будет обладать специфичными признаками; раздел его и выдел доли будет происходить по правилам, предусмотренным для любого другого бизнеса.

---

⁴ Шапсугова М. Д. Семейное предприятие: подходы к формализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 172.

⁵ Противоречия в понятии семейного предпринимательства выпулены подсвечены в статье В. В. Богдан. См.: Богдан В. В. Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки // Семейный бизнес & качество правовой среды / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 19–34.

⁶ Левушкин А. Н. Семейный бизнес в условиях коронавирусной инфекции (COVID-19) и обеспечение качества правовой среды. С. 66.

Раздел доли в ООО и акций

На первый взгляд раздел таких объектов гражданских прав не должен вызывать вопросов. Они являются делимыми. Как правило, суды включают такие доли/акции в состав общего имущества и делят их сообразно присуждаемым долям. Вместе с тем владеть 51 % акций/доли в уставном капитале ООО или владеть 25,5 % соответствующих акций/долей – это, что называется, две большие разницы. Думается, следует предоставить возможность требовать признания такого имущества неделимым с предоставлением другому супругу компенсации.

Еще одна сложность заключается в том, что устав ООО может содержать требование согласия иных участников на вступление нового участника. И здесь есть две точки зрения:

1. Требование согласия иных участников распространяется только на сделки, но не на решения суда⁷.

2. По мнению Конституционного Суда РФ, важной особенностью ООО является стабильный состав его участников, что обусловлено сочетанием в данной организационно-правовой форме личностного и материального элементов. Поэтому участники вправе, принимая устав, ограничить отчуждение долей в уставном капитале третьим лицам. Внесение одним из супружеских вклада в уставный капитал предполагает, что другой супруг дал согласие на такое распоряжение их общим имуществом, тем самым согласившись с положениями устава ООО. Запрет на отчуждение либо необходимость получить согласие других участников устанавливаются для всех способов отчуждения доли или части доли третьим лицам⁸.

Представляется, что позиция Конституционного Суда РФ позволяет обеспечить баланс интересов супружеских пар и участников ООО. Таким образом, бывший супруг, не имевший в период брака отношения к деятельности общества, должен получать лишь компенсацию стоимости доли.

---

⁷ См., например: Постановление Федерального арбитражного суда Московского округа от 1 окт. 2020 г. по делу № А40-324092/2019.

⁸ Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Соловьевой Татьяны Алексеевны на нарушение ее конституционных прав положением пункта 2 статьи 21 Федерального закона «Об обществах с ограниченной ответственностью»: определение Конституционного Суда РФ от 3 июля 2014 г. № 1564-О.

Раздел имущества при ведении дел одним из супругов в качестве предпринимателя

Если супруг занимается предпринимательской деятельностью без образования юридического лица, раздел имущества усложняется. При отсутствии здесь так называемой «корпоративной вуали» все приобретенное и используемое для осуществления предпринимательской деятельности имущество формально относится к общей совместной собственности супружов. Еще сложнее, если оба супруга участвуют в предпринимательской деятельности, а ИП зарегистрировано только у одного из них.

До Верховного Суда РФ дошло весьма интересное дело. Супруга вела аптечный бизнес, будучи зарегистрированной как ИП. При расторжении брака ее бывший супруг претендовал в том числе на половину рыночной стоимости ее предприятия. Суды первой и апелляционной инстанций включили бизнес в общий перечень и признали право бывшего супруга на компенсацию в размере 2,6 млн рублей. Они исходили из того, что супруги организовали аптечную торговлю, когда еще жили вместе и вкладывали в нее общие средства. Верховный Суд РФ отменил данные судебные акты, указав, что «сам бизнес самостоятельным объектом права, предусмотренным гражданским законодательством, не является, а представляет собой деятельность, ведение которой происходит в одной из организационно-правовых форм коммерческих организаций, а также индивидуальными предпринимателями»⁹. При этом в общее совместное имущество, согласно статье 34 СК РФ, попадает все, что ИП приобрел во время брака, а также доходы от предпринимательской деятельности. Эти объекты и подлежат разделу. Нельзя не согласиться с Верховным Судом РФ в том, что бизнес не является объектом гражданских прав. В то же время подход высшей судебной инстанции также вызывает сомнения. К примеру, если ИП приобрел для осуществления своей деятельности ряд объектов гражданских прав (офисное здание, производственный цех, а также все, чем эти здания оборудованы)¹⁰, формальный раздел этих объектов пополам явно нарушит баланс ин-

---

⁹ Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 26 марта 2019 г. № 81-КГ19-2.

¹⁰ Так, в другом деле магазин с товарно-материалыми ценностями, использовавшийся однажды из супружеского для осуществления предпринимательской деятельности в форме ИП, был признан общей совместной собственностью супружеского. См.: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 1 ноября 2022 г. № 19-КГ22-27-К5.

тересов. Думается, такое имущество следует признать имущественным комплексом, а значит, оно не может подлежать разделу. Целевое назначение такого имущества – служить для соответствующей предпринимательской деятельности. Поэтому присуждение компенсации в такой ситуации будет наиболее справедливым решением в том случае, если другой супруг никакого участия в бизнесе не принимал.

В другом деле судам пришлось делить крестьянское (фермерское) хозяйство (КФХ). ИП было зарегистрировано на супруга, а жена помогала лишь фактически, формально не являлась членом этого хозяйства. Супруг просил исключить из перечня общего имущества сельскохозяйственную технику и земельные участки, а также 80 тонн семечек, как принадлежащие КФХ. Суд первой инстанции отнес все это имущество к совместно нажитому. Суд апелляционной инстанции указал, что плоды, продукция и доходы, полученные в результате деятельности крестьянского (фермерского) хозяйства, являются общим имуществом членов крестьянского (фермерского) хозяйства и используются по соглашению между ними. То есть 80 тонн семечек – это не личный доход супруга. Иное имущество также принадлежит КФХ, членом которого супруга не являлась¹¹. Однако Верховный Суд РФ направил дело на пересмотр, указав, что поскольку КФХ принадлежало мужу, поскольку все активы он приобретал на общие средства.

Чаще всего при ведении предпринимательской деятельности одним из супружеских пар возникает вопрос не о разделе бизнеса как такового, а о разделе доходов от данной деятельности. В связи с этим существенное значение имеют разъяснения Верховного Суда РФ: «...фактическое перечисление денежных средств на счет одного из супружеских пар после расторжения брака не изменяет режим общего имущества супружеских пар и не лишает бывшего супруга права на получение части этих средств при их разделе»¹². Определяющим, по мнению Верховного Суда РФ, является момент, когда у ИП возникло право на получение встречного предоставления по сделкам, а не момент фактического исполнения обязательств.

---

¹¹ Апелляционное определение Ставропольского краевого суда от 6 февр. 2018 г. по делу № 33-507/18.

¹² Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации № 1 (2020) (утв. Президиумом Верховного Суда РФ 10 июня 2020 г.) // Бюллетень Верховного Суда РФ. 2020. № 10. С. 20.

Из сказанного можно сделать следующие выводы:

1. ИП как форма ведения бизнеса одним из супругов влечет существенные риски в случае расторжения брака. Супругам можно порекомендовать избирать другие правовые формы предпринимательской деятельности либо заключение брачного договора.

2. Необходимо внести изменения в Семейный кодекс РФ, дабы конкретизировать порядок раздела имущества при ведении предпринимательской деятельности одним из супругов¹³.

Раздел аккаунта в социальной сети как способа ведения семейного бизнеса

Развивается мир – меняются и формы ведения бизнеса. Так, все прочее в нашу жизнь входят социальные сети. По данным отчета Global Digital 2023, на начало 2023 года социальные сети насчитывали 4,76 млрд пользователей, что составляет чуть менее 60 % от общей численности населения мира¹⁴. Для большинства пользователей это способ развлечься, но наиболее предпримчивые неплохо зарабатывают на таких страничках. Ведение аккаунта в популярной соцсети – отличный вариант семейного бизнеса. В 2020 году семья блогеров застала московский суд врасплох требованием о разделе совместного аккаунта в запрещенной ныне социальной сети. Тематика блога – активная жизнь, путешествия, спорт. У супругов было более миллиона подписчиков, а доходы от рекламы в месяц, по сообщениям медиа, превышали 300 тыс. рублей¹⁵.

Однако чтобы понять, как делить аккаунт, надо понять, что он собой представляет. Одни авторы рассматривают аккаунт как учетную запись, содержащую информацию о пользователе. Так, в литературе популярно оп-

---

¹³ В качестве примера можно привести регулирование Гражданского уложения Германии, согласно которому сельскохозяйственное или лесохозяйственное предприятие при разделе имущества супругов должно оцениваться по размеру приносимого дохода (§ 1376). Вообще, для занятия одним супругом деятельностью, приносящей доход, по законодательству Германии требуется согласие другого супруга (§ 1431). Далее второй супруг согласия на совершение сделок, совершаемых в процессе такой деятельности, не даёт. См.: Гражданское уложение Германии. Вводный закон к Гражданскому уложению / пер. с нем.; науч. ред. Т. Ф. Яковлев. М.: Инфотропик медиа, 2015.

¹⁴ Вся статистика интернета и соцсетей на 2023 год – цифры и тренды в мире и России. URL: <https://www.web-canape.ru/business/statistika-interneta-i-socsetej-na-2023-god-cifry-i-trendy-v-mire-i-v-rossii/>.

¹⁵ Комментарий Екатерины Тягай о разделе аккаунта в Instagram при разводе. URL: <https://www.pen-paper.ru/novosti/pressa-o-pen-i-paper/komentarij-ekaterinyi-tyagaj-o-razdelenii-akkaunta-v-instagram-pri-razvode/>.

ределение, данное Е. Е. Кирсановой: «Аккаунт – учетная запись пользователя в информационной системе, содержащая идентифицирующую и (или) контактную информацию о нем, а также дополнительные данные, в зависимости от свойств информационной системы и целей обработки данных (например, историю покупок, информацию об активности в интернет-сети и т.д.)»¹⁶. Другой взгляд на аккаунт сформировался через призму интеллектуальной собственности. Так, Е. С. Котенко называет сам аккаунт составным произведением¹⁷. В отношении первой дефиниции можно сказать, что она не дает ключа к пониманию гражданско-правовой природы аккаунта. Что касается второй, то она не имеет универсального характера. Далеко не на всех личных страницах пользователей соцсетей выкладывается контент, на который распространяются интеллектуальные права, иные страницы состоят исключительно из репостов. Это во-первых. Во-вторых, объектами интеллектуальных прав являются всё же отдельные материалы, выложенные на странице. Аккаунт в целом, как будет показано ниже, не может рассматриваться как объект интеллектуальных прав пользователя. Обратимся к Правилам пользования сайтом «ВКонтакте»¹⁸ (далее – Правила ВК), одной из наиболее популярных сегодня в России социальных сетей¹⁹. Согласно пункту 3.1 Правил ВК, «права на Сайт в целом и на использование сетевого адреса (доменного имени) <http://vk.com> принадлежат Администрации Сайта. Последняя предоставляет доступ к Сайту всем заинтересованным лицам». «Права на домен Сайта, включая его поддомены, принадлежат Администрации Сайта, соответственно последняя вправе в любой момент и без объяснения причин снять поддомен Пользователя, передать поддомен третьему лицу либо использовать в своих целях» (п. 5.13.2). Таким образом, персональная страница не переходит в собственность правообладателя. Соответствующие интеллектуальные права возникают у пользователей сайта на контент, публикуемый на странице, но не на саму страницу!

---

¹⁶ Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021. С. 12. Аналогичного мнения придерживается И. С. Шихамиров. См.: Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука. 2021. № 6-2. С. 87.

¹⁷ Котенко Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // Lex Russica. 2013. Т. 95, № 6. С. 601–615.

¹⁸ Правила пользования сайтом «ВКонтакте». URL: <https://vk.com/terms?ysclid=lgwhmxmte712499811>.

¹⁹ Топ-10 российских социальных сетей. URL: <https://otzyvmarketing.ru/articles/top-10-rossijskih-socialnyh-setej/?ysclid=lgx406erpq4600977089>.

В отношении страниц сообществ «ВКонтакте» прямо подчеркивается, что «пользователь не приобретает какие-либо исключительные права на Сообщество... поскольку Сообщество является разделом Сайта» (п. 5.13.1.)²⁰.

Исходя из этого, можно сказать, что между пользователем и администрацией соцсети «ВКонтакте» складываются обязательственные договорные отношения. Регистрируясь на сайте, пользователь акцептует Правила ВК. Предметом договора является предоставление администрацией сайта в пользование страницы веб-сайта для публикации личного контента. Формально со стороны пользователя правоотношение безвозмездно, но по сути формой возмездности является согласие на обработку персональных данных, которые затем в обезличенном виде продаются брокерам данных, а также согласие на получение рекламы и таргетированной рекламы (п. 5.6). Таким образом, ни о каком разделе аккаунта супругов-блогеров не может идти речи: нельзя поделить то, что тебе не принадлежит. Супруги могут лишь договориться о порядке пользования аккаунтом. В то же время Правила ВК запрещают передачу логина и пароля третьим лицам (п. 5.9). «Если договором был предусмотрен запрет уступки права на получение неденежного исполнения, соглашение об уступке может быть признано недействительным по иску должника только в случае, когда доказано, что другая сторона соглашения знала или должна была знать об указанном запрете» (п. 4 ст. 388 ГК РФ²¹). Поскольку Правила ВК являются общедоступными и каждый пользователь соглашается с ними, поскольку предполагается, что любой пользователь «ВКонтакте» с этим знаком. Получается, что мы не можем передать логин и пароль другому лицу. Между тем жизнь нередко требует такой передачи – например, при продаже бизнеса необходимо передать страницы в социальных сетях. Более того, в Интернете можно найти целые биржи по продаже страниц в соцсетях. Кроме того, во всем мире остается открытым вопрос о наследовании социальных сетей²². Думается, что в перспективе социальные сети предусмотрят механизмы передачи прав на страницу.

---

²⁰ Аналогичные правила действуют и в запрещенной социальной сети Instagram. См., например: Богдан В. В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. Вып. 5. С. 137–138.

²¹ Гражданский кодекс Российской Федерации (часть первая): Федер. закон от 30 нояб. 1994 г. № 51-ФЗ: принят Гос. Думой 21 окт. 1994 г. (ред. от 14.04.2023).

²² См.: Шихамиров И. С. Указ. соч. С. 80.

Раздел криптовалюты

Подобные споры пока не получили широкого распространения. Вместе с тем в литературе отмечается, что вопрос доказывания принадлежности криптовалюты конкретному лицу с технической точки зрения крайне сложен. Криптовалюта является цифровой записью и не имеет реальной стоимости. Все операции с криптовалютой децентрализованы, а криптовалютные кошельки анонимны. Технически крайне сложно установить, кому именно принадлежит тот или иной кошелек и сколько у конкретного человека криптовалюты на различных счетах. Как разделить цифровой код между супругами, тоже пока неясно, и чаще всего суды в этом отказывают²³. Так, в 2019 году Ленинский районный суд Санкт-Петербурга не усмотрел «оснований для удовлетворения требования истца о признании цифровых финансовых активов – токенов Russian Mining Coin (RMC) – совместно нажитым имуществом супружов, поскольку истцом не представлено допустимых, достоверных и достаточных доказательств в подтверждение факта приобретения ответчиком указанных финансовых активов в период брака» (дело № 2-393/2019). В то же время криптовалюту уже признают имуществом в рамках дел о банкротстве и в ходе исполнительного производства. Иное отношение к ней в рамках бракоразводных процессов является несправедливым.

Проблема разграничения общих и личных обязательств супружов, общих и совместных обязательств супружов

В теории, законодательстве и судебной практике России до настоящего времени однозначно не решен вопрос о соотношении и разграничении общих и личных обязательств супружов, о допустимости распространения прецедентной общности имущества супружов на долговые обязательства, о соотношении общих и совместных обязательств супружов. Споры о разделе общего имущества между супружами (бывшими супружами) зачастую сопровождаются требованиями разделить не только так называемый актив (имущество, нажитое в период брака: жилые и нежилые помещения, здания, строения, земельные участки, предприятия и иные имущественные комплексы, транспортные средства, ценные бумаги, доли в хозяйственных обществах,

---

²³ Мустафин Р. Ф., Мустафина С. А., Казарян А. А. Особенности международного правового режима «раздела» криптовалюты как имущества в бракоразводном процессе // Аграрное и земельное право. 2022. № 2. С. 46–48.

иные объекты предпринимательской деятельности²⁴, которые подчиняются режиму общей совместной собственности супружов), но и пассив (долговые обязательства супружов). Всё чаще начиная с 1 октября 2015 года, после введения норм о потребительском банкротстве (банкротстве физического лица)²⁵, со стороны практикующих юристов звучат, как представляется, не всегда справедливые упреки в адрес Семейного кодекса РФ, что он «устарел и недостаточно регулирует имущественные отношения в современных реалиях»²⁶, что порождает многочисленные судебные споры и разные подходы к их разрешению.

Для устранения существующих пробелов и актуализации норм действующего законодательства, регулирующего имущественные отношения супружов, 14 ноября 2019 года на рассмотрение Государственный Думы РФ был внесен законопроект № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации»²⁷. Цель законопроекта, как было указано в пояснительной записке, – приведение норм семейного законодательства, регулирующих имущественные отношения супружов, в соответствие с правилами гражданского законодательства, а также положений законодательства о банкротстве и законодательства о государственной регистрации недвижимости в соответствие с правилами гражданского и семейного законодательства. Отрадно, что, по мнению разработчиков законопроекта, смысл и назначение института общей совместной собственности супружов в целом

²⁴ См.: Зубарева О. Г. Семейный бизнес: проблемы правоприменения, поиск компромисса // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 55–61; Карелина С. А., Фролов И. В. Семейный бизнес и проблемы формирования конкурсной массы в условиях финансовой несостоятельности (банкротства) супружов (бывших супружов): отечественный и зарубежный опыт // Там же. С. 304–317; Матвеев И. В. Ответственность членов семьи как контролирующих лиц должника при банкротстве // Там же. С. 325–332; Тагаева С. Н. Раздел имущества индивидуального предпринимателя как субъекта брачного правоотношения // Там же. С. 248–256; Телюкина М. В. Совместное банкротство супружов. Некоторые проблемы // Там же. С. 370–380.

²⁵ По данным Банка России, в 2015 году физическим лицам было выдано кредитов на сумму 5,9 трлн рублей. Почти каждая семья сталкивается с необходимостью взять кредит на те или иные нужды – от незначительных, таких как покупка стиральной машины или холодильника, до вполне существенных См.: Добркова Е. Совместный долг бывших супружов. Доступ из справ.-правовой системы «Гарант».

²⁶ Синченкова А. Личное или совместное: раздел имущества при разводе. URL: <https://pravo.ru/story/225172/>.

²⁷ Законопроект предусматривал внесение изменений помимо Семейного кодекса РФ в целый ряд нормативных актов: речь идет о Федеральных законах «О государственной регистрации недвижимости», «Об актах гражданского состояния», «О несостоятельности (банкротстве)». URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>.

отвечают интересам большинства россиян, поэтому основные положения этого института должны быть сохранены, несмотря на продолжающуюся его критику со стороны отдельных юристов. Вместе с тем развитие рыночных отношений со всей остротой обозначило в практике правоприменения немало проблем, связанных с нестыковкой отдельных положений Гражданского кодекса РФ и семейного законодательства. Нормы СК РФ терминологически отличаются от норм гражданского законодательства, вступают в противоречие с гражданским законодательством; часть положений СК РФ содержит внутренние противоречия, разрушающие конструкцию общей совместной собственности и, как следствие, не позволяющие обеспечить защиту имущественных интересов супружеских пар. С учетом указанных обстоятельств, как отмечают авторы²⁸ законопроекта, его положения содержат необходимые корректизы семейного законодательства, сформулированные предельно осторожно с целью минимального воздействия на сложившиеся семейные отношения, и вносят изменения по упрощению раздела имущества.

Как показывает анализ судебной и нотариальной практики, общее имущество супружеских пар рассматривается не как единый имущественный комплекс, включающий в себя вещи, имущественные права и общие долги супружеских пар, а как набор отдельных объектов прав, так называемых активов. В реальности нередки споры о разделе не всего имущества супружеских пар, нажитого в период брака, а отдельных объектов, когда в одном споре заявляется требование о разделе недвижимости, в другом – долей в уставном капитале хозяйственных обществ, в третьем – транспортных средств и т.д. Следует заметить, что в судебном процессе при пообъектном разделе доли супружеских пар не всегда могут быть определены равными, у суда есть право отступить от начала равенства долей в общем имуществе супружеских пар.

Когда появляются наследники супруга или кредиторы супружеского должника и заявляют требования имущественного характера, неизбежно встает вопрос о судьбе имущества, в отношении которого раздел не произведен (нет судебного решения или соглашения о разделе имущества супружеских пар). Формированию такой судебной практики способствовало положение пункта 6 статьи 38 СК РФ относительно той части общего имущества супружеских пар, «которая не была разделена». У супружеских пар в период брака, как правило, возникают не только личные, но и общие обязательства по отношению к третьим

---

²⁸ Законопроект был внесен 14 ноября 2019 г. депутатами Государственной Думы Российской Федерации П. В. Крашенинниковым и Т. В. Плетневой.

им лицам, независимо от того, кто из них выступает стороной в обязательстве. В силу пункта 2 статьи 253 ГК РФ «распоряжение имуществом, находящимся в совместной собственности, осуществляется по согласию всех участников, которое предполагается независимо от того, кем из участников совершается сделка по распоряжению имуществом». В семейном законодательстве закреплена презумпция согласия супруга – предположение о том, что при совершении одним из супругов сделки по распоряжению общим имуществом супругов он действует с согласия другого супруга (п. 2 ст. 35 СК РФ). Ведение общих дел в имущественных отношениях предопределяет решение вопроса об ответственности по обязательствам, принятым одним из лиц в пользу обоих; при этом оценить состояние общего имущества супругов невозможно, не имея полного представления о входящих в состав супружеского имущества так называемых активах и пассивах. Действующее законодательство России не содержит презумпции общих долгов супругов, что имеет принципиальное значение для правоприменения. В том случае, когда у одного из супругов возникают долговые обязательства перед третьими лицами, по таким обязательствам взыскание может быть обращено лишь на имущество этого супруга (п. 1 ст. 45 СК РФ), то есть допускается существование у каждого из супругов собственных (личных) обязательств. «Обязательство не создает обязанностей для лиц, не участвующих в нем в качестве сторон» (п. 3 ст. 308 ГК РФ). При заключении одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим только тогда, когда будет доказано, что заемные денежные средства были использованы на нужды семьи (п. 2 ст. 45 СК РФ). Бремя доказывания этого обстоятельства лежит на той стороне, которая претендует на распределение долга. Следовательно, для распределения долга в соответствии с пунктом 3 статьи 39 СК РФ обязательство должно быть либо общим, то есть возникшим по инициативе обоих супругов в интересах семьи; либо обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи²⁹. Согласно пункту 1 статьи 45 СК РФ и пункту 3 статьи 256 ГК РФ «по обязательствам одного из супругов взыскание может быть обращено лишь на имущество, находящееся в его собственности, а также на его долю в общем имуществе супругов, которая причиталась бы ему при разделе этого имущества».

²⁹ См., например: Определение Судебной коллегии по гражданским делам Верховного Суда РФ от 22 дек. 2015 г. № 16-КГ15-35.

Поиск критериев дифференциации обязательств супругов на «личные» и «общие» имеет важное практическое значение: от того, является ли обязательство личным или общим, зависит объем ответственности второго супруга³⁰: либо взыскание будет обращено на имущество супруга-должника (при его недостаточности – на его долю в общем имуществе), либо на общее имущество супругов (при его недостаточности – на личное имущество второго супруга). По сути, любое обязательство одного из супругов представляет собой его личное обязательство. Личными будут признаваться обязательства супруга, возникшие до государственной регистрации заключения брака, а также обязательства, которые неразрывно связаны с личностью: алиментные обязательства, обязательства из причинения вреда жизни и здоровью, обязательства по созданию результата интеллектуальной деятельности. Упоминание об общих обязательствах супругов содержится в пункте 2 статьи 45 СК РФ и в статье 256 ГК РФ. Толкование этих норм приводит к выводу, что при возникновении долга по общим обязательствам обращение взыскания производится на общее имущество супругов, а при его недостаточности супруги несут по общим обязательствам солидарную ответственность имуществом каждого из них.

В силу пункта 3 статьи 39 СК РФ «общие долги супругов при разделе общего имущества супругов распределяются между супругами пропорционально присужденным им долям». Неслучайно в законопроекте предлагалось отразить в СК РФ (п. 2 ст. 34, ст. 38) правило о том, что в состав общего имущества супругов входят движимые и недвижимые вещи, имущественные права (включая безналичные денежные средства, бездокументарные ценные бумаги, доли в уставном капитале хозяйственных обществ, паи в производственных кооперативах), а также общие долги (обязательства) супругов. Таким образом, «общее имущество супругов» предлагалось определить как совокупность всех активов и пассивов, нажитых супругами в браке. Между тем практика применения положений СК РФ о разделе общего имущества супругов выявила большие сложности при осуществлении

---

³⁰ См.: Низамиева О. Н. Презумпция общности имущества супругов и их ответственность по обязательствам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 90–95; Белецкая О. С. Ответственность супругов по обязательствам: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011; Слепакова А. В. Правоотношения собственности супругов. М.: Статут, 2005.

раздела так называемых бизнес-активов³¹. Очевидно, что раздел таких объектов в натуре резко уменьшает общую стоимость делимого объекта: раздел между супругами принадлежащего им контрольного пакета акций общества неизбежно приводит к изменению структуры корпоративного контроля, создает риски нестабильности внутрикорпоративных отношений и, как следствие, влечет падение цены акций. В проекте указывалось на недопустимость дробления таких объектов в результате раздела общего имущества в судебном порядке. Права на объекты, раздел которых в натуре между супругами невозможен или повлечет несоразмерное уменьшение стоимости таких объектов (неделимые вещи, сложные вещи, права участия в хозяйственном обществе в размере не менее чем 10 % от уставного капитала и др.), должны признаваться судом принадлежащими одному из супругов в счет стоимости его доли в общем имуществе, а в пользу другого супруга должна быть взыскана денежная компенсация, порядок и сроки выплаты которой определяются решением суда.

Становление практики банкротства граждан выявило необходимость уточнения соответствующих процедур применительно к случаям, когда должник является участником отношений общей совместной собственности супругов (бывших супругов). Нельзя не согласиться со справедливой критикой положений части 7 статьи 213 Федерального закона от 26 октября 2002 года № 127-ФЗ «О несостоятельности (банкротстве)», противоречащей правилам статьи 255 ГК РФ, пункта 3 статьи 256 ГК РФ и пункта 1 статьи 45 СК РФ. Вместо того чтобы выделять долю супруга-должника в общем имуществе и обращать взыскание на эту долю, финансовый управляющий, в соответствии с положениями специального закона «О несостоятельности (банкротстве)», включает в конкурсную массу супруга-должника все общее имущество обоих супругов (бывших супругов), производит реализацию этого имущества, и лишь после удовлетворения требований кредиторов в пределах доли супруга-должника, если остаются какие-то средства, эти средст-

³¹ См. об этом: Серебрякова А. А. Злоупотребление семейными правами при осуществлении предпринимательской деятельности // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 229–238; Харитонова Ю. С. Бизнес и имущество семьи // Там же. С. 116–126; Шишмарева Т. П. Ответственность супругов при ведении семейного бизнеса при недостаточности имущества // Там же. С. 589–600; Яфизова Э.Н. Соотношение способов защиты гражданских и семейных прав при разделе бизнеса супружеских // Там же. С. 600–612.

ва выдаются супругу должника³². Очевидна «прокредиторская» направленность процедуры, создающая существенный дисбаланс в пользу интересов кредиторов одного из супругов и практически полностью игнорирующая интересы супруга (бывшего супруга) должника. Супруг, не являющийся должником, даже не вправе выкупить свою долю в общем имуществе, а вынужден мириться с продажей всего общего имущества с публичных торгов или в ином порядке и в подавляющем большинстве случаев по низкой цене. Для устранения противоречия между законодательством о банкротстве, ГК РФ и СК РФ и в целях баланса интересов участников банкротного процесса предлагалась следующая редакция части 7 статьи 213 Федерального закона «О несостоятельности (банкротстве)»: реализация имущества гражданина, если супруги не разделили имущество ранее либо если брачным договором не предусмотрен иной по сравнению с общей совместной собственностью супругов режим их имущества, производится после раздела общей совместной собственности супругов (бывших супругов) по правилам, предусмотренным семейным законодательством; выделенное в результате раздела общей совместной собственности супругов (бывших супругов) гражданину имущество подлежит реализации в деле о банкротстве гражданина по общим правилам. Но законопроект не стал законом, время идет, а «воз и ныне там». Как справедливо замечает И. М. Шевченко: «Так случилось, что именно сейчас Семейный кодекс проходит так называемый “банкротный тест”, то есть его нормы проверяются делами о банкротстве... на предмет того, насколько они удачны применительно к экстремальной ситуации неисполнения обязательств: когда имущества должника явно не хватит на то, чтобы удовлетворить все требования кредиторов»³³. В силу пункта 2 статьи 45 СК РФ взыскание обращается на общее имущество супругов по общим обязательствам супругов, а также по обязательствам одного из супругов, если судом установлено, что все полученное по обязательствам одним из супругов было использовано на нужды семьи. Формулировка данной нормы дала почву для теоретических рассуждений и

---

³² См.: Пояснительная записка к проекту закона № 835938-7 «О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации». П. 9. URL: <https://sozd.duma.gov.ru/bill/835938-7>.

³³ См.: Шевченко И. М. Признание обязательств супругов общими: в какую сторону «завернуть» презумпцию? // PROБанкротство. 2023. 20 апр. URL: <https://probankrotstvo.ru/articles/priznanie-obiazatelstv-suprugov-obshhim-v-kakuiu-storonu-zavernut-prezumpciu-2549>.

выделения, наряду с общими обязательствами супругов, совместных обязательств супругов³⁴. Общие долги возникают у супругов, когда они – заемщики по кредитным договорам, должники по коммунальным платежам, солидарные должники по обязательствам вследствие причинения вреда. С недавнего времени общими стали признаваться долги по налоговым обязательствам одного из супругов, что небесспорно.

В практике Верховного Суда РФ было рассмотрено дело по иску Федеральной налоговой службы Российской Федерации (ФНС РФ) о признании обязательств на сумму 27 998 755 рублей общими обязательствами должника и его супруги. В рамках дела о банкротстве должника Федеральная налоговая служба обратилась в суд с заявлением о признании всех включенных в реестр обязательств Голышева А. П. общими с супругой Голышевой Л. Г. в размере 27 998 755 рублей 61 копейки, в том числе 21 270 732 рубля 94 копейки – основной долг, 5 942 351 рубль 11 копеек – пени, 785 671 рубль 56 копеек – штрафы. ФНС РФ обосновывала требования тем, что имущество, нажитое супружами в период брака, является их совместной собственностью, следовательно, и обязательства, возникшие в данный период, являются общими. Суд первой инстанции, установив, что имущество, на которое начислен налог, является совместно нажитым и что Голышева Л. Г. обладала всеми правами собственника имущества, пришел к выводу об обоснованности заявления в части признания задолженности по налогам общими обязательствами супругов. Третий арбитражный апелляционный суд исходил из того, что полученные от предпринимательской деятельности должника денежные средства были направлены на нужды семьи, а следовательно, долги по налогам, возникшие из предпринимательской деятельности должника, являются общими обязательствами супругов³⁵. Суд округа поддержал выводы судов первой и апелляционной инстанций, признав, что действия супругов по разделу совместно нажитого имущества без намерения раздела обязательств имеют признаки направленности на избежание ответственности за неисполнение обязанностей по уплате налогов. Верховный Суд РФ признал выводы судов соответствующи-

³⁴ См. например: Ломакина П. А. Правовое регулирование общих обязательств супругов: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

³⁵ Постановление Третьего арбитражного апелляционного суда от 2 марта 2020 г. по делу № А33-29543/2017к13.

ми нормам права (ст. 210 и 249 ГК РФ; ст. 33–35, 39 и 45 СК РФ; ст. 357, 388 и 400 Налогового кодекса Российской Федерации³⁶).

Распределение общих долгов супругов, произведенное без согласия кредитора, не изменяет обязанности по погашению общей задолженности. Супруги должны действовать добросовестно при исполнении обязательства перед кредиторами. Обязательство по уплате налога на имущество, принадлежащее супругам на праве общей совместной собственности, было признано судом общим, несмотря на то что к моменту рассмотрения спора было разделено. В заявлении ФНС РФ содержалось также требование о признании общими налоговых обязательств, возникших в связи с осуществлением супругом предпринимательской деятельности. По мнению супруги, предпринимательская деятельность напрямую связана с рисками, которые предприниматель должен адекватно оценивать и быть к ним готовым, поэтому распределение данных рисков между супругами является недопустимым. Верховный Суд РФ указал в определении³⁷, что доходы от предпринимательской деятельности возникли в течение брака и в соответствии со статьей 34 СК РФ относятся к совместной собственности, а *обязательство по уплате налогов необходимо квалифицировать как встречное предоставление за получение и пользование доходом от предпринимательской деятельности* (курсив наш. – Т. Ш.).³⁸

Понимание важности налогов для общества и государства, закрепление конституционной обязанности по их уплате вместе с тем позволяет не согласиться с правовой квалификацией налоговой обязанности. Налоговая обязанность, как и юридическая ответственность, всегда носит персонифицированный, индивидуальный характер. Квалификация судами налоговой обязанности в отношении имущества, принадлежащего супругам на праве общей совместной собственности, в качестве общей обязанности супружеских пар не вызывает возражений, собственник имущества в силу статьи 210 ГК РФ несет бремя его содержания, включая уплату налогов. Однако аналогичный подход

---

³⁶ Налоговый кодекс Российской Федерации (часть вторая): Федер. закон от 5 авг. 2000 г. № 117-ФЗ: принят Гос. Думой 19 июля 2000 г.: одобрен Советом Федерации 26 июля 2000 г. (ред. от 29.05.2023). Далее – Налоговый кодекс РФ, НК РФ.

³⁷ Определение Верховного Суда РФ от 25 сент. 2020 г. № 302-ЭС20-12854 по делу № А33-29543/2017.

³⁸ Сложно представить ситуацию, при которой заработная плата была перечислена работнику (супругу) и, в силу статьи 34 Семейного кодекса РФ, поступила в общую совместную собственность супружеских пар, а НДФЛ при этом не былдержан налоговым агентом (работодателем). Разве такая ситуация предоставляет возможность удержания НДФЛ со второго супруга, не являющегося работником? Очевидно, нет.

к исполнению налоговой обязанности в отношении доходов от предпринимательской деятельности одного супруга, как представляется, противоречит самой сущности предпринимательской деятельности. Обязанность по уплате налогов является личной обязанностью лица, осуществляющего индивидуальную предпринимательскую деятельность. Применение к лицу мер юридической ответственности, порождающих публично-правовую или частноправовую обязанность по уплате штрафов, пеней, денежных средств, носит личный характер, и если долг возник из личных обязательств, то взыскание обращается на личное имущество супруга-должника. Налоговым кодексом РФ не предусмотрена ответственность супруги за неисполнение супругом-налогоплательщиком личной налоговой обязанности. Неисполнение общих обязательств супругов влечет гражданско-правовые последствия, а не налоговые. НК РФ не предусматривает общей налоговой ответственности супружев. В случае заключения одним из супругов договора займа или совершения иной сделки, связанной с возникновением долга, такой долг может быть признан общим лишь при наличии обстоятельств, вытекающих из пункта 2 статьи 45 СК РФ, бремя доказывания которых лежит на стороне, претендующей на распределение долга. Для распределения долга в соответствии с пунктом 3 статьи 39 СК РФ долговое обязательство должно являться общим, то есть возникнуть по инициативе обоих супругов в интересах семьи, либо являться обязательством одного из супругов, по которому все полученное было использовано на нужды семьи. Налоговая обязанность возникает в соответствии с законом, носит публично-правовой характер и от воли и волеизъявления граждан не зависит.

Библиографический список

- Белецкая О. С. Ответственность супружев по обязательствам: вопросы теории и практики: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
- Белецкая О. С. Ответственность супружев по обязательствам: вопросы теории и практики: дис. ... канд. юрид. наук. М., 2011.
- Богдан В. В. Право социальных сетей (частноправовой аспект) // Пермский юридический альманах. 2022. Вып. 5. С. 133–147.
- Богдан В. В. Семейный бизнес в социальных сетях: эффект бабочки // Семейный бизнес & качество правовой среды / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 19–34.
- Зубарева О. Г. Семейный бизнес: проблемы правоприменения, поиск компромисса // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 55–61.

Карелина С. А., Фролов И. В. Семейный бизнес и проблемы формирования конкурсной массы в условиях финансовой несостоятельности (банкротства) супружеского (бывших супружеских) отечественный и зарубежный опыт // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 304–317.

Кирсанова Е. Е. Правовое регулирование оборота прав на результаты интеллектуальной деятельности в цифровой экономике: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

Котенко Е. С. Понятие и признаки мультимедийного продукта // Lex Russica (Русский закон). 2013. Т. 95, № 6. С. 601–615.

Кулаков В. В. Некоторые аспекты конкретизации норм обязательственного права применительно к институту семейного бизнеса // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 165–174

Левушкин А. Н. Семейный бизнес в условиях коронавирусной инфекции (COVID-19) и обеспечение качества правовой среды // Семейный бизнес & качество правовой среды / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2022. С. 55–69.

Ломакина П. А. Правовое регулирование общих обязательств супружеского // дис. ... канд. юрид. наук. М., 2021.

Максимович Л. Б. Проблемы правового регулирования семейного предпринимательства в России // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 82–89.

Матвеев И. В. Ответственность членов семьи как контролирующих лиц должника при банкротстве // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 325–332.

Мустафин Р. Ф., Мустафина С. А., Казарян А. А. Особенности международного правового режима «раздела» криптовалюты как имущества в бракоразводном процессе // Аграрное и земельное право. 2022. № 2. С. 46–48.

Низамиева О. Н. Презумпция общности имущества супружеского и их ответственность по обязательствам // Вестник Саратовской государственной юридической академии. 2016. № 3. С. 90–95.

Серебрякова А. А. Злоупотребление семейными правами при осуществлении предпринимательской деятельности // Семейный бизнес в правовом пространстве России: монография / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 229–238.

Серова О. А. Семейный бизнес: перспективы и риски институционального закрепления // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 98–106.

Слепакова А. В. Правоотношения собственности супружеского. М.: Статут, 2005.

Тагаева С. Н. Раздел имущества индивидуального предпринимателя как субъекта брачного правоотношения // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 248–256.

Телюкина М. В. Совместное банкротство супругов. Некоторые проблемы // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 370–380.

Харитонова Ю. С. Бизнес и имущество семьи // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 116–126.

Шапсугова М. Д. Семейное предприятие: подходы к формализации // Северо-Кавказский юридический вестник. 2020. № 4. С. 169–174.

Шевченко И. М. Признание обязательств супружескими: в какую сторону «завернуть» презумпцию? // PROБанкротство. 2023. 20 апр. URL: <https://probankrotstvo.ru/articles/priznanie-obiazatelstv-suprugov-obshchimi-v-kakuiu-storunu-zavernut-prezumpciyu-2549>.

Шевченко И. М. Солидарные обязательства и общие обязательства супружеского – соотношение понятий // PROБанкротство. 2023. 14 февр. URL: <https://probankrotstvo.ru/articles/solidarnye-obiazatelstva-i-obshchie-obiazatelstva-suprugov-sootnosenie-poniatii-2136>.

Шихамиров И. С. Интернет-аккаунт как объект гражданских прав: практика обращения и перспективы использования категории «аккаунт», «учетная запись» // Цифровая наука. 2021. № 6-2. С. 72–89.

Шишмарева Т. П. Ответственность супружеского при ведении семейного бизнеса при недостаточности имущества // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 589–600.

Яфизова Э. Н. Соотношение способов защиты гражданских и семейных прав при разделе бизнеса супружеского // Семейный бизнес в правовом пространстве России / отв. ред. И. В. Ершова, А. Н. Левушкин. М.: Проспект, 2020. С. 600–612.

Информация для цитирования

Пьянкова А. Ф., Шершень Т. В. Раздел общего имущества супружеского в Российской Федерации: спорные вопросы теории, законодательства и правоприменения // Ex jure. 2023. № 3. С. 145–167. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-145-167.

Pyankova A. F., Shershén T. V. Marital Property' Division: Issues of Theory, Legislation and Law Enforcement. Ex jure. 2023. № 3. Pp. 145–167. DOI: 10.17072/2619-0648-2023-3-145-167.

ПРАВИЛА НАПРАВЛЕНИЯ И ОПУБЛИКОВАНИЯ НАУЧНЫХ СТАТЕЙ В EX JURE

Представленная статья должна быть оригинальной, не публиковавшейся ранее, соответствующей тематике научной специальности 12.00.00 – юридические науки.

Объем текста статьи (без учета метаданных и библиографического списка) – от 20 до 30 тыс. знаков (15–20 стр.). Страницы нумеруются. Шрифт Times New Roman. Межстрочный интервал – полуторный. Размер шрифта (кегль) для основного текста – 14, для сносок – 12. Сноски проставляются постранично, нумерация сквозная.

Правовые акты, упоминаемые в тексте, должны содержать дату принятия, номер и полное официальное наименование. Источник опубликования актов не приводится ни в сносках, ни в библиографическом списке.

Статья должна быть представлена единственным файлом и иметь следующую структуру.

1. Метаданные на русском и английском языках:

- название;
- ФИО автора; ученая степень и звание, должность и место работы;
- юридический адрес организации – места работы автора;
- адрес электронной почты автора;
- аннотация: 100–150 слов;
- ключевые слова: 5–7 слов.

2. Текст статьи

3. Библиографический список (оформляется по ГОСТ 7.0.5-2008). Список литературы должен включать только те работы, которые упоминаются в тексте. Рекомендуем обратить внимание на статьи, смежные с тематикой автора, опубликованные в журнале «Вестник Пермского университета. Юридические науки» (www.jurvestnik.psu.ru); ссылки на эти статьи очень приветствуются.

Образцы оформления сносок:

Сырых В. М. История и методология юридической науки. М.: Норма, 2012.

Кузнецова О. А. Вина энергоснабжающей организации при неправомерном перерыве в подаче энергии // Вестник Пермского университета. Юридические науки. 2015. Вып. 2(28).

Червяков К. К. Основания возникновения и прекращения родительских правоотношений по советскому семейному праву: автореф. дис. ... канд. юрид. наук. Саратов, 1971.

Голубцов В. Г., Кузнецова О. А. Цель цивилистического диссертационного исследования // Методологические проблемы цивилистических исследований: сб. науч. статей / отв. ред. А. В. Габов, В. Г. Голубцов, О. А. Кузнецова. М.: Статут, 2016.

Файл статьи в формате «doc» прикрепляется к сопроводительному письму и направляется на адрес электронной почты редакции: ex-jure@mail.ru.

Несоблюдение правил оформления статьи является основанием для отказа в принятии ее к рассмотрению.

Статья, отвечающая требованиям к оформлению, подлежит обязательному анонимному рецензированию членом редакционного совета или редакционной коллегии или привлеченным специалистом в области тематики статьи, с целью ее экспертной оценки. При выборе рецензента главный редактор руководствует следующими критериями: рецензент должен являться квалифицированным специалистом по тематике рецензируемой рукописи и иметь в течение последних 3 лет публикации по тематике рецензируемой статьи.

Срок рецензирования составляет 2–3 месяца. Копии рецензии или мотивированный отказ направляются автору. Рецензии хранятся в редакции в течение 5 лет.

Редакция журнала обязуется направлять копии рецензий в Министерство науки и высшего образования РФ при поступлении соответствующего запроса.

Всем научным статьям присваивается DOI.

Плата за рецензирование, публикацию статей и присвоение DOI не взимается.

RULES OF SUBMISSION AND PUBLICATION SCIENTIFIC ARTICLES IN EX JURE

The presented article should be original, not previously published, corresponding to the subject of scientific specialty 12.00.00 – Legal Sciences.

The volume of a text (excluding metadata and references) – from 20 to 30 thousand characters (15–20 p.). The pages are numbered. Times New Roman Font. Line spacing is 1,5. The font size for the main text is 14, for footnotes – 12. Footnotes are given page by page, numbering should be continuous.

The legal acts mentioned in the text must contain the date of adoption, the number and the full official name. The source of publication of legal acts is not given either in footnotes or in the references.

The article should be presented as a single file and have the following structure.

1. Metadata in Russian and English languages:

- article title;
- name of the author; academic degree and title, position and place of work;
- legal address of the organization—the author's place of work;
- author's email address;
- abstract: 100–150 words;
- keywords: 5–7 words.

2. Text of article.

3. References (drawn up according to GOST 7.0.5-2008). The references should only include works that are cited in the text. We recommend to pay attention to the articles related to the subject of the author, published in the journal "Perm University Herald. Juridical Sciences" (www.jurvestnik.psu.ru). References to these articles are highly welcome.

Sample design footnotes:

Sirih V. M. History and methodology of legal science. Moscow, 2012.

Kuznetsova O. A. The guilt of an electric power supply organization in case of illegal interruption in power supply // Perm University Herald. Juridical Sciences. 2015. № 2(28).

Chervyakov K. K. Grounds for the emergence and termination of parental relations under soviet family law: synopsis of a thesis by PhD in law. Saratov, 1971.

Golubtsov V. G., Kuznetsova O. A. Civil Thesis Research Purpose // Methodological Problems of Civil Researches: Collection of Scientific Articles / Eds. in Ch. A. V. Gabov, V. G. Golubtsov, O. A. Kuznetsova. Moscow, 2016.

The article file in the doc format is attached to the cover letter and sent to the editorial e-mail address: ex-jure@mail.ru.

Failure to comply with the rules of submission and publication is the basis for refusal to accept it for consideration.

The article that meets the rules of submission and publication is subject to anonymous mandatory review by a member of the Editorial Board (or Editorial Staff) or by a specialist in the field of the article subject for the purpose of its expert evaluation. When choosing a reviewer, it is guided by the following criteria: the reviewer should be a qualified expert on the subject of the reviewed article and reported to have published on the subject of the reviewed article for the last 3 years.

The review period is 2–3 months. Copies of the review or a reasoned refusal are sent to the author.

Reviews are kept in the editorial office for 5 years.

The Editorial Board undertakes to send copies of reviews to the Ministry of Science and Higher Education of the Russian Federation upon request.

All scientific articles are assigned a DOI.

Fee for peer review, publication and the assignment of a DOI is not charged.

Научное издание

Ex jure

2023. № 3

Редактор

Т. И. Ускова

Корректор *М. И. Иванова*

Дизайн обложки,
компьютерная вёрстка *Т. А. Басовой*

Подписано в печать 10.07.2023

Дата выхода в свет 14.07.2023. Формат 70x100/16

Усл. печ. л. 13,81. Тираж 150 экз. Заказ 105

Издательский центр
Пермского государственного
национального исследовательского университета
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15
+7 (342) 239 66 36

Типография ПГНИУ
614990, г. Пермь, ул. Букирева, 15

Распространяется по подписке и бесплатно